

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук
Петрозаводский государственный университет

МАТЕРИАЛЫ

**научной конференции
«Бубриховские чтения:
карельская научная школа исследования
прибалтийско-финских языков и культур»**

Петрозаводск
6–7 октября 2016 г.

Ответственный редактор: доктор филологических наук Н. Г. Зайцева

Рецензенты: кандидат филологических наук И. А. Кюршунова,
кандидат филологических наук И. П. Новак

Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». Петрозаводск, 6–7 октября 2016 г. / Отв. ред. Н. Г. Зайцева. – Петрозаводск, 2016. – 153 стр. [Электронный ресурс].

Электронная публикация включает в себя материалы, подготовленные к конференции «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур» (Петрозаводск, 6–7 октября 2016 г.), которая была проведена совместными усилиями ученых Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН и Петрозаводского государственного университета. В рамках центральной темы конференции рассматривается вклад отдельных ученых в становление карельской научной исследовательской школы, основы которой заложил член-корреспондент АН СССР, профессор Д. В. Бубрих, анализируются некоторые новейшие направления развития школы и обсуждаются наиболее актуальные проблемы прибалтийско-финских языков и культур.

Оригинал-макет Н. Л. Шибанова

ISBN 978-5-9274-0760-6

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Прибалтийско-финская научная школа Карелии в именах и датах	6
<i>Бойко Т. П.</i> Г. Н. Макаров – основоположник карельской лексикографии	6
<i>Паикова Т. В.</i> От саамского языка к карельскому: научно-педагогический путь П. М. Зайкова	11
<i>Родионова А. П.</i> Об исследовании людиковского наречия карельского языка в Карелии (А. П. Баранцев)	14
<i>Бойко Т. П.</i> У истоков карельской письменности (к 75-летию юбилею Л. Ф. Маркиановой)	18
Строгальщикова З. И. М. М. Хямляйнен и вепская письменность	22
<i>Коробейникова С. В.</i> Отечественное финно-угроведение: забытые имена – А. М. Михкиев	34
<i>Казакова М. В.</i> А. И. Мишин – переводчик и исследователь «Калевалы»	37
Современные направления развития прибалтийско-финской научной школы	41
<i>Зайцева Н. Г.</i> Лингвогеографические исследования в Карелии	41
<i>Пеллинен Н. А.</i> Новые научные направления в исследовании прибалтийско- финских языков и культур Карелии (лингвофольклористика и этнолингвистика)	51
<i>Нагурная С. В.</i> Прибалтийско-финские народы Карелии: социолингвистический анализ	56
<i>Зайков П. М.</i> Научные лингвистические школы исследования карельского языка	63
<i>Муллонен И. И.</i> Вилье Ниссиля и топонимическая наука в Карелии	66
<i>Миронова В. П.</i> Карельская эпическая традиция: к истории изучения вопроса	75
<i>Иванова Л. И.</i> Изучение вепской и карельской мифологии в ИЯЛИ: имена, научные исследования и важнейшие результаты	80
Прибалтийско-финские языки и культуры: поиски и открытия	91
<i>Мызников С. А.</i> Этимологические исследования через призму лингвогеографии: финно-угорский субстрат и арготизмы	91
<i>Захарова Е. В.</i> Топонимия Водлозерья как объект научного поиска: история и перспективы	98
<i>Кузьмин Д. В.</i> Становление христианского именослова у карелов: историко- культурный аспект	105
<i>Кошелева М. В.</i> Дистрибуция показателей <i>-ta/-da</i> в I инфинитиве вепских двух- основных глаголов	111
<i>Каракин Е. В.</i> Пейоративная и обценная лексика карельского языка (по материа- лам экспедиций в Тверскую область)	115
<i>Литвин Ю. В.</i> Новые аспекты в изучении родильной обрядности карелов (по ма- териалам экспедиции в Кондопожский район)	121
<i>Дьяконова М. В.</i> Финно-угорские языки в Республике Карелия: возможности и перспективы возрождения	127
Финляндия и Россия: диалог литератур	133
<i>Сойни Е. Г.</i> Финляндия в творчестве Максима Горького	133
<i>Пекшиева М. В.</i> Финские герои и тема огня в «Саламандре» Ф. М. Одоевского	137
<i>Маташина И. С.</i> Особенности шведоязычной литературы Финляндии начала XX века	141

Проблемы методики преподавания: история и современность	144
<i>Колоколова О. А.</i> Т. О. Гуттари (Леа Хело) как филолог-методист (на материале хрестоматий по литературе для средней школы 1940–1952 гг.)	144
<i>Иганус И. Т.</i> Глаголы движения в финском языке: семантический подход в преподавании	148
<i>Калинина Е. А.</i> Школьный курс «Отечественная история» в первой половине XIX в.: содержание, формы и методы преподавания	150

Предисловие

Конференция «Бубриховские чтения», которая регулярно проводится в Петрозаводске усилиями сотрудников Института языка, литературы и истории и кафедры прибалтийско-финской филологии ПетрГУ, не случайно носит имя Д. В. Бубриха.

Член-корреспондент АН СССР, профессор Д. В. Бубрих приехал в Карелию еще в конце 1920-х годов, на заре становления финно-угроведения не только в Карелии, но и в России вообще. Он инициировал и возглавил создание «Диалектологического атласа карельского языка», позволившее ему установить генезис наречий карельского языка и участия в нем вепского языкового компонента. Исследовательские традиции, заложенные Д. В. Бубрихом, развиваются усилиями уже нескольких поколений карельских финно-угроведов, специалистов в области культуры и этнографии, выросших в лоне Бубриховской исследовательской научной школы, сложившейся в Карелии.

Наследие Д. В. Бубриха было предметом научного обсуждения на конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере», которая проходила в 2015 г. и была посвящена 125-летию юбилею Д. В. Бубриха. XVI конференция «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур», состоявшаяся 6–7 октября 2016 года, обсуждала развитие основных научных идей и направлений, заложенных Д. В. Бубрихом, его учениками и последователями.

Открывает сборник цикл статей, посвященных научному наследию отдельных представителей Бубриховской школы финно-угроведения, работавших в Карелии. Среди них как хорошо известные, так и уже несколько забытые имена: Г. Н. Макаров, М. М. Хмяляйнен, А. М. Михкиев, Л. Ф. Маркианова, А. П. Баранцев, А. И. Мишин, П. М. Зайков. Некоторые из них стояли у истоков целых направлений науки в Карелии. Г. Н. Макарова можно назвать основоположником карельской лексикографии; М. М. Хмяляйнен заложил основы исследовательской традиции вепского языка, участвовал в создании вепской письменности; поистине настоящим просветителем карельского народа, подготовившим многочисленные учебники, учебные пособия и словари для школ и вузов, обогатившим карельский язык новейшей лексикой и терминологией, является Л. Ф. Маркианова.

Следующий цикл статей раскрывает особенности формирования ряда направлений исследования в карельском финно-угроведении, в том числе активно разрабатывающихся в последние годы лингвистической географии, лингво- и этнофольклористики, социолингвистики, ономастики, эпосоведения и мифологии.

В отдельном цикле статей освещается ряд конкретных проблем лингвистической и этнографической науки в Карелии. Показана, например, роль лингвистической географии в этимологическом исследовании (С. А. Мызников), представлено, как шло становление христианского именослова у карелов (Д. В. Кузьмин), выяснено, что нового вносит топонимия в познание этнокультурной истории Водлозерья (Е. В. Захарова), исследовано, развитие и становление показателей I инфинитива в языке вепсов (М. В. Кошелева), предложены некоторые подходы к изучению пейоративной и обценной лексики карельского языка и возможности ее включения в диалектные словари (Е. В. Каракин), выявлены новые аспекты в изучении родильной обрядности у карелов (Ю. В. Литвин).

В статьях литературоведческого характера исследуются контакты в области литературы России и Финляндии (Е. Г. Сойни, М. В. Пекшиева, И. С. Маташина), а небольшой цикл статей по составлению учебных хрестоматий, отбору материала для учебников истории, методике преподавания финского языка (О. А. Колоколова, И. Т. Иганус, Е. А. Калинина) является своеобразным откликом исследователей на запросы практики сегодняшнего дня.

За более чем 20-летнюю историю конференция «Бубриховские чтения» стала эффективным инструментом для развития исследований в области прибалтийско-финской филологии и культуры в республике, роста молодых кадров и в целом поддержки лучших традиций Бубриховской школы.

Н. Г. Зайцева

Татьяна Петровна Бойко

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

Г. Н. МАКАРОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК КАРЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ*

Тема нашей конференции располагает к тому, чтобы рассказать о тех людях, которые стояли у истоков исследования карельского языка, карельской культуры. Автор данной статьи с особым почтением и вниманием отнеслась к предложению выступить на конференции с сообщением о человеке, который внёс огромный вклад в развитие карельской лексикографии, да и в целом в развитие карельского языка. Хочется представить Г. Н. Макарова как учёного, лексикографа, активного собирателя диалектных карельских материалов, имя которого, может быть, известно преимущественно специалистам, но вместе с тем, которое должно быть авторитетом для карелов, занимающихся вопросами, как исследования, так и возрождения карельского языка. Очень важно, чтобы имя и творчество одного из лучших представителей науки о карелах стало хорошо известным в нашей республике.

В последнее время возникает много вопросов вокруг научного наследия Григория Николаевича Макарова. В первую очередь это касается «Словаря карельского языка» [Словарь 1990], созданного Г. Н. Макаровым. Бытует мнение, что словарь значительно сокращён редакторами, что в него вошли не все материалы, собранные автором. В течение нескольких недель автор данной статьи работала в Архиве Карельского Научного центра, знакомясь с материалами Г. Н. Макарова. Были просмотрены все словники, заполненные информантами, многочисленные варианты рукописей словаря. Можно смело заверить всех, что редакторами была проделана кропотливейшая работа по редактированию рукописи, о чём будет рассказано ниже.

Г. Н. Макаров – глубокий знаток и исследователь языка и культуры карельского народа – родился 23 января 1918 г. в д. Самбатукса Олонецкого района Карельской АССР в семье крестьянина. Окончив в Самбатуксе четвёртый класс, Г. Н. Макаров перешёл учиться в школу крестьянской молодёжи в Олонец, а затем после окончания семилетки поступил учиться в Петрозаводск во вторую среднюю школу, в которой преподавание велось на финском языке. В 1936 г. он окончил десятый класс, но ещё целый год ходил на рабфак: днём учился, а по вечерам работал корректором в редакции газеты «Punainen Karjala». Затем началась учёба в Петрозаводском педагогическом институте, который в 1940 г. был преобразован в государственный университет. Когда началась война, Г. Н. Макаров был призван в армию. Вернувшись с фронта, он продолжил учёбу в университете, успешно закончив его в 1946 г. Уже в годы учёбы в университете определился интерес Григория Николаевича к национальному фольклору и языковедческой работе. Свою дипломную работу Г. Н. Макаров писал по лексике плачей известной причитальщицы Анны Михайловны Пашковой на основе изданного в 1940 году сборника «Причитания».

По окончании вуза Макаров меньше года проработал в Министерстве иностранных дел Карело-Финской ССР, а в 1947 г. уехал вместе с семьёй в Калининскую область на родину супруги. Работая в Козловской средней школе учителем русского языка и литературы, общаясь с детьми, которые хорошо говорили по-карельски, он смог ближе познакомиться с диалектами тверских карел, что явилось хорошей научной базой для изучения других диалектов карельского языка.

Научный путь Г. Н. Макарова начался в 1952 г. Вслед за своим школьным товарищем Алексеем Степановичем Жербиным, закончившим к тому времени аспирантуру, Григорий Николаевич решил тоже попытаться поступить в аспирантуру. Он был допущен к экзаменам

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

и принят в целевую аспирантуру при Институте языкознания в Москве. Научным руководителем его стала известный финно-угровед, профессор Клара Евгеньевна Майтинская. В ноябре 1955 г. он закончил аспирантуру по специальности «финский язык» и защитил диссертацию на тему «Именные (субстантивные) определительные словосочетания в финском языке», которая явилась одной из первых работ в советском языкознании по синтаксису финского языка.

В декабре 1955 года Г. Н. Макаров стал ученым секретарем Института языка, литературы и истории, а в 1958 году он перешёл в сектор языкознания на должность младшего научного сотрудника, а через шесть лет уже работал в должности старшего научного сотрудника того же сектора.

Учёба у лучшего финно-угроведа страны К. Е. Майтинской значительно повысила научный кругозор Г. Н. Макарова, что позволило ему подготовить серьёзный научный очерк «Карельский язык» для книги «Языки народов СССР», в котором впервые в СССР был представлен карельский язык [Макаров 1966: 61–81]. Написанные исследователем статьи по карельскому языку не утратили актуальности и спустя десятилетия.

Итак, с 1961 года, имея основательную языковедческую подготовку, Г. Н. Макаров смог взяться за более серьёзное изучение ливвиковского диалекта карельского языка. Он поставил перед собой задачу подготовить к печати словарный материал, собранный по коткозерскому говору местным учителем Н. А. Анисимовым, и дополненный материалами по другим говорам ливвиковского диалекта. Выбор коткозерского говора был обусловлен его наибольшей распространённостью (говор охватывает более 20 деревень) и центральным положением в наиболее густонаселённой части территории проживания ливвиков. Эта работа оказалась несколько увлекательной, настолько же трудной. Выяснилось, что многие помощники Анисимова, а это были в основном тоже школьные учителя, слишком дилетантски заполняли его вопросники. В многих случаях они ограничивались лишь тем, что переписывали коткозерские образцы на свой лад, в соответствии с фонетической и морфологической системой говора. Чтобы внести правки и освежить материал, Григорию Николаевичу пришлось искать новых помощников и самому заняться сбором материала. В процессе работы словник был дополнен по разным источникам. Целиком один экземпляр словника был заполнен в Коткозере В. М. Макушевой и А. М. Блохиной.

Одной из лучших помощниц Г. Н. Макарова по сбору материала была пенсионерка К. А. Гуляшова, бывшая учительница Мегрегской школы. Материал, собранный ею, имеется в картотеке сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН. Также ценные материалы по второму экземпляру словника были собраны и представлены Г. Н. Макарову такими информантами, как Губарева О. Н. из д. Торосозеро, Кириллов Г. В. из д. Вагвозеро, Макушева В. М. из с. Коткозеро, Феклистов М. И. из д. Гошкила и др.

В процессе составления словаря Григорий Николаевич ежегодно выезжал в районы для сбора материала и не прекращал работать даже во время отпусков, которые проводил в Самбатуксе или Печной Сельге. Разгуливая по деревне и общаясь с односельчанами, он всегда имел при себе принадлежности для записывания. Сам он был прекрасным знатоком карельского языка, сохранившим изумительно тонкое чувство родного ливвиковского диалекта. И рукопись словаря росла, созревала, впрочем, не так быстро, как предполагалось по институтским планам. Работа над составлением словаря родного ливвиковского диалекта доставляла Григорию Николаевичу и радости и горести. Радость приносили ему сельские друзья и активные помощники, подобные Клавдии Александровне Гуляшовой, и те коллеги, которые с пониманием относились к неудержимому увеличению объёма рукописи. Особенно благодарен был Григорий Николаевич старшему научному сотруднику Института языкознания АН СССР (Москва) Юрию Сергеевичу Елисееву, который был утверждён ответственным редактором словаря, и вместе с которым он решал возникавшие вопросы как по структуре словарных статей и подаче иллюстративного материала, так и по принципам организации справочного аппарата. В заключении, данном Ю. С. Елисеевым как ответственным редактором словаря, написано: «По ориентировочным подсчётам текст словаря составит около 80 а. л. Кроме того, словарь будет снабжён грамматическим очерком диалекта (5–6 а. л.) и русским регистром (10–12 а. л.).

Таким образом, общий объём словаря составит около 100 а. л. Имея в виду, что двуязычный словарь бесписьменного карельского языка составляется впервые, и едва ли можно рассчитывать на повторное его издание в будущем, крайне нежелательно было бы идти по линии сокращения объёма словаря, и следовало бы сохранить весь материал, имеющийся в авторском варианте» [НА КарНЦ РАН¹, ф. 18, оп. 2, д. 1, л. 237].

Составление таблиц спряжений и склонений было, пожалуй, самым трудным и доставляло Григорию Николаевичу некоторые неприятности. Также нелёгким оказался подбор русских эквивалентов карельским иллюстрациям.

Осенью 1967 года, когда Г. Н. Макаров приехал навестить родную Самбатуксу, с ним случился острый сердечный приступ. С тех пор редактирование словаря стало ещё сильнее отставать от плановых сроков. Тем не менее, 27 марта 1971 г. он поделился радостью в письме к Пертти Виртаранта: «И вот теперь словарь в виде рукописи готов, всего около 4000 машинописных листов. Мне самому кажется, что это был титанический труд, и вообще я пришёл к выводу, что составление словаря – непосильная задача для одного человека, особенно в такой короткий срок. У меня сейчас такое чувство, как будто скинул с плеч огромнейшую тяжесть» [Виртаранта 1992: 64].

Рабочий вариант рукописи Словаря в объёме 110 а. л. требовал не только обычного титульного редактирования, но и известной авторской доработки. Эта работа была начата Г. Н. Макаровым, но его труд прервался на начальных буквах: из всего объёма рукописи он успел переработать 570 страниц. После первого сердечного приступа, случившегося в сентябре 1967 г., здоровье Григория Николаевича так больше до конца и не восстановилось, и 21 апреля 1972 г. его сердце успокоилось навеки.

Перед редакторами было поставлено условие – не превышать объём словаря больше 95–100 а. л. Сокращение объёма необходимо было совместить с задачей максимального сохранения лексического богатства языка, зафиксированного в словаре. Основную редакторскую работу выполняла старший научный сотрудник сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН И. В. Сало – опытный лексикограф, составитель финско-русских и русско-финских словарей. Необходимость проверки материала в отношении толкования и перевода слов или их морфологических характеристик возникала у редактора в целом ряде случаев. Проводились проверки и уточнения со специалистами и носителями ливвиковского диалекта в Петрозаводске, а также в местах распространения коткозерского говора. Самую ценную помощь в этой работе оказала научный сотрудник сектора языкознания Л. Ф. Маркианова, взяв на себя труд сплошного прочтения рукописи словаря, поскольку являлась носителем данного диалекта.

Редакторы в предисловии указывают, что иллюстративный материал был неравномерно распределён по словарным статьям: одни статьи были перенасыщены иллюстрациями, другие же словарные статьи их не имели или их не хватало для раскрытия значений. При внимательном прочтении рукописи в Архиве нам удалось найти много подтверждений этому: например, у союза *a* в первом значении дано 10 примеров, в том числе 3 пословицы; у глагола *andua* выделено 13 значений, в отредактированном варианте дано 7, но за \diamond (ромбом) даны примеры, взятые из остальных 6 значений. Поскольку в словаре имелся богатейший диалектный материал, редакторы сумели целесообразно распределить его по словарным статьям. В некоторых случаях они дали более подробную разработку значений, поскольку это подтверждалось имевшимся иллюстративным материалом, например, в статье *alahaine* к двум имеющимся значениям прилагательных ‘нижний, расположенный внизу’ и ‘низкий, низко расположенный’, добавлено ещё два значения существительных: ‘низ, нижний этаж’ и ‘нижний, живущий внизу’, которые ранее не были выделены [Словарь 1990: 19].

В рукописи было выявлено немало слов, которые были в иллюстрациях, но остались без внимания. Редакторы включили их в словарь в качестве заголовочных, снабдив их переводом, и перенесли в эти статьи соответствующие иллюстрации, например, появилась статья

¹ Здесь и далее: Научный архив Карельского научного центра РАН.

ennustelu ‘предсказывание’ (в статье *ennustella* была иллюстрация *sanella ennusteluloi* ‘предсказывать’) [Словарь 1990: 49].

В глагольных словарных статьях у автора в скобках даны суффиксы (-ndu, -mine, -us, -ai), с помощью которых можно образовать имена существительные и прилагательные.

Редакторы к имеющимся уже таким статьям с отглагольными существительными добавили статьи, получившие самостоятельное значение, например, *ailastus* ‘горе, удар’; *čohkeh* ‘возня’; *čuhineh* ‘шёпот, молва’; *emändöičys* ‘стряпня’ и т. п.

В целях сокращения объёма словаря редакторам пришлось снять русскоязычные заимствования, у которых в ливвиковском диалекте имелись свои эквиваленты, например, были сняты такие слова, как *arenduija*, *arestuija*, *beda*, *besputnoi*, *blahodarie*, *blahodarnoi*, *dorogoi*, *dosku*, *dotovo*, *duarom*, *ikru*, *jarkoi*, *pripuadošnoi* и т. п. Не включили редакторы в словарь незначительное число топонимов и антропонимов, имевшихся в рукописи, например: *Čoga* – название кладбища в Коткозере, *Mišanakkunevesky* ‘невестка – Мишина жена’.

Одной из самых трудных у редакторов была разработка глагольных словарных статей. В карельском языке хорошо развита система глагольного словообразования, когда оттенки однократности, многократности, моментальности, фреквентативности, каузативности и т. д. выражаются отдельными суффиксами, последовательно наращиваемыми друг на друга. Автор испытывал большие трудности в их однозначном переводе на русский язык. Поэтому в рабочем варианте рукописи Г. Н. Макаров переводил только основной глагол, а производные от него давались с отсылкой к основному глаголу. Например, чтобы узнать значение глагола моментального действия, нужно было обратиться к каузативному производному глаголу, при котором тоже не было перевода, а была отсылка к основному глаголу, имевшему перевод (*nezevytäldiä v tom <nezevyttiä; nezevyttiä v caus <nezevyö* ‘сыреть’). Это очень затрудняло пользование словарём. Редакторы стремились устранить эти недостатки, но это не всегда удавалось, поэтому в ряде случаев эти отсылки были сохранены (например, *iškettiä v caus ot iškie; ištuldua v tom ot ištuo*).

В словаре автор также предполагал дать рисунки, иллюстрирующие предметы домашнего обихода, но рисунки не были оформлены, и редакторам пришлось отказаться от такой доработки; при этом редакторы дали более пространные переводы этих слов, например: *rahmas* 1) *большая ступа для толчения овса на мельнице*; 2) *полная ступа овса (около мешка)*; *hamtas|riw* *зажим (палка с зазубриной на конце, употребляемая для придерживания ножа, косы, топора при точении)* и т. п. [Словарь 1990: 249].

В словаре планировалось также дать таблицы спряжения и склонения с отсылкой заголовочных слов к соответствующему типу словоизменения. Составление таблиц не было завершено автором и от них пришлось отказаться.

Следует еще раз подчеркнуть, что редакторы выполнили очень трудную задачу, сумев не только не сократить объём словаря, а наоборот, добавить в него недостающие статьи и сохранить при этом диалектный иллюстративный материал, отражающий материальную и духовную культуру носителей языка.

Г. Н. Макаров подготовил ещё один небольшой русско-карельский словарь, содержащий около 10000 слов. Но этот словарь ему не довелось увидеть изданным, он вышел из печати в 1975 г.

У Г. Н. Макарова и В. Д. Рягоева в 1969 г. вышел в свет большой, почти в 300 страниц сборник «Образцы ливвиковской речи», который сейчас стал библиографической редкостью. Григорий Николаевич написал введение, где в краткой, но очень содержательной форме охарактеризовал олонецкие говоры, т. е. ливвиковский диалект. В текстах даны ценные сведения о старинной культуре карелов-ливвиков (в том числе о свадебных обрядах).

Также хочется отметить страстное увлечение Григория Николаевича пословицами, поговорками и загадками. Г. Н. Макаров составил поистине уникальные сборники исчезающих из современной карельской речи метких и во все времена актуальных пословиц и выражений. Сам Г. Н. Макаров знал несчётное число пословиц и поговорок. Он издал четыре сборника пословиц. В образцах речи калининских карел и ливвиков также опубликовано

много пословиц. Первый сборник «Карельских пословиц, поговорок и загадок» вышел в 1959 году (пословицы напечатаны на кириллице и сопровождаются переводами на русский язык). В сборнике около 1000 пословиц и около 200 загадок [Карельские пословицы 1959]. Второй сборник «Карельские пословицы и поговорки» содержит уже около 2000 пословиц и поговорок [Карельские пословицы 1969]. Последнюю публикацию пословиц Г. Н. Макаров подготовил на людиковском материале, который собрала уроженка Пряжи Анна Тимофеевна Самсонова. Сборник «Пословицы Пряжи» издало финляндское Финно-угорское общество в 1971 г. В канун 80-летнего юбилея учёного издательство «Периодика» при финансовой поддержке Министерства РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями переиздало сборник карельских пословиц и поговорок, собранных Г. Н. Макаровым в 1950–1960 гг.

Тверским говорам Г. Н. Макаров посвятил одну из своих крупнейших работ – сборник текстов «Образцы карельской речи» [Образцы 1963]. Сборник содержит 89 текстов с подстрочными переводами на русский язык и введение. По своей тематике тексты освещают жизнь и быт тверских карел, их будни и праздники. Среди информантов следует выделить учителя из деревни Мосеевское Весьегонского района Калининской области К. В. Манжина, который сделал попытку дать историческое и этнографическое описание своего Весьегонского района, активно занимался собиранием сказок, пословиц, поговорок, примет среди местного населения. Тесная связь Г. Н. Макарова с К. В. Манжиным продолжалась ряд лет. Собранный К. В. Манжиным материал значительно помог Г. Н. Макарову в исследованиях по фольклору карел, по истории происхождения карельского языка, его диалектов.

В 1971 г. Г. Н. Макаров опубликовал в журнале «Прибалтийско-финское языкознание» найденную им ещё в 1959 г. в архиве Ленинграда рукопись «Евангелия от Матвея» в переводе на язык тверских карел. Эта датируемая 1817 годом рукопись представляет собой очень ценный источник по истории тверских говоров и вообще карельского языка [НА КарНЦ РАН, ф. 18 оп. 1, д. 27, 56 л.]. Весьма ценны и выполненные Г. Н. Макаровым комментарии к переводу.

Творческий путь карельского учёного Г. Н. Макарова был исключительно продуктивным. Его словари, сборники текстов и многочисленные иные публикации представляют собой исключительную ценность для исследователей карельского языка и всей карельской культуры, и особенно высоко их значение сейчас, в то время, когда возрождается карельская письменность, закладываются основы карельского письменного языка, развивается литература на карельском языке.

Литература

Виртаранта Пертти. Этюды о карельской культуре: Люди и судьбы. Пер. с фин. Ю. Ю. Сурхаско. Петрозаводск: «Карелия», 1992. 288 с.

Карельские пословицы 1959 – Карельские пословицы, поговорки, загадки. Составитель Г. Макаров. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1959. 226 с.

Карельские пословицы 1969 – Карельские пословицы, поговорки. Составитель Г. Макаров. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1969. 312 с.

Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР, т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.

Научные труды Г. Н. Макарова (1946–1972 гг.) // Научный архив КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН), ф. 18 оп. 1, 2. 85 л.

Образцы 1963 – Макаров Г. Н. Образцы карельской речи: Калининские говоры. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 196 с.

Словарь 1990 – Словарь карельского языка. Составитель Г. Н. Макаров. Петрозаводск: «Карелия», 1990. 495 с.

ОТ СААМСКОГО ЯЗЫКА К КАРЕЛЬСКОМУ: НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПЕТРА МЕФОДЬЕВИЧА ЗАЙКОВА

Начало научному исследованию карельского языка положил известный финский лингвист А. Генец. Свои первые поездки в Карелию он совершил во второй половине XIX века, результатами которых стали классические публикации: «Исследование о языке Русской Карелии» [Genets 1880] и «Исследование о языке Олонецкой губернии» [Genets 1885]. А. Генец непродолжительное время изучал язык людиков и написал работу «Северные авангарды вепсов» [Genets 1872], самым названием подчеркивая, что людики по языку близки к вепсам. Для своего времени эти работы имели огромное значение и являлись единственными полными описаниями трех наречий карельского языка.

В нашей стране научное исследование карельского языка началось с Д. В. Бубриха. Ему пришлось приложить много усилий в отстаивании самостоятельного статуса карельского языка и необходимости проведения мероприятий по введению письменности для карелов. В 1937 году Д. В. Бубрихом была издана «Грамматика карельского языка», в которой были представлены важнейшие явления фонетики и морфологии диалектов карельского языка [Бубрих 1937].

Начиная с послевоенного периода, исследование карельского языка осуществляется, главным образом, научными сотрудниками сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук, а в последние 15 лет и преподавателями Петрозаводского государственного университета и Карельской государственной педагогической академии. Эти работы представляют собой исследования отдельных диалектов, грамматических категорий карельского языка.

В начале 1990 годов воссоздается карельская письменность и начинается преподавание карельского языка как предмета в школах и высших учебных заведениях. Публикуются буквари, книги для чтения и образцы речи на карельском языке, создаются словари карельского языка, пишутся грамматики, а наиболее актуальные вопросы карельской грамматики, лексикологии и ономастики исследуются в кандидатских и докторских диссертациях.

Многое из выше перечисленного связано с именем одного из самых известных исследователей карельского языка и талантливого педагога Петра Мефодьевича Зайкова.

П. М. Зайков родился 16 октября 1946 года в селе Кестеньга в карельской семье. До школы он не владел русским языком и разговаривал только по-карельски. После школы П. М. Зайков отслужил три года в армии, а в 1968 году поступил на отделение финского языка и литературы Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ). Еще, будучи студентом четвертого курса, вместе с Г. М. Кертом П. М. Зайков начинает ездить в полевые экспедиции на Кольский полуостров, целью которых был сбор языкового материала.

После окончания университета П. М. Зайкову предложили ставку лаборанта в секторе языкознания Института языка, литературы и истории. Но ставка лаборанта подразумевала заниматься исследованием саамского языка. И он, не раздумывая, согласился. Вместе с Г. М. Кертом он стал активно участвовать в полевых экспедициях по сбору и расшифровке материала бабинского диалекта саамского языка. Через два года после начала работы в секторе, П. М. Зайков поступил в очную аспирантуру и посвятил своё исследование именно бабинскому диалекту саамского языка. В 1980 году в г. Тарту он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Бабинский диалект саамского языка». Монография по теме исследования была издана в 1987 году [Зайков 1987]. А год спустя П. М. Зайков совместно с Г. М. Кертом подготовили к публикации сборник образцов речи бабинского и йоканьгского диалектов саамского языка [Образцы 1988].

С 1988 года по 1993 года П. М. Зайков преподавал финский язык и историю финского языка в университете, а затем вернулся в сектор языкознания и начал заниматься исследованием родного карельского языка. На мой вопрос: «Почему Вы не продолжили исследование саамского языка после защиты кандидатской диссертации?», Петр Мефодьевич ответил: «...Я захотел послужить своему родному карельскому народу...».

Спустя год, в 1997 году после защиты докторской диссертации на тему «Глагол в карельском языке» (работа была издана в 2000 г. [Зайков 2000]), П. М. Зайков стал заведующим кафедрой карельского и вепсского языков в Петрозаводском государственном университете. Начинать преподавание приходилось практически с пустого места: не было ни учебников, ни литературы, ни готовых кадров. Началась кропотливая работа по созданию учебных пособий для обучения студентов, а также подготовка аспирантов.

В этот период нехватка кадров по карельскому языку остро ощущалась и в районах Республики Карелия. Проблема состояла в том, что учителя владели карельским языком, но не могли преподавать язык, не имея соответствующего диплома. Именно поэтому по инициативе Министерства по вопросам национальной политики совместно с руководством Петрозаводского государственного университета было принято решение открыть заочное отделение для того, чтобы дать возможность этим учителям получить диплом о высшем образовании с соответствующей квалификацией. Все эти обязанности – набор и обучение – были возложены на кафедру карельского и вепсского языков. В 2000 г. был объявлен набор в группу заочников. Всего набрали более 30 студентов. В 2003 году была выпущена единственная группа. Обучение вели П. М. Зайков, Н. М. Гилоева, А. Н. Соловьева, О. Л. Карлова, Е. В. Богданова.

В 2003 году П. М. Зайков выступил с предложением о создании в Петрозаводском государственном университете ученого совета по защите кандидатских диссертаций. Руководство университета поддержало эту идею. Было необходимо собрать нужное количество членов совета с наличием ученых степеней, подготовить огромное количество документов. Все трудности были преодолены, и в 2004 году, благодаря усилиям П. М. Зайкова, совет начал работу. В этом же году состоялись первые защиты.

Всего с 2004 по 2012 годы при совете защитились более 10 соискателей ученой степени кандидата филологических наук, у двух из которых руководителем кандидатских диссертаций был Петр Мефодьевич. Под руководством Петра Мефодьевича написали и успешно защитили кандидатские диссертации три аспиранта: Богданова Е. В. (2003 г., г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл), Гилоева Н. М. (2004 г., г. Петрозаводск), Пашкова Т. В. (2008 г., г. Петрозаводск).

К сожалению, в 2013 г. деятельность Совета была прекращена. Это было связано, в первую очередь, с ужесточением требований ВАК к диссертационным советам.

В период заведования кафедрой П. М. Зайковым были установлены прочные связи с отечественными и зарубежными ВУЗами. Некоторые из них переросли в проекты. В конце 1990-х годов университет г. Куопио (Финляндия) предложил совместное исследование языков малочисленных народов, в котором принимали участие также Норвегия, Эстония, Швеция. В ходе проекта сотрудниками кафедры, а, главное, молодыми исследователями осуществлялись выезды в вышеупомянутые страны для участия в конференциях и семинарах. После успешного завершения первого проекта, последовал и второй, который также имел высокую результативность. В обоих проектах руководителем по исследованиям карельского языка выступал П. М. Зайков. Он проявил хорошие организаторские способности, работа велась активно и слаженно. В результате совместной работы в 2001 году П. М. Зайкову было присвоено звание почетного доктора философии университета г. Оулу.

В 2010 г. в университете Восточной Финляндии (г. Йоэнсуу) был объявлен конкурс на должность профессора карельского языка и культуры. П. М. Зайков подал документы на участие в конкурсе и прошел по конкурсу. Таким образом, наметился большой поворот в его научно-педагогической деятельности: с 2011 года он стал жить и преподавать в университете Восточной Финляндии г. Йоэнсуу.

Имя П. М. Зайкова известно не только в ученых кругах. Тот, кто хоть что-нибудь знает о карельском языке, причислит этого человека к ряду тех немногих, кому приходилось

и приходится сейчас не только отстаивать в обществе права карельского языка на жизнь и развитие, но и беспрестанно кропотливо трудиться над созданием учебников и словарей карельского языка. В 2015 году увидел свет первый русско-карельский словарь, где использованы материалы собственно карельского наречия и где одним из создателей и редакторов является Петр Мефодьевич [Русско-карельский словарь 2015]. Идея о создании этого словаря возникла еще около 15 лет. Работа продвигалась медленно, финансирования практически не было. В 2013 году по инициативе П. М. Зайкова выпуск словаря был включен в программу стратегического развития ПетрГУ, под это были заложены небольшие средства, и работа стала продвигаться быстрее. Итог – словарь издан, студенты и преподаватели кафедры прибалтийско-финской филологии им активно пользуются.

В настоящее время П. М. Зайков продолжает свой научно-педагогический путь. Он по-прежнему является профессором кафедры прибалтийско-финской филологии ПетрГУ, учит студентов особенностям диалектов карельского языка. Совсем недавно им подготовлено учебное пособие по карельской диалектологии, которое ждет своего выхода из печати в ближайший год. П. М. Зайков неустанно пополняет и свою «копилку» научных трудов: публикует статьи, работает над монографиями, участвует в проектах. Без вклада Петра Мефодьевича не обходится и подготовка магистерской программы «Прибалтийско-финские языки в социокультурном пространстве Северной Европы», в рамках которой им разрабатываются рабочие программы по курсам «История карельского языка» и «Грамматика карельского языка (собственно карельское наречие)».

Преподавательская, исследовательская и научно-просветительская деятельность П. М. Зайкова была тесно связана с нелёгкой общественной: он стоял у истоков создания самого крупного и авторитетного национально-культурного общественного формирования республики «Общества карельской культуры», позднее – «Союза карельского народа». На протяжении более 10 лет он отстаивал права карелов за сохранение родного языка и придание ему официального статуса. Он собрал вокруг себя единомышленников и сподвижников, создал внутри организации непринужденную обстановку.

При Союзе карельского народа создан карельский народный хор «Ома рајо». Хор хорошо известен в Республике Карелия, России и зарубежье. А в 2006 году при организации был открыт кукольный театр «Sičiliušku», выступающий на карельском языке, в котором с огромным удовольствием занимаются студенты и выпускники нашей кафедры, в переводах репертуара и в постановках принимали участие преподаватели кафедры, а также люди, которые просто неравнодушны к судьбе карельского языка. Необходимо отметить, что и сам Петр Мефодьевич на протяжении нескольких лет был актером данного театра.

Вклад П. М. Зайкова в исследование, развитие, возрождение карельского языка значителен. Им опубликовано более 120 научных и учебных изданий, связанных с прибалтийско-финскими языками, большинство из которых посвящено именно карельскому языку.

Как следует из перечисленного, многое уже сделано и достигнуто, но многое ждет впереди: не все проекты еще завершены, магистерская программа еще не апробирована, ждет новые проекты. Во всех этих начинаниях нам нужен будет мудрый совет, профессиональная помощь и глубокие знания Петра Мефодьевича Зайкова.

Литература

- Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937.
Зайков П. М. Бабинский диалект саамского языка. Петрозаводск, 1987.
Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.
Образцы 1988 – Образцы саамской речи. Сост. Керт Г. М., Зайков П. М. Петрозаводск, 1988.
Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты). Сост. Зайков П. М. и др. Петрозаводск, 2015.
Genets A. Vepsän pohjoset etujoukot // Suomi-I: 14. Helsinki, 1872.
Genets A. Tutkimus Aunuksen kielestä // Sumi-II: 14. Helsinki, 1880.
Genets A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä // Suomi-II: 17. Helsinki, 1885.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЮДИКОВСКОГО НАРЕЧИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В КАРЕЛИИ (А. П. БАРАНЦЕВ)*

Одним из первых исследователей, кто всерьез занялся изучением людиков, по праву считается финляндский исследователь Арвид Генетц: именно с него началась публикация фактических людиковских материалов [Genets 1872]. Науке также хорошо известны исследования в области фонологии [Turunen 1946], словарного состава [Kujola 1944], образцы людиковской речи [Virtaranta 1963–1964]. Все вышеперечисленные исследования были собраны финляндскими учеными и опубликованы в Финляндии.

В статье мы остановимся на исследованиях людиковского наречия карельского языка, которые проводились и проводятся в России, главным образом, в Республике Карелия.

На данный момент в фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН (ФА ИЯЛИ) имеется накопленный аудио- и видеоматериал, начиная с конца 1940-х гг.: это, прежде всего, фольклорные материалы, собранные В. Я. Евсеевым у северных людиков в с. Спасская Губа Кондопожского района (1948–1960 гг.) [ФА ИЯЛИ, 4/7, 5/1–17], М. Ф. Пахомовой, У. С. Конкка, А. С. Степановой у северных людиков в с. Тивдия Кодопожского района и в с. Михайловское Олонецкого района в 1960-е гг. [ФА ИЯЛИ, 386/4–7, 428/1–8, 429/1–9] и многие другие.

Для языковедов большую ценность при исследовании людиковского наречия представляет «Диалектологический атлас карельского языка», программу сбора материала для которого составлял в 1930-е гг. Д. В. Бубрих. Материал атласа дает возможность исследователям выявить многие фонетические и грамматические явления в речи карелов-людиков относительно их положения между наречиями карельского языка и диалектами вепсского языка [Родионова 2015].

Следует отметить, что к людиковскому наречию, как к наиболее близко родственному, проявляли интерес также и вепсологи. Например, в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН) имеется материал, названный как «Русско-карельский словарь», который является результатом экспедиции в 1940-х годах Н. И. Богданова в Михайловский сельский совет Олонецкого района Карело-Финской ССР. Рукопись представлена на 177 листах, одна из единиц хранения написана автором вручную, вторая представляет машинописный текст [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 43, д. 9–10]. Рукопись сложно назвать словарем в традиционном понимании, она больше напоминает регистр слов с переводом. Во время экспедиции Н. И. Богданов также записал образцы людиковской речи, которые также сдал в архив КарНЦ РАН [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 43, д. 11]. Кроме этого, исследованию михайловского говора посвящена статья Н. Г. Зайцевой «О соотношении карельского и вепсского элементов в лексике говора с. Михайловское». Данный говор был выбран не случайно, так как в нем присутствует наибольшее количество вепсских черт. Исследовательница даже предположила, что михайловские карелы могли бы быть в недавнем прошлом вепсами, которые подверглись воздействию со стороны карелов-людиков и ливвиков [Зайцева 1992].

Наиболее значимой фигурой в области исследования людиковского наречия является А. П. Баранцев (1931–2012). А. П. Баранцев родился 20 апреля 1931 г. в д. Пелдожа Пряжинского района. После эвакуации в 1945 г. с семьей поселился в Петрозаводске. Свою жизнь с языкознанием он связал не сразу: в 1947 г. поступил в архитектурно-строительный техникум, который окончил в 1951 г., и после армии и нескольких лет работы в Спецстройконторе в Петрозаводске в 1956 г. поступил в Петрозаводский государственный университет на фин-

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

но-угорское отделение, которое с отличием окончил в 1961 г. Тема дипломной работы А. П. Баранцева – «Система глагола в людиковском диалекте карельского языка» определила дальнейший круг интересов исследователя.

После окончания университета с 1961 по 1965 г. А. П. Баранцев учился в заочной аспирантуре по специальности «Финно-угорское языкознание» в ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР. 3 декабря 1961 г. на заседании сектора языкознания была утверждена тема исследования «Звуки святозерского говора людиковского диалекта карельского языка (на основе экспериментальных данных)», которая позднее была немного скорректирована: «Состав звуков людиковского диалекта карельского языка». Научным руководителем аспиранта утвердили известного академика Академии наук Эстонской ССР П. А. Аристэ. В связи с отсутствием новейшей аппаратуры работа по экспериментальной теме была затруднена и в 1963 г. тему диссертации на заседании сектора уточнили, озаглавив: «Фонология и морфология людиковского диалекта карельского языка». В 1963 г. А. П. Баранцев был принят на работу в сектор в качестве младшего научного сотрудника, где проработал почти 30 лет [НА КарНЦ РАН, ф. 2, оп. 35, д. 2846; Ученые 2012: 350–351]. В ноябре 1965 г. он окончил заочную аспирантуру, а в декабре 1971 г. успешно защитил диссертацию «Фонологические средства людиковской речи» в Тартуском государственном университете. 21 января 1972 г. ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

За время работы в ИЯЛИ А. П. Баранцевым был опубликован ряд статей, посвященных исследованию людиковского наречия, в числе которых: «О некоторых особенностях глагола людиковского диалекта карельского языка» (1962), «О фонологическом статусе палатализованных контоидов людиковских говоров» (1966), «О структуре консонантных групп в людиковском диалекте карельского языка» (1966), «Фонематика людиковского диалекта карельского языка» (1967), «Случаи мены языка в речи карел-людиков» (1971) и др. Всего А. П. Баранцевым было опубликовано более 50 научных работ [НА КарНЦ РАН, ф. 2, оп. 35, д. 2846]. А. П. Баранцев стал первым из отечественных лингвистов, кто опубликовал образцы людиковской речи, что представляло исключительную ценность, так как в 1970-е гг., несмотря на имеющиеся в ФА ИЯЛИ записи, ощущался недостаток фактического людиковского материала [Баранцев 1975: 3]. Он планировал издать серию образцов людиковской речи, а в первом томе, который, к сожалению, оказался единственным, он представил *идиолект*, т. е. продемонстрировал особенности речи отдельного лица, а именно своей родственницы, коренной представительницы тех мест, блестяще владевшей родным языком, А. И. Баранцевой – уроженки д. Пелдожа Святозерского сельсовета Пряжинского района Карельской АССР в период с 1963 по 1973 г., которые занимают значимое место в ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН [ФА ИЯЛИ, 585/1–13, 586/1–7, 587/1–11, 588/1–3, 589/1–5]. Он включил в этот том более ста текстов, которые являются рассказами о д. Пелдожа и ее окрестностях, о ее жителях, о событиях, свидетелем которых информантка являлась. Тексты содержат богатый материал по людиковской микротопонимике и антропонимике святозерского куста деревень и могут представить интерес как для языковедов, так и этнографов, и историков. Кроме того, тексты обладают достаточно тонко представленной транскрипцией, что позволяют глубже прочувствовать и познать фонетическую структуру людиковской речи, в чем А. П. Баранцев был и знатоком и глубоким специалистом. Об этом свидетельствует и его монографии «Фонологические средства людиковской речи» [Баранцев 1975].

А. П. Баранцев был одним из составителей «Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского вепсского, саамского языков» [СОСД 2007], в котором людиковское наречие карельского языка представляют четыре говора следующих населенных пунктов: д. Койкара и д. Галлезеро Кондопожского района, с. Михайловское Олонецкого района и с. Святозеро Пряжинского района. Этот словарь ценен диалектным материалом, собранным в полевых условиях, иллюстрирующим состояние диалектов и говоров прибалтийско-финских языков Карелии на 1970–1980-е гг.

В НА КарНЦ РАН хранится также рукопись монографии «Людиковский диалект карельского языка (фонетика и морфология Святозерского ареала)», общим объемом 9 а. л.,

подготовленная А. П. Баранцевым [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. 164], которая представляет собой монографическое синхронное описание фонетики и морфологии людиковского наречия карельского языка на материале святозерского говора. К сожалению, рукопись не была доведена до публикации, хотя представляет большой интерес, поскольку до настоящего момента морфологии людиковского наречия должного внимания не уделялось. В связи с этим исследование именных категорий, их падежной парадигмы, степеней сравнения, категории числа в карельско-людиковской диалектной речи является исключительно важным и актуальным, что предпринимается в настоящее время автором данной статьи.

Интерес к исследованию людиковского наречия возрос как у лингвистов, так и этнологов и фольклористов. С участием, главным образом, ученых ИЯЛИ КарНЦ РАН в последние годы был поддержан ряд проектов, направленных на исследование людиковского наречия карельского языка, таких как: «Комплексное экспедиционное обследование людиковского этноязыкового ареала» (рук. И. И. Муллонен; 2012 г.), «Создание электронной базы топонимии карел-людиков» (рук. Д. В. Кузьмин; 2009–2010 гг.), «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии» (рук. А. А. Савицкий; 2014–2015 гг.). Результатом последнего проекта стал выход в свет сборника научных статей. Научный коллектив авторов сборника попытался представить комплекс новых данных, полученных в ходе экспедиции в Пряжинский район в 2014 г., а также обобщить полученные результаты с материалами предыдущих исследований. Комплексный подход заключался в использовании археологических, лингвистических, топонимических, этнографических и исторических источников [Локальные исследования 2015]. Знакомство русскоязычного читателя с образцами речи языков малых народов России приобретает всё большую актуальность для междисциплинарных исследований, так, выполненный Н. А. Пеллинен перевод на русский язык нескольких разделов «Образцов людиковских текстов», собранных Пертти Виртаранта («Ребёнок рождается и взрослеет», «Семья и соседские отношения»), может представлять интерес не только для историко-этнографических, но также для педагогических и психологических исследований [Пеллинен 2014].

Проект «Людики: проблемы сохранения языка и культуры» (рук. А. П. Родионова; 2014–2016 гг.) направлен на изучение современной языковой ситуации и состояния культуры карелов-людиков. Исполнителями являлись С. В. Нагурная и Н. В. Чикина. К началу проекта у Чикиной Н. В. уже имелся задел по исследованию современного состояния литературы на людиковском наречии карельского языка [Чикина 2011; Чикина 2014].

Особый интерес людиковское наречие всегда вызывало у фольклористов и этнографов. Так, в проекте «Фольклор карелов-людиков» (рук. В. П. Миронова; 2015 г.) общим результатом стал собранный фольклорный материал у жителей Пряжинского района Карелии. Также исследованию людиковского фольклора посвящены, например, статьи Л. И. Ивановой [Иванова 2013] и М. В. Кундозеровой [Кундозерова 2015].

В статье С. А. Минвалеева подробно описано этнографическое изучение карелов-людиков в 1950-е годы [Минвалеев 2015]. С. А. Минвалеев, являясь аспирантом ИЯЛИ КарНЦ РАН, пишет диссертационную работу на тему: «Традиционные верования и обрядность карелов-людиков: опыт реконструкции и историко-этнографического анализа».

Таким образом, в Карелии изучению людиковского наречия уделяется особое внимание. Конечно, у российских и финляндских исследователей до сих пор нет единства в подходах к языку. Российская наука считает людиковский наречием карельского языка; финляндские исследователи называют его отдельным языком, в основном ввиду существенного влияния вепсского языка. Людиковская культура и язык во многом являются именно карельскими, хотя в людиковском наречии и присутствует значительный вепсский элемент. Возможно, поэтому оно и представляет особый интерес для ученых. Внимание к людиковскому наречию со стороны исследователей обусловлено также тем обстоятельством, что людики – это уже практически раритетный народ, их численность составляет не более 4–5 тыс. человек, из которых лишь около 300 являются носителям языка.

Литература

- Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Ленинград: «Наука», 1975. 280 с.
- Ученые 2012 – Ученые Карельского научного центра Российской Академии наук. Биографический словарь (3е изд., доп. и перераб.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012.
- Зайцева Н. Г. О соотношении карельского и вепсского элементов в лексике говора с. Михайловское // Вопросы финской филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. С. 20–21.
- Иванова Л. И. История собирания и современное состояние фольклорной традиции карелов-людиков // Живая старина. 2013. № 3. С. 30–33.
- Кундозерова М. В. История собирания и современное состояние фольклорной традиции карелов Пряжинского района // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015. С. 205–216.
- Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа / Науч. ред. А. Ю. Жуков, Ю. В. Литвин. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015. 221 с.
- Минвалеев С. А. Этнографическое изучение карелов-людиков в 1950-е гг. // Конференция «Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере. Материалы. Петрозаводск, 1–2 октября / Редкол.: Н. Г. Зайцева и др. Петрозаводск, 2015. С. 135–139. [Электронный ресурс].
- Пеллинен Н. А. Образцы людиковской речи как исторический источник о семейной повседневности карелов (на основе «Людиковских текстов», собранных Пертти Виртаранта) // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы / сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. С. 155–182.
- Родионова А. П. Людиковские материалы в «Диалектном атласе карельского языка» // Конференция «Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере: Материалы. Петрозаводск, 1–2 октября / Редкол.: Н. Г. Зайцева и др. Петрозаводск, 2015. С. 272–277. [Электронный ресурс].
- СОСД – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков // Под общей редакцией Елисеева Ю. С. и Зайцевой Н. Г. Петрозаводск, 2007.
- Чикина Н. В. Современное состояние литературы на людиковском наречии карельского языка // Современное состояние литературы на карельском языке. Петрозаводск, 2011. С. 72–93.
- Чикина Н. В. Актуальные проблемы развития литературы у карелов-людиков // Тенденции и перспективы инновационного развития правовых, социально-экономических и управленческих исследований: материалы междунар. науч.-практ. конф. 5 февр. 2014 г. Мурманск, 2014. С. 303–307.
- Genets A. Vepsän pohjoiset etujoukot. ”Kieletär”, 1872.
- Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.
- Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 89. 338 s.
- Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: SUS 129, 1963. 453 s.; Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki: SUS 130, 1963. 419 s.; Lyydiläisiä tekstejä, III = LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.

У ИСТОКОВ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (К 75-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Л. Ф. МАРКИАНОВОЙ)*

Людмила Фёдоровна Маркианова – учёный, педагог, просветитель – родилась в маленькой карельской деревеньке Саарипорог (Suarikoski), расположившейся на берегу реки Олонки примерно в 20 км от села Коткозеро. Семья, в которой родилась Людмила, была истинно карельской. Дома все старшие говорили только на родном карельском языке, и для девочки язык родителей стал родным и самым дорогим. Она родилась перед самым началом ВОВ – 14 июля 1941 г., и детские годы пришлось на тяжёлое военное время. Война забрала родителей, она осталась сиротой, и девочку растили бабушка с дедушкой. Впоследствии она с большой теплотой и благодарностью вспоминала уроки жизни, которые получила от них. От них – истинных карелов, девочка по-настоящему научилась любить свой край, свой дом, свой родной карельский народ и свой родной карельский язык.

После окончания восьмилетки Людмила поступила в педучилище. Закончив его, она в течение двух лет проработала учительницей начальных классов в д. Сяндеба, а затем поступила на филологический факультет Карельского государственного педагогического института, который успешно закончила в 1965 году. После его окончания она три года проработала в Куйтежской средней школе заместителем директора, одновременно преподавая русский язык и литературу. Ей очень нравилась русская филология, дающая богатые познания в области языка и культуры, но ей, до глубины души истинной карелке, хотелось чего-то другого, родного.

В начале 1970-х Людмила переселилась в Петрозаводск и стала сотрудницей библиотеки Карельского филиала Академии наук СССР. Именно в научной библиотеке с ней познакомился заведующий сектором языкознания Института языка, литературы и истории известный финно-угровед, доктор филологических наук Г. М. Керт, к тому времени уже создавший свою финно-угорскую школу. Он сразу обратил внимание на исключительное знание ею карельского языка, на то, с каким трепетом она говорила о родной карельской культуре, и предложил ей поступить в аспирантуру. В Институте в то время уже трудились известные учёные-кареловеды: Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев, А. П. Баранцев, В. П. Федотова, А. В. Пунжина. Из-за семейных обстоятельств поступление в аспирантуру отодвинулось на несколько лет, и только в 1975 году она стала аспиранткой Карельского филиала АН СССР, а в 1976 году перешла на работу в сектор языкознания Института языка, литературы и истории. За четыре года аспирантуры Людмила Фёдоровна подготовила кандидатскую диссертацию «Суффиксальное глагольное словообразование в карельском языке», которую успешно защитила в университете г. Тарту в 1980 году. Первый научный труд, к которому она прикоснулась, – это работа над словарём карельского языка Г. Н. Макарова, над доработкой которого она занималась вместе с И. В. Сало.

Словообразование в карельском языке стало любимой темой Людмилы Фёдоровны, и за время работы в Институте она представила ряд интереснейших статей, которые касались разных сторон карельского глагольного словообразования. В наиболее полном виде все идеи и проблемы глагольного словообразования в карельском языке были изложены в ее монографии «Глагольное словообразование в карельском языке» [Маркианова 1985].

За короткий период (с 1979 по 1989 г.) Людмила Фёдоровна прошла путь от младшего научного сотрудника до ученого секретаря Института, а затем до заместителя директора Института. Обладая исключительными организационными способностями, она в то же время

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

оставалась очень мягким, душевным человеком, чем заслужила любовь и уважение со стороны сотрудников Института.

В конце 1980-х годов наметились перемены в жизни коренных народов, появилась возможность возрождения письменности на родных языках. Учёные, чья научная деятельность пришлась на период этих перемен, болеющие душой за родной язык, не могли не откликнуться на них, не прочувствовать их всем сердцем. В стремлении возрождения карельского народа и своего родного языка Л. Ф. Маркианова одна из первых направила письмо в Карельский обком партии о введении преподавания карельского языка в школах. Её активно поддержал в этом вопросе научный руководитель, заведующий сектором языкознания Г. М. Керт. Нужно сказать, что карельский язык на тот момент был единственным языком в СССР, который, будучи титульным языком республики, не имел своей письменности. Письмо было замечено, пресса стала писать о судьбах малочисленных народов, о создании письменностей. Стали появляться статьи о судьбе карельского народа, о возрождении его языка, на радио Карелии стали звучать первые передачи на карельском языке.

В 1992 году в Карельском государственном педагогическом институте в связи с острой потребностью в высококвалифицированных кадрах учителей карельского и вепсского языков для национальных школ Республики Карелия в целях реализации закона РК «Об образовании» начала свою работу межфакультетская кафедра национальных языков. Она была открыта при непосредственном участии Л. Ф. Маркиановой и Г. М. Керта. Традиция подготовки педагогических кадров со знанием карельского и вепсского языков была продолжена в КГПИ спустя почти 60 лет. Л. Ф. Маркианова стала первой заведующей межфакультетской кафедрой родных языков (карельского и вепсского). Ей пришлось оставить должность заместителя директора Института языка, литературы и истории и перейти на постоянное место работы в КГПИ. Большую поддержку на новом месте работы она получила от тогдашнего ректора КГПИ А. Н. Бритвихина, который с большим пониманием отнёсся к созданию межфакультетской кафедры.

Также при непосредственном участии Л. Ф. Маркиановой на дневном подготовительном отделении был открыт приём абитуриентов для подготовки к поступлению на педагогический и дошкольный факультеты. После годового обучения русскому языку, математике и карельскому и вепсскому языкам студенты подготовительного отделения, сдав экзамены, становились студентами этих факультетов. Поначалу Людмила Фёдоровна сама вела все теоретические курсы, но постепенно готовились кадры, лучшие выпускники становились преподавателями, появилась учебная литература. Молодым преподавателям требовалось жильё, и она, где-то приложив свои организаторские способности, а где-то и личную симпатию, сумела добиться трёх бесплатных благоустроенных квартир для своих педагогов.

Таким образом, в появившейся возможности укрепления позиций карельского языка Л. Ф. Маркианова определила для себя наиболее сложный путь – путь педагога и народного просветителя.

Впервые законодательно алфавит карельского языка был утверждён в 1989 году. Он был разработан Л. Ф. Маркиановой. Поскольку наречия карельского языка обладают существенными различиями, основы карельской письменности были разработаны на двух наречиях: ливвиковском (Л. Ф. Маркиановой) и собственно карельском (П. М. Зайковым).

Вышедшие в свет буквари карельского языка свидетельствуют о значительных различиях в наречиях. Даже в буквенном обозначении фонем были некоторые особенности: гласный переднего ряда верхнего подъёма в букваре Маркиановой обозначался буквой *ii*, как это было принято в транскрипции ранее, в букваре Зайкова буквой *y*, как это имеет место в финском языке. Знак смягчения в ливвиковском букваре был дан в алфавите, но мягкие согласные фонемы не были включены в ливвиковский алфавит, как это было сделано в букваре Зайкова. Но именно Маркианова уже в то время заговорила о создании единого письменного карельского языка, поскольку считала, что будущее карельского народа и его языка может опираться только на его единство. В книге «*Opastummo karjalakse*» она пишет так: «*Karjalazil enne kaikkie pidäy ellendiä tärgein azii – kielii ei pyzy pustu pirstalehinu. Sil pidäy olla*

yhtenäzenny kirjallizennu kogonažuonnu» = «Карелам важно прежде всего понимать – язык не устоит, если он раздроблен, ему важно стать единым» [Markianova, Mensonen 2002: 3].

Чтобы облегчить изучение родных языков школьникам и студентам, было принято решение о создании единого алфавита. Учёным, преподавателям, писателям и журналистам, пишущим на национальном языке, удалось выполнить эту задачу – незначительные правки позволили создать единый алфавит карельского языка, который и был утвержден правительством Республики Карелия в марте 2007 г.

Одной из самых активных авторов по подготовке учебных и методических пособий на карельском языке стала именно Л. Ф. Маркианова. Букварь «Aberi», подготовленный ею в соавторстве с профессором Санкт-Петербургского университета З. М. Дубровиной, известным финно-угроведом, был издан в 1990 году [Markianova, Dubrovina 1990]. Затем была подготовлена книга для чтения «Kirjuniekku» [Markianova 1992]. Работая в КГПИ, Л. Ф. Маркианова издала множество пособий и сборников упражнений по фонетике и грамматике карельского языка для студентов. Часть пособий была подготовлена в соавторстве с молодыми преподавателями межфакультетской кафедры. Они разработали научную основу преподавания карельского языка в школах и вузах Карелии. В 2002 г. увидел свет большой труд Маркиановой «Учебник карельского языка» (Karjalan kielioppi), содержащий грамматический материал для учащихся 5–9 классов средней школы [Markianova 1992].

Занимаясь исследованиями в области карельского словообразования, Людмила Маркианова пришла к мысли об исключительном потенциальном богатстве карельского языка, его поразительных словообразовательных возможностях, что в комплексе позволяет образовывать любое отсутствующее слово по законам карельского языка. Уже в начале 1990-х годов Л. Ф. Маркианова стала активно работать в области обогащения карельского лексического тезауруса. Потребовались словари нового типа – словари новописьменных языков. В 1996 году вышел в свет первый словарь младописьменного карельского языка «Karjal-ven'alaine sanakniigu», составленный в соавторстве с Т. П. Бойко [Маркианова, Бойко 1996]. Этот словарь широко применялся и применяется в учительской практике, а также используется учащимися при чтении карельских текстов и выполнения грамматических упражнений по карельскому языку. Вся названная деятельность была исключительно полезной и заложила основы карельской лексикографии в области литературного языка.

В начале 2000 года в Государственном комитете по делам национальной политики была создана Республиканская термино-орфографическая комиссия по карельскому и вепсскому языкам при Главе Республики Карелия. Продолжая педагогическую деятельность, Маркианова стала работать в названной комиссии, проделав огромную словотворческую работу по развитию карельского языка. За короткий срок ею лично, а также под её руководством было создано четыре бюллетеня новейшей лексики и терминологии «Lingvistiikkuterminät» (Лингвистическая терминология) [2000], «Školasanasto» (Школьная лексика) [2000], «Fauna- ja florasasto» (Лексика по фауне и флоре) [2005], «Yhteis-kunnallispoliittine sanasto» (Общественно-политическая лексика I–II) [2003], которые поставили карельский язык на совершенно иную ступень развития.

С 2007 года началась работа над составлением «Большого русско-карельского словаря» в соавторстве с Т. П. Бойко, которая продолжалась до 2010 года. В 2011 году Большой русско-карельский словарь был издан в издательстве «Verso», а в 2016 г. издательство «Периодика» выпустило в свет его второе переработанное и дополненное издание [Бойко, Маркианова 2011, 2016]. Этот словарь является первым крупным лексикографическим изданием, посвящённым новописьменному карельскому языку. Он содержит около 20 тысяч слов. В словарь включены широко употребительные слова и фразеологические обороты современного русского языка и их соответствия в карельском языке. В лексике словаря нашли отражение явления общественно-политической и культурной жизни. В связи с этим в словарь включено большое количество новых слов и выражений из области общественно-политической и экономической лексики, а также широко известной технологической терми-

нологии, опубликованной в терминологических бюллетенях по новейшей лексике карельского языка.

На протяжении многих лет Л. Ф. Маркианова занималась редакторской работой, где очень пригодились её профессиональные знания в области лексикографии и разрабатываемых правил орфографии. Она редактировала «Детскую Библию» (*Biblii lapsile*), (1995), а также была языковым редактором Нового Завета («*Uuzi sana*») (2003) и иных переводов на язык карелов-ливвиков.

По сути дела, Л. Ф. Маркианова заложила основы орфографии карельского языка (ливвиковское наречие), создав учебную литературу для карельской национальной и высшей школы, заложила основы функционирования карельского литературного языка, существенно пополнив его лексический тезаурус, а также попыталась проиллюстрировать образцы введения новейшей лексики и терминологии в активное пользование, в живую жизнь, публикуя их в различных изданиях, прежде всего, в газете «*Oma Maa*» (Родная земля), где она вела специальную рубрику для читательской аудитории.

Л. Ф. Маркианова явилась организатором курсов карельского языка для учителей сельских школ и преподавателей вузов, преподающих карельский язык. Стремление к карельскому возрождению, начатое в Карелии, очевидно, передалось и в Финляндию, откуда на курсы карельского языка стали приезжать любители карельского слова, а также подобные курсы стали проводить и в Финляндии. В Финляндии карельскому языку стали уделять значительно большее внимание, признав его в конце 2009 г. официально языком меньшинства. В соавторстве с финской исследовательницей карельского языка Р. Пюёли был подготовлен и увидел свет крупный словарь «*Sanakirja suomi-karjala*» (Карельско-финский словарь) [Markianova, Pyöli 2008] и подготовлены иные пособия и книги для чтения на карельском языке (напр. [Markianova, Mensonen 2002; Markianova 2010]).

Всею своей просветительской и педагогической деятельностью Л. Ф. Маркианова показала, как много может сделать один человек, преданный своей идее, своей родной земле, своему родному народу и родному языку. Эта деятельность может служить образцом для тех, кому небезразлична судьба родного народа и слова на родном языке.

В 2011 г. финляндское Общество карельского языка (*Karjalan kielen seura*) присудило Л. Ф. Маркиановой премию за вклад в возрождение родного языка.

Литература

Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2011. 400 с.; 2-е изд., перераб. и доп. Петрозаводск: Периодика, 2016. 399 с.

Лексика по фауне и флоре (ливвиковское наречие карельского языка). Республиканская термино-орфографическая комиссия, бюллетень № 10. Петрозаводск, 2005. 63 с.

Лингвистическая терминология. Республиканская термино-орфографическая комиссия, бюллетень № 1. Петрозаводск, 2000. 31 с.

Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. 495 с.

Маркианова Л. Ф. Глагольное словообразование в карельском языке. Петрозаводск, 1985. 193 с.

Маркианова Л. Ф., Бойко Т. П. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1996. 222 с.

Общественно-политическая лексика: А–О (ливвиковское наречие карельского языка) Республиканская термино-орфографическая комиссия, бюллетень № 6. Петрозаводск, 2003. 132 с.

Общественно-политическая лексика: П–Я (ливвиковское наречие карельского языка). Республиканская термино-орфографическая комиссия, бюллетень № 8. Петрозаводск, 2003. 132 с.

Школьная лексика. Республиканская термино-орфографическая комиссия, бюллетень № 2: (ливвиковское наречие карельского языка). Петрозаводск, 2000. 53 с.

Markianova L. Karjalan kielioppi 5–9. Petroskoi: «Karjala», 1992. 112 s.

Markianova L. Kirjuniekkku. Petroskoi: «Periodika», 1992.

Markianova L. Juha. Helsinki, 2010.

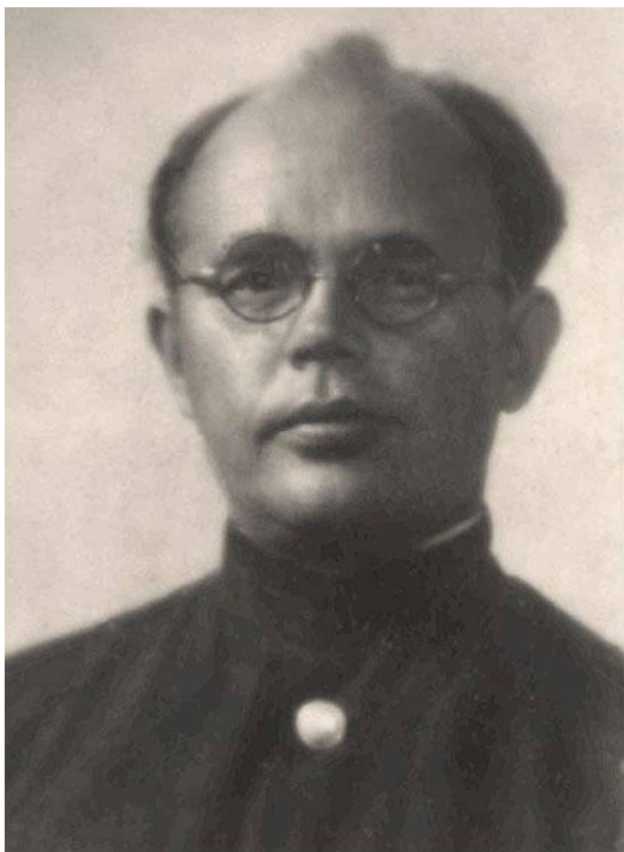
Markianova L., Dubrovina Z. Aberi. Petroskoi: «Karjala», 1990. 96 s.

Markianova L., Mensonen A. *Opastummo karjalakse*. Petroskoi: Verso, 2002. 228 s.
Markianova L., Pyöli R. *Sanakirja suomi-karjala*. Salmi-Säätiö, 2008. 522 s.

Зинаида Ивановна Строгальщикова
*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

М. М. ХЯМЯЛЯЙНЕН И ВЕПССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ*

С именем ученого-языковеда М. М. Хямяляйнена (1903–1988) связано начало работы не только по исследованию вепсского языка, но также и по созданию вепсской письменности, и подготовке учебной литературы на вепсском языке в 1930-е гг.

М. М. Хямяляйнен

Следует отметить, что М. М. Хямяляйнен является автором первой научной статьи «Вепсский язык» в обобщающем пятитомном труде «Языки народов СССР». Том «Финно-угорские и самодийские языки», в который вошла его статья, был издан в 1966 г. В ней впервые в отечественном языкознании были представлены фонетические, грамматические, лексические особенности вепсского языка, его диалектная система. В последующем М. М. Хямяляйнен подготовил более тридцати научных статей, в которых освещал различные вопросы исторической и синхронной грамматики вепсского, карельского и финского языков. Особо следует подчеркнуть, что он был научным редактором монографии Д. В. Бубриха «Грамматика карельского языка: (Фонетика и морфология)», вышедшей в 1937 г., книги «Образцы вепсской речи», подготовленных М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен, изданной в 1969 г. Вместе с Н. И. Богдановым в 1957 г. подготовил вариант вопросника по собиранию материалов для лингвистического атласа вепсского языка (см. [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 55–59]). Его экспедиционная работа была исключительно

плодотворна. Именно М. М. Хямяляйнен совершил одну из первых научных экспедиций к вепсам по сбору полевого материала в 1959 г. в уже исчезнувшие сейчас вепсские поселения Ленинградской области Печеницы и Куккас [Зайцева 2016: 30].

М. М. Хямяляйнен родился 3 октября (24 сентября по старому стилю) 1903 г. в д. Лукаши Царскосельского уезда Петербургской губернии (ныне Гатчинский район Ленинградской области). По национальности финн-ингерманландец [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 16]. Его отец – Михаил Матвеевич работал кочегаром на древесно-массном заводе и имел земельный надел. Сам М. М. Хямяляйнен писал, что он из семьи рабочего, связанного с землей. В 1931 г. отец вступил в колхоз. Мать Сара Ивановна – домохозяйка. В семье было девять детей, в годы гражданской войны трое умерли от тифа [Матвеев].

Языковые проблемы для Матти Хямяляйнена начались со школы. В 1912 г. он пошел в Ала-Пурсковскую сельскую школу, где дети и учитель – Адам Павлович Хирвонен – были

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 02252014 «Очерки по этнографии народов Карелии: карелы, вепсы, русские».

финнами, но обучение проводилось на русском языке. Официально на двух языках (русском и финском) разрешалось читать и произносить только молитвы на уроках Закона Божьего. При обучении детей из финских семей соблюдать такой порядок было сложно. Русским учительницам, которые заменили А. П. Хирвонена, пришлось выучить финский язык и, нарушая приказы руководства, использовать при обучении детей их родной язык [Матвеев]. Видимо, пережив этот непростой школьный опыт, М. М. Хямяляйнен так настойчиво выступал за обучение детей на родном языке.

С 1916 по 1918 гг. М. М. Хямяляйнен продолжил обучение в двухклассном училище в с. Покровка, расположенном в 10 км от Лукашей. В холодное время года ему приходилось жить в Покровке, в теплую погоду – ходить в училище пешком. По некоторым сведениям училище он не закончил из-за необходимости помогать родителям в содержании большой семьи. В 1920 г. М. М. Хямяляйнен пошел чернорабочим на завод, где работал его отец. На работе он получил производственную травму, стал инвалидом и вынужден был уйти [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7]. В том же году М. М. Хямяляйнен поступил в Гатчинский педагогический техникум, который закончил в 1924 г. и три года отработал учителем в своей родной школе. В 1927 г. был «откомандирован» на учебу в Педагогический институт им. Герцена на нацменотделение факультета языка и литературы, которое закончил с отличием в январе 1931 г. по специальности «преподаватель финского и русского языков и литературы в средней финской школе» [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7].

В педагогическом институте им. Герцена его преподавателем был Д. В. Бубрих, который работал здесь с 1920 по 1935 гг. Сначала он преподавал историю русского языка, позднее – современный финский язык [Колпакова 2015: 7]. М. М. Хямяляйнен считал Д. В. Бубриха главным учителем в своей жизни. В период его обучения в институте Д. В. Бубрих уже был профессором, известным ученым-финноугроведом, активным сторонником и участником создания письменностей для финно-угорских народов, много уделял внимания подготовке национальных кадров. В описании своего научного пути Д. В. Бубрих отмечал, что после утверждения «в 1925 г. в качестве профессора по финно-угорскому языкознанию в ЛГУ отдал финно-угорскому языкознанию все силы. Кроме научного интереса, к этому меня побуждало желание быть полезным национальностям Союза, не имеющим достаточных лингвистических кадров» [Жизнеописание]. Поражала необычная работоспособность Д. В. Бубриха: он читал курс финно-угорского языкознания в вузах Ленинграда – педагогическом институте и ЛГУ, заведовал кафедрой в Московском университете, сотрудничал с Научно-исследовательским институтом народов Востока в Москве, с Комиссией по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР (далее КИПС) [Роцевская, Лисевич 2013: 45]. В 1920–1930 гг. в стране шел самый сложный период национально-государственного строительства, требующий специалистов в области гуманитарных наук, и особенно в сфере этнографии и языкознания. Он принимал участие в создании письменности для карелов, вепсов, ижоры, мордвы, удмуртов, марийцев, ханты и манси; в период эвакуации много сделал для развития коми языка [Роцевская, Лисевич 2013: 45]. М. М. Хямяляйнелу, в предвоенные годы также часто приходилось одновременно работать в нескольких учреждениях Ленинграда и Карелии.

После окончания Педагогического института М. М. Хямяляйнен был направлен на работу в Карелию, где его назначили заместителем заведующего отделом этнографо-лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры (далее КНИИК). Как пишет М. М. Хямяляйнен, поскольку он в период учебы являлся «выдвиженцем по финно-угорским языкам», его сразу откомандировали для обучения в аспирантуре Яфетического института АН СССР [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7]. Институтом, который с 29 октября 1931 г. стал называться «Институтом языка и мышления АН СССР» (далее ИЯМ), руководил самый известный в то время в стране языковед, создатель «нового учения о языке» – академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934). Молодой ученый прослушал курс для аспирантов академика Н. Я. Марра, который «в своей сфере – языкознании был всемогущ, как бог», отдавая должное его темпераментному лекторскому таланту, но после-

довательным сторонником его нового учения о языке не стал [Матвеев]. Хотя на первом этапе оно отразилось на его публичной деятельности [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 8]. М. М. Хямяляйнен оставался, как и его учитель Д. В. Бубрих, сторонником традиционного сравнительно-исторического метода в языкознании.

Вместе с тем, пребывание М. М. Хямяляйнена в 1931 г. в Ленинграде стало началом очень важного периода в его жизни. В связи с принятием 14 августа 1930 г. Постановления ЦИК СНК Союза ССР о всеобщем обязательном начальном обучении ленинградские власти приступили к организации работы по созданию письменностей для бесписьменных народов области, поскольку в то время придерживались принципа обязательности освоения грамоты на родном языке, как наиболее эффективном методе обучения [Постановление ЦИК И СНК].

В мае 1927 г. ВЦИК принял постановление о создании Северо-Западного края с центром в Ленинграде. В него включались Ленинградская, Псковская, Новгородская, Череповецкая и Мурманская губернии. Фактически он был образован 1 августа 1927 г., но под названием Ленинградская область. Мурманская губерния стала округом, и являлась анклавом, отделенным от основной части области территорией Карельской АССР [Тархов 2005: 77].

Ленинградская область значительно отставала по темпам коренизации в области языкового строительства по отношению к «культурно отсталым» народам, к которым относили все бесписьменные народы области.

Политика коренизации была принята на XII партийном съезде в 1923 г. и включала целую систему мер, направленных на формирование местной (коренной) национальной элиты и просвещения нерусских народов с целью приобщения их к делу социалистического строительства и обеспечения им равенства с передовыми нациями. В соответствии с конституционно закрепленным принципом самоопределения наций для многих нерусских народов были созданы, именуемые по их названиям национально-государственные (союзные и автономные республики) и национально-территориальные образования (округа).

В числе приоритетных задач находилось содействие развитию малочисленных народов и национальных групп, не имеющих своей государственности или проживающих за пределами своих национальных автономий. В постановлении Третьего съезда Советов СССР (май 1925 г.) «По вопросам советского строительства» Центральному исполнительному комитету СССР поручалось «обеспечить в случае значительной численности национальных меньшинств «образование отдельных Советов с употреблением языков этих меньшинств, организацию школ и судов на родном языке» [Съезды: 82]. Для национальных меньшинств создавалась письменность, особые формы территориальной автономии – национальные районы и сельсоветы [Вдовин 2000]. Ставилась задача перевода в них делопроизводства и школьного образования на языки местных народов, использования родных языков в просветительской и культурной деятельности, организации подготовки национальных кадров, для которых выделялись квоты в учебных заведениях и органах управления.

Такой, выражаясь современной терминологией, преференциальный подход государства к нерусским народам и национальным меньшинствам рассматривался советской идеологией и наукой как ленинская национальная политика. Исследователи отмечают, что данная стратегия всесторонней поддержки этнического разнообразия имела и экономическое измерение: она способствовала преодолению разрыва между центром и её окраинами, развитию человеческого капитала на «национальном» уровне, что укрепляло лояльность к новой власти со стороны нерусского населения страны [Ананьич, Гетрелл 2002: 77–80].

В Ленинградской области работа по образованию национальных сельсоветов и районов проводилась очень активно. Их создавали для всех национальных меньшинств области: финнов-ингерманландцев, эстонцев, латышей, немцев, коми (ижемцев), вепсов, карелов, ижоры, саами, норвежцев при условии, если более 2/3 населения в них составляли представители одной, нерусской, национальности [Смирнова 2000: 73–76].

В Ленинградской области, куда вошли вепские территории Ленинградской и Череповецкой губерний, по Всесоюзной переписи 1926 г. проживало 32 820 вепсов. Из них три четверти вепсов (24,2 тыс.) в Ленинградской области и четверть в Карелии (8,6 тыс.). Для веп-

сов в 1927 г. в Ленобласти был создан Винницкий национальный район. В 1930 г. из 14,1 тыс. его жителей 62,4% составляли вепсы. В нем 7 из 11 сельсоветов получили статус национальных, к 1936 г. число национальных сельсоветов возросло до 9. К ним отнесли еще Винницкий и Каргинский сельские советы. Остальные 15 национальных вепских сельсоветов входили в состав соседних смешанных районов (в Оятском – 2, Шольском – 2, Ефимовском – 4, и 7 в Оштинском). Всего в 24 национальных вепских национальных сельсоветах проживало 90% вепского сельского населения [Смирнова 2000: 76]. Родным вепский язык был указан у 93,5% вепсов Ленинградской области и у 98% вепсов Карелии. Национальное районирование проводилось с целью создания наиболее эффективной школьной сети с учетом обеспечения преподавания в начальной школе на родных языках. В Ленобласти бесписьменными являлись ижора, вепсы, карелы, саами, воль [Смирнова 2000: 156].

Первое совещание по вопросам создания письменностей для культурно отсталых народов области с участием Д. В. Бубриха состоялось в учебно-методическом центре отдела Ленинградского областного отдела народного образования 7 января 1931 г. [Королькова 2008: 153]. С докладом выступили Л. Г. Башинджагян (ученый секретарь Яфетического института) и Г. Х. Богданов (аспирант КИПС, преподаватель кафедры финно-угорской филологии филологического факультета ЛГУ). После обсуждения работу по вепскому языку было решено начать по схеме, уже апробированной Д. В. Бубрихом при создании письменностей для мордвы, удмуртов, тверских карелов: провести сбор полевого лингвистического материала и его обработку, подготовить к осени 1931 г. буквари и учебные пособия. Руководителем вепской экспедиции был назначен Г. Х. Богданов (карел), в её состав вошел и Д. В. Бубрих, студент нацменотделения педагогического института им. Герцена А. М. Михкиев (карел) и М. М. Хямляйнен, а также как сопровождающий курсант совпартшколы, вепс И. М. Гирькин. Подготовка к экспедиции велась при поддержке областного отдела народного образования «в ударном порядке» [Королькова 2008: 153].

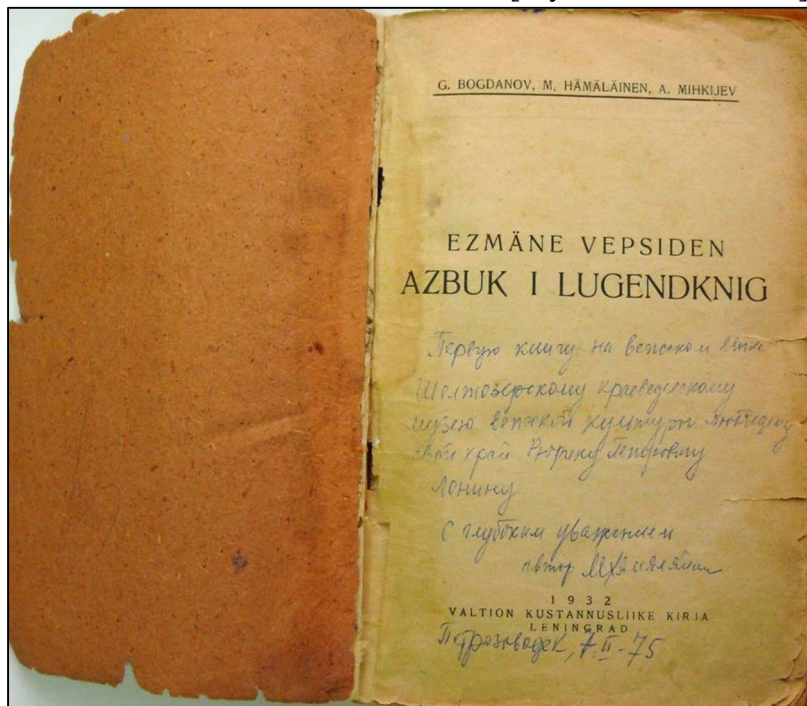
Выезд состоялся 6 марта 1931 г., но Д. В. Бубрих принять участие в экспедиции не смог. Экспедиция завершилась 27 мая. Материал собирали в Оштинском и Винницком районах Ленинградской области и Шелтозерском районе Карелии. Во время экспедиции ее участникам пришлось вести и просветительскую работу о необходимости создания вепской письменности. Как пишет в отчете Г. Х. Богданов, отношение местной власти к сотрудникам экспедиции было неоднозначным. Председатель Винницкого райисполкома, считал, «что работа по созданию вепской письменности – «трата общественных денег», хотя население оказывало «всемерную поддержку» сотрудникам в сборе словарного материала. Иным было отношение к экспедиции Оштинского РК ВКП (б). После ознакомления на выездном бюро с докладом Г. Х. Богданова о работе по изучению вепского языка и создании письменности, райком принял резолюцию: «Для создания необходимых условий в работе экспедиции поручить сельским советам донести до сведения населения цели и задачи работы экспедиции; обязать партячейки и кандидатские группы ВКП (б) и партийцев одиночек, профорганизации, сельские советы оказать работникам экспедиции полную поддержку в порученной им работе». Одновременно в период экспедиции необходимо было организовать набор среди вепской молодежи для обучения будущих управленцев в высших учебных заведениях г. Ленинграда и учителей для создаваемых в 1932 г. вепских отделений Доможировского и Лодейнопольского педагогических техникумах. В резолюцию Оштинского РК ВКП (б) вошел пункт: «С целью подготовки кадров из среды вепсов приступить к выявлению и отправке в областную школу «нацмен» 25 человек» [Королькова 2008:155]. Забегая вперед, отметим, что, возможно, поэтому в группе специалистов и учителей, принявших участие в подготовке вепских учебников, преобладали выходцы из Оштинского района.

В предварительном отчете экспедиции (от 5 мая 1931 г.) Г. Х. Богданов написал: «Экспедицией выявлен тот факт, что, несмотря на наличие в вепском языке значительных сходжений с “западно-финскими языками”, он является самостоятельным языком, поскольку имеет смысловую, грамматическую и звуковую структуру, в общем отличную от звуковой структуры других западно-финских языков» [Королькова 2008: 156]. Как следует из отчета,

участникам экспедиции были известны исследования финских ученых по вепсскому языку, которые М. М. Хямяляйнен проверял в ходе работ [Королькова 2008: 156].

Участники экспедиции являлись авторами алфавита вепсского языка [Матвеев]. Он был создан на латинской основе и включал 28 букв. Известно, что вепсский алфавит был утвержден в 1931 г. Всесоюзным центральным комитетом нового (латинизированного) алфавита при Совете Национальностей ЦИК (далее – ВЦКНА), ответственного за политику «коренизации» в языковой сфере. К работе по созданию алфавитов и языковых норм привлекали самых известных ученых. Возглавлял его известный ученый, проф. Н. Ф. Яковлев, Д. В. Бубрих отвечал за финно-угорские языки [Алпатов 2000: 51].

Вепсская письменность создавалась на базе говоров средневепсского диалекта, распространенного в Винницком и примыкающих к нему деревнях Капшинского и Оштинского районов, с учетом особенностей южного диалекта [Муллерен 1967: 106].

Первая вепсская азбука и книга для чтения с дарственной надписью М. М. Хямяляйнена

Участники экспедиции стали и авторами первого учебника вепсского языка «Ezmäne vepsiden azbuk i lugendknig» (Первая вепсская азбука и книга для чтения). По сообщению М. М. Хямяляйнена, над ней они работали летом 1931 г. в его родном доме, в Лукашах: «...кроме их троих – финна и двух карел, был еще и вепс Иван Гирькин. И в экспедиции и здесь Ваня служил лучше всякого справочника» [Матвеев]. Стремясь закончить букварь к началу учебного года, они работали день и ночь и, как вспоминал М. М. Хямяляйнен, дописав его последние строки ранним утром под звон колокольчиков коров, провожаемых хозяйками в стадо, «...от полноты чувств, пустились в пляс, а Ваня дал жару на балалайке. Они плясали, а в проеме двери стояли родители и, улыбаясь, смотрели на них: «У ребят праздник». Рукопись учебника, как утверждается, потеряли в московском издательстве, и он был опубликован лишь через год – в ноябре 1932 г. [Смирнова 2000: 157].

По этому букварю осваивали вепсскую письменность не только школьники, но и взрослые на курсах по ликвидации неграмотности. С появлением первого учебника вепсского языка открылось 48 пунктов по ликвидации безграмотности.

С 1932 г. при отделе национальных меньшинств Ленобласти был образован Комитет нового алфавита, подчиняющийся ВЦКНА. В его полномочия входили все вопросы по организации перехода на обучение на родные языки ранее бесписьменных народов области: написание и издание учебников и другой литературы на родных языках, подготовка педагогических кадров, организация работы по ликвидации неграмотности и т. д. Для разработки вопросов

научного характера, связанной с переходом на обучение в начальной школе на родной язык, Комитет создал две языковые комиссии: ижорскую и вепсскую. Вепсскую языковую комиссию возглавил М. М. Хямяляйнен. Была сформирована рабочая группа из десяти человек, в которую вошли Н. И. Богданов – заведующий Оштинского отдела образования, В. И. Петухов – инспектор Оштинского отдела образования, супруги И. Ф. Андреева и Ф. А. Андреев – учителя истории из Пяжозера, переехавшие в 1930 г. в Ленинград; И. А. Силин из Лодейного Поля, уроженец с. Кленозеро, Г. Ф. Большаков – учитель из д. Войлахта, М. Г. Логинов, В. М. Романов, учитель А. М. Михкиев [Муллонен 1967: 107; Богданова, Винокурова 2006: 38–39]. Работа комиссии продолжалась до конца 1937 года и оказалась очень эффективной [Смирнова 2000: 157]. Они готовили книги для чтения на вепском языке, переводили на вепский язык типовые учебники. К 1937 г. на вепском языке было выпущено 32 книги. К 1936 г. в Ленобласти работало 53 вепских начальных школ, и 7 – неполных средних школ. В вепских школах в то время обучалось более 3 тыс. школьников [Смирнова 2002: 159].

В 1932 г. М. М. Хямяляйнена, из-за недостатка научных кадров в КНИИ отозвали из аспирантуры в Петрозаводск. Позднее он с сожалением писал, что ему не дали возможность её закончить [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 7–8].

После активной работы в лингвистической экспедиции над разработкой вепского алфавита, первым вепским учебником М. М. Хямяляйнен стал активным сторонником Д. В. Бубриха, выступающего за права карельского и вепского народов на обучении на родном языке, против сложившейся практики в Карелии обучения карельских и вепских детей на финском языке. В условиях общегосударственной поддержки местных языков ситуация в Карельской АССР выглядела необычной и объяснялась историей её образования. Карельская Трудовая коммуна – её первое название (далее – КТК), создавалась в 1920 г. в соответствии со «статьей 11 Конституции РСФСР о самоопределении» в местах компактного проживания карелов Архангельской и Олонецкой губерний, как национальное образование карельского народа. Вместе с тем, процесс её организации и управления центр передал не карелам, а соратникам по революционной борьбе – финским революционерам (красным финнам), вынужденным после поражения в 1918 г. социалистической революции в Финляндии искать убежища в Карелии. С многими из них (Г. Ровио, Э. Гюллингом, О. Куусиненом и др.) высшие руководители СССР – В. И. Ленин, И. В. Сталин были лично знакомы, скрываясь в Финляндии от преследования царской охранки. По подсчётам историков В. И. Ленин побывал в Финляндии 26 раз и провел здесь в общей сложности около 3-х лет [Коронен 1968: 3]. Э. Гюллинг, возглавлявший карельское правительство с 1920 по 1935 гг., был неординарной личностью. Он являлся депутатом парламента Финляндии, имел степень доктора философии. Его биография вошла в список «Ста замечательных финнов». Её автор, Микко Уола считает его как политика довольно загадочной фигурой для историков [Уола: 168]. В 1918 г. Э. Гюллинг вошел в Совет народных уполномоченных, возглавивший восстание в Финляндии, а после его поражения сумел убедить В. И. Ленина поручить ему создание карельской автономии, представив ему планы по экономическому развитию с помощью компетентного управления. Считают, что его конечной целью было создание Скандинавской Советской Республики, в которую входили бы также Финляндия и Карелия [Уола: 166]. Карелии в его планах отводилась роль плацдарма для осуществления революции в Финляндии [Уола: 168]. В правительстве Э. Гюллинга преобладали «красные» финны, первым секретарем Карельского Обкома комитета ВКП (б) был Г. Ровио. Путь от автономного областного образования – Карельской трудовой коммуны (далее – КТК) к Карельской АССР был пройден за три года: 28 июля 1923 г. КТК была преобразована в КАССР, чему содействовало участие красных финнов в подавлении восстания на севере Карелии [Килян 1999]. В Постановлении ВЦИК об образовании Карельской АССР, официальными языками были признаны русский и карело-финский. Реально под ним понимался только финский язык, поскольку финское руководство было против создания карельской письменности, ссылаясь на существование диалектных различий в речи разных групп карелов. Финнизация усилилась концу

1930-х гг., хотя официально называлась «карелизация». По отношению к северным карелам, язык которых был близок к финскому, она проходила довольно успешно, но среди населения, говорящего на ливвиковском и людиковском наречиях, составлявшего две трети, вызвала недовольство.

После преобразования КТК в КАССР, в её состав вошла и часть вепсской территории, на чём с самого начала автономии настаивало население Ладвинской и Шелтозерско-Бережной волостей Петрозаводского уезда. Их обращения поддерживало и карельское руководство, но решение было принято 3 ноября 1924 г., «по соображениям экономического тяготения к Петрозаводску, как ближайшему центру и родственного племенного состава населения (прионежские вепсы) [НА РК, ф. 323, оп. 1, д. 7/68, л. 20]. В Карелию волость вошла не полностью: примыкающие к р. Свирь д. Гимрека, Щелейки, Шустручей и др. остались в составе Ленинградской губернии. В 1927 г. в Карелии на части Шелтозерско-Бережной волости, отошедшей к Карелии, был создан национальный Шелтозерский район. В нем проживало 8926 человек, из них – 8343 вепсов (93,5%). Вепсов в Карелии наряду с финнами и карелами стали относить к национальному населению республики. Политика «финнизации» позднее стала распространяться и на вепсов, язык которых существенно отличался от финского. Здесь, судя по местной печати, процесс обучения на финском языке шел с трудом: дети слушали финский язык только 2–3 часа в течение дня, а в остальное время они говорят или по-вепски или по-русски» [Красное Шелтозеро 1934].

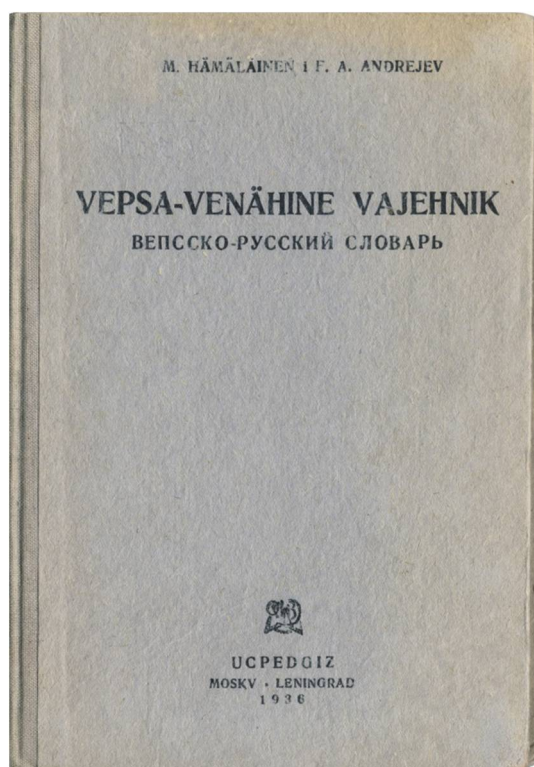
Национальная политика финского руководства в Карелии вызывает много споров у исследователей [Такала 2011]. В языковой сфере она наиболее отчетливо противоречила принципам провозглашаемой коренизации. Создание в 1930 г. карельской письменности для тверских карелов и начало работы по созданию вепсской письменности в 1931 г. ставило под удар финнизацию в Карелии. Г. Ровио в своей статье «Проблема языка в национальной политике АКССР», утверждал о невозможности создания единой карельской письменности из-за диалектных различий. Хотя в стране на рубеже 1920–1930 гг. при наличии диалектных различий у многих ранее бесписьменных народов письменность развивалась иногда и в двух вариантах. Требование создания литературного языка для карелов в Карелии он считал реакционной затеей. Он выступал также и против создания письменного языка тверским карелам. Политически недопустимо, писал он «создание карельского литературного языка вне Карелии – ибо это косвенно осудит установку Карельского правительства в вопросе о языке...» [Ровио 1931].

Между сторонниками Д. В. Бубриха и правительством Карелии, имеющем влиятельных покровителей в центре, развернулась настоящая «языковая война». Д. В. Бубриху удалось летом 1930 г. инициировать рассмотрение вопроса о письменном карельском языке в Карелии на Президиуме Совета национальностей ЦИК Союза СССР. Оно состоялось 25 апреля 1931 г., и, несмотря на тщательную подготовку правительством Карелии доводов в защиту проведения прежней политики, решение было принято не в пользу карельского руководства. Карельское руководство спасли старые связи. Решение Президиума Совета национальностей ЦИК было отменено Политбюро ЦК ВКП (б) [Такала 2011: 144].

В языковую войну оказался втянутым и М. М. Хямяляйнен. В своем личном деле он пишет, что при возвращении в Карелию «...у меня возникли большие разногласия принципиального характера с тогдашним карельским руководством. В своей работе, в своих выступлениях (в устных и в печати, поскольку это было возможно), я стал обвинять их в финском национализме. В то время в Карелии ничего нельзя было говорить о новом учении о языке даже в чисто академическом плане. Мои выступления привели к очень острой дискуссии на страницах печати. В частности, мне и проф. Бубриху была посвящена целая книга Н. Rautio «Suomen kielen runtelijoita vastaan» (Против коверкивания финского языка), изданная в Петрозаводске в 1932 г. Она была изъята из обращения в 1934 г. как националистическая. Поводом для этого служила одна моя статья «Suomen kirjakieleen vallankumouksen henkeä» («Больше революционного духа в финский литературный язык»), опубликованная в республиканской газете «Punainen Karjala», № 12.4, 1932 г.». Статья вызвала на страницах печати Карелии самую острую и широкую дискуссию о развитии финского языка в совет-

ских условиях [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 8]. У И. П. Такала этот эпизод в истории языковой политики Карелии представлен как дискуссия между «проповедниками «революционного» обновления финского языка с одной стороны, и сторонниками сохранения «единства финноязычной культуры» с другой: «Так, молодой языковед ингерманландец Матти Хямляйнен выступал за замену «фашистских» финских неологизмов новыми «революционными» словами, а эмигрант Хейно Раутио, наоборот, категорически отвергал наблюдавшиеся в Советском Союзе тенденции «интернационализации» и «русификации» финского языка». По её мнению, несмотря на оживленную дискуссию, результаты намеченных обновлений оказались тогда весьма незначительными [Такала 2011]. В декабре 1932 г. М. М. Хямляйнен был вызван к тогдашним руководителям Карелии – секретарю обкома Г. Ровио и председателю Совнаркома Э. Гюллингу. Как пишет М. М. Хямляйнен: «Мне в очень категоричной форме было предложено отказаться от своих взглядов и выступить с заявлениями на страницах печати. От своих взглядов я не отказался.... В феврале 1933 года меня сняли с работы в Карельском научно-исследовательском институте. Но вместе с тем, мне не дали возможности выехать из Карелии» [Матвеев]. После выхода положения о стабильных учебниках М. М. Хямляйнена направили в издательстве «Кирья» для работы по переводу на финский язык «стабильных» учебников. Отношение со стороны коллег к нему изменилось: после его заявлений о неправильной позиции руководства республики в вопросе о языке, о необходимости учить детей карелов и вепсов на родном языке, а не на финском, его стали считать финнофобом. В этот непростой период 1 мая 1933 г. М. М. Хямляйнен женился. Со своей женой Клавдией Андреевной они прожили 50 лет [Матвеев].

Выехать из Карелии М. М. Хямляйнену помогло ходатайство Ленинградского областного отдела образования. В сентябре 1933 г. он вернулся в Ленинград и стал работать в ЛГУ на кафедре у Д. В. Бубриха, где читал курс финского и вепского языков, став доцентом. В это время он очень много времени уделял вепскому языку: занимался разработкой курса вепского языка для университета, составил общую грамматику вепского языка. Он присоединяется к работе вепской комиссии по подготовке учебной литературы. Ею руководил Н. И. Богданов [Богданова, Винокурова 2006: 38–40].

Работая над вепскими учебниками для начальной школы, он подготовил в 1936 г. в соавторстве с Ф. А. Андреевым «Вепско-русский словарь», насчитывающий около 3 тыс. слов. При его составлении был использован материал первой вепской лингвистической экспедиции.

Правление красных финнов закончилось в 1935 г. Руководители Карельской АССР Э. Гюлинг и Г. Ровио были сняты со своих постов. В период «Большого террора» они были арестованы как лидеры антисоветской фашисткой буржуазно-националистической группировки, осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР и расстреляны. Э. А. Гюлинг был арестован 17 июля 1937 г., расстрелян – 14 июля 1938 г.; Г. Ровио – арестован 9 июля 1937 г., расстрелян – 21 апреля 1938 г [Белоусов 2010: 111]. Их обвиняли также в ошибочной языковой политике, противодействии развитию карельского и вепского языков. Причиной репрессий считают обострение отношений с Финляндией. В преддверии второй мировой войны руководство СССР рассматривало Карелию и Ленинградскую

область в качестве возможного театра военных действий. С середины 30-х гг. XX в. началась ее «зачистка от политически неблагонадежных элементов» и «местных националистов», ос-

нову которых, по мнению карательных органов, составляли финны и выдвигенцы из карелов и вепсов в период финской карелизации [Килин 1999: 145].

После изменений в руководстве Карелии М. М. Хямялайнен с конца 1936 до осени 1938 г. работает в КНИИ заведующим лингвистической секции, оставаясь преподавателем в ЛГУ. В сентябре 1937 г. в Карелии было принято Постановление Совета Народных Комиссаров Карельской АССР «О переводе карельских и вепских школ на родной язык» [Постановление 1937].

М. М. Хямялайнен принимает активное участие в процессе перевода школ с карельским и вепским составом на обучение на родных языках. Он настойчиво пропагандирует опыт Ленинградской области для организации преподавания на родном языке для вепсов в Шелтозерском национальном районе Карелии. В статье «Не пора ли заняться вепским языком», опубликованной 17 июля 1937 г. в газете «Красная Карелия», М. М. Хямялайнен, рассказывая об успехах достигнутых в Ленинградской области по организации преподавания на родном языке у вепсов, фактически подводит итоги деятельности вепской комиссии: *«На вепском языке изданы все учебники для всех 4-х классов начальной школы. Разработаны единые нормы вепского литературного языка. Имеется грамматика вепского языка. В прошлом году издан Вепско-русский словарь. Можно сказать, что создана прочная база для дальнейшего развития вепского литературного языка. В этом году “Детиздатом” будет выпущено 8 названий детской художественной литературы на вепском языке. Предполагается перевести на вепский язык Конституцию СССР и речь тов. Сталина на VIII Чрезвычайном съезде Советов. Переведен на вепский язык ряд революционных песен. Если до создания вепской письменности вепские учителя насчитывались единицами, то за последние 5 лет число вепских учителей возросло так, что почти во всех школах преподавание проводится на родном языке. Правда, большая часть вепских учителей не имеет специальной подготовки, но и этот пробел будет ликвидирован в недалекое время. В Лодейнопольском педтехникуме уже несколько лет существует вепское отделение, где готовят учителей для вепских школ. На этом отделении в настоящее время учится 68 человек. Уже в прошлом году состоялся первый выпуск этого отделения. Можно смело сказать, что уже в ближайшее время все вепские школы будут обеспечены вполне квалифицированными кадрами. На 4-м курсе финно-угорского цикла лингвистического факультета Ленинградского института философии, истории, литературы и лингвистики учатся 3 студента вепса, которые будут работать в области вепского языка»*. [Красная Карелия 1937: 17 июня].

На несколько месяцев в Карелии удалось организовать преподавание в школе на вепском языке. Решение о переводе вепского языка с латиницы на кириллицу было принято. На новом алфавите в период с 9 июля по 25 сентября 1937 г. в газете Шелтозерского района «Красное Шелтозеро» публиковались сообщения и заметки на вепском языке [Красное Шелтозеро 1937: 14, 20, 25 июля]. Преподавание на вепском языке в школах Шелтозерского района продолжалось с осени 1937 до конца года. С первого полугодия 1938 г. обучение во всех вепских школах в Ленинградской области и Карелии было переведено на русский язык.

Период коренизации оказался недолгим. В этой связи очень показательны высказывания Л. Д. Троцкого, выступавшего в дебатах по национальному вопросу при формировании принципов политики коренизации еще в 1923 г. на XII съезде ВКП (б). Он заявил, что «...национальность вообще не логичное явление, ее трудно перевести на юридический язык», поэтому единственным «суперарбитром» в национальном вопросе выступает партия [Троцкий 1991: 171]. Оно весьма точно отражает стиль управления в СССР в сфере международных отношений. Такой подход, придавал непредсказуемый характер этнонациональной политике, где определяющее значение имели программные заявления и решения руководителей страны, отражающие смену приоритетов во внешней и внутренней политике страны, а не статьи Конституции, гарантирующие получение образования на родном языке. На деятельность государства в области национальной политики, по мнению исследователей в то время оказывал влияние «синдром осажденной крепости» в соединении с ожиданием неизбежной и скорой агрессии..., что и вызывало к жизни целый ряд решений сталинского руко-

водства, осуществление которых повлекло разнонаправленные результаты и последствия» [Красильников 2012: 9–10].

Репрессии не обошли М. М. Хямяляйнена. В автобиографии об этой черной полосе в своей жизни он написал кратко: «В сентябре месяце 1938 г. был арестован органами государственной безопасности. Я находился в тюрьме под следствием до марта 1940 г. Из-под следствия был освобожден в связи с прекращением моего дела и полностью реабилитирован» [НА КарНИЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 9]. Д. В. Бубриха и М. М. Хямяляйнена обвинили в проведении политики финнизации в Карелии, хотя они являлись самыми её известными противниками. В Карелии в то время шла активная работа под руководством Д. В. Бубриха над письменным карельским языком [Нагурная 2015: 262–264]. Д. В. Бубрих был арестован 9 января 1938 г. в Ленинграде. Его признали иностранным шпионом нескольких разведок и приговорили к расстрелу. Перед своим освобождением осенью 1939 г. он просидел 70 суток в одиночной камере [Керт 2000: 88–89].

М. Хямяляйнена по поручению НКВД Карельской АССР арестовали 7 сентября 1938 г. в родительском доме, в Лукашах. Его обвиняли в том, что летом 1936 г. он был участником «...возглавляемой проф. Бубрихом – ныне разоблаченный финский шпион и руководитель контрреволюционной организации», лингвистической экспедиции по Карелии, которую Д. В. Бубрих использовал в целях финнизации Карелии и ликвидации в ней русского и карельского языков». В 1938 г. М. Хямяляйнен, «работая над учебниками карельского языка, в контрреволюционных целях всячески тормозил издание этих учебников, протаскивал установки врага народа Бубриха, ограничивая карельский язык до уровня первобытного» [Белоусов 2010: 108]. По материалам первого допроса (17 ноября 1938 г.), от показаний которого он впоследствии отказался, сообщив прокурору Карельской АССР Михайлову, что они получены под физическим давлением следствия (избиений, «стойки по 60 часов», угрозы расстрелом), М. Хямяляйнен признал себя участником т. н. «буржуазной националистической группы, связанной с фашистскими кругами Финляндии – членами Карельского Академического общества (КАО) [Белоусов 2010: 109]. По версии следствия группа под руководством КАО с 1932 г. вела враждебную деятельность на отторжение Карелии от Советского Союза и присоединение её к буржуазной Финляндии. Националистическим гнездом являлась угро-финская кафедра Ленинградского университета, а Д. В. Бубрих – её идеологическим вдохновителем. Они обосновывали идею «Великой Финляндии», маскируя её идеей «Великой Карелии», что позволяло «научно обосновывать» проводимую финнизацию [Белоусов 2010: 108]. Роль связного с КАО отводилась М. Хямяляйнену, сопровождавшего летом 1934 г. финляндских исследователей – Л. Кеттунена, Л. Пости и П. Сиро в экспедиции к вепсам. В 1935 г. М. Хямяляйнен встречался с Л. Пости в Ленинграде, которому, по версии следствия, передал отчет о деятельности буржуазной националистической группы в Карелии. Сам М. Хямяляйнен заявлял, что встречи и переписку с гражданином Финляндии Л. Пости вел «...по согласованию с ленинградским Управлением НКВД». В контрреволюционную группу включили и бывших руководителей Карелии – Э. Гюллинга и Г. Ровио, с политикой финнизации которых до их отстранения от власти в сентябре 1935 г. Д. Бубрих и М. Хямяляйнен боролись [Белоусов 2010: 108].

Дело «О карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации» разрасталось за счет вовлечения в него «буржуазных националистов» из созданного 9 июля 1937 г. в Калининской области Карельского национального округа. Второй секретарь Карельского Обкома Д. П. Смирнов, председатель карельской терминологической комиссии был родом из тверских карелов и бывал на родине. Д. П. Смирнова арестовали в ноябре 1938 г. [Белоусов 2010: 108].

В Карельском округе по «карельскому» делу было арестовано 67 человек, в основном карельская интеллигенция и работники советских органов национального округа [Виноградов 1991: 16].

Серьезность обвинений нарастала: следствие установило, что конечная цель буржуазно-националистической организации сводилась не только к присоединению в момент интервен-

ции Карельского национального округа и АКССР к буржуазной Финляндии, но и включала в себя идею с помощью уже сформированных повстанческих отрядов проведение террористических актов против тов. Сталина, Молотова, Кагановича и Андреева [Белоусов 2010: 109]. Все материалы по карельскому делу были объединены в следственное дело № 0048 и переданы в Москву сотрудникам следственной части НКВД СССР, возглавляемой комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Б. Кобуловым. В начале 1939 г. М. Хямляйнена и Д. Смирнова перевели в Бутырскую тюрьму Москвы [Белоусов 2010: 109].

Готовился громкий политический процесс. По мнению В. Виноградова, изучившего архивы по «карельскому делу» в Калининской области, процесс сорвался в немалой степени, благодаря мужественной гражданской позиции арестованных. С апреля 1939 г. многие из них, как и М. Хямляйнена, посылали обращения к руководителям НКВД и прокуратуру, отказываясь от показаний, полученных под давлением следствия, приводя описания бесчеловечного обращения с заключенными [Виноградов 1991: 21–22, 27].

По инициативе следствия из числа научных работников и педагогов Карелии в декабре 1938 г. была образована экспертная комиссия по делу «антисоветской буржуазно-националистической группы». В представленном ею в апреле 1939 г. акте экспертизы следствие усмотрело много противоречий. Б. Кобулову было доложено: «Совершенно непонятно с показаниями и в отношении Хямляйнена. Одни следственные документы указывают на то, что он извращал карельский язык, другие ... боролся с лицами, извращающими карельский язык.... Показания арестованных участников буржуазно-националистической организации противоречивы и требуют перепроверки». М. Хямляйнена обвинил экспертов в незнании ими ни финского, ни карельского языков [Белоусов 2010: 109].

Вторая экспертная комиссия, созданная через полгода – 19 июня 1939 г., вину разработчиков карельского литературного языка М. М. Хямляйнена и Д. П. Смирнова усмотрела в том, что ими «отдавалось предпочтение формам, сходным с финскими и финской грамматикой, ... что привело «к искажению, засорению языка и фактическому срыву литературного языка для карел Карельской республики» [Белоусов 2010: 110]. 26 июля 1939 г. Б. Кобулов утвердил обвинительное заключение, в котором утверждается, что Хямляйнена и Смирнов изблечены показаниями свидетелей и свою вину признали. Дело было представлено на обсуждение Особого совещания» [Белоусов 2010: 110].

Но политические реалии в стране поменялись, от заключенных продолжали поступать отказы от своих показаний, начались процессы против вредителей в органах НКВД. Затягивание процесса в период Большого террора, оказалось спасением для заключенных по «карельскому делу». По всей вероятности, с началом Советско-финской войны, интерес к карельскому языку пропал: официальным во вновь образованной союзной Карело-Финской ССР становился финский язык.

26 февраля 1940 г. уголовное дело по обвинению Хямляйнена М. М. и других участников карельского дела было прекращено, и обвиняемые по нему в начале марта вышли на свободу [Белоусов 2010: 111]. Решение прокурора, что для столь многочисленной группы лиц, длительное время находящихся под следствием, нет «достаточных оснований для предания суду», фактически означало признание их невиновности. Такой эпизод в период Большого террора, как считает К. Ф. Белоусов, следует признать достаточно редким явлением, и «можно объяснить только одним – изменением обстоятельств и, следовательно, политической целесообразностью» [Белоусов 2010: 111]. В период следствия по подсчетам В. Виноградова шесть человек, задержанных по карельскому делу, умерли в тюрьме [Виноградов 1991: 28].

Во время войны одну зиму до 1942 г. М. М. Хямляйнена жил в блокадном Ленинграде. С марта 1942 г. по май 1944 г. служил переводчиком в Красной Армии. В 1944 году был переброшен через линию фронта на спецзадание, в мае 1944 г. попал в плен, в октябре 1945 г. вернулся на родину. До декабря 1945 г. проходил государственную проверку в Сталиногорске (Московская область). Вернуться к научной работе в Институте он смог только в 1947 г. и проработал до выхода на пенсию в апреле 1964 г. [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 18].

В силу разных обстоятельств, в том числе и политических репрессий в конце 1930-х годов, а также войны, М. М. Хямяляйнен не защитил кандидатскую диссертацию. В Институте с перерывами он проработал около 20 лет. В 1953 г. была утверждена тема его диссертации «Морфологическая система (склонение и спряжение) средневепского диалекта вепского языка», подготовлен план-проспект работы [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 22–28], но она не была завершена.

В 1962 г. известные ученые – доктор филологических наук, заведующий сектором финно-угорских языков Института языкознания АН СССР В. И. Лыткин, профессор Тартуского университета, академик П. Аристе выступили с предложениями о присуждении ему ученой степени кандидата филологических наук по совокупности работ, без защиты диссертации. П. Аристе в представлении особо отметил, что «...его учебники вепского языка являются ценным неисчерпаемым источником лингвистического материала всем финно-угроведам» [НА КарНЦ РАН, оп. 48, д. 6, л. 60–62]. К сожалению, предложения о присуждении ученой степени М. М. Хямяляйнелу не реализовались, но его вклад в прибалтийско-финское языкознание, его активная деятельность по развитию вепского языка, отстаивания прав народов на обучение на родном языке вызывает огромное уважение.

Литература

Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. 2000.

Ананьич Б., П. Гетрелл. Национальные и вненациональные измерения экономического развития России в XII–XX вв.) // *Ab Imperio*. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань. 2002. № 4.

Белоусов К. Ф. Лингвист ≠ Фашист, или Дело о не состоявшемся процессе // *Клио*. 2010. № 2.

Богданова Г. И., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения) // *Современная наука о вепсах: достижения и перспективы*. Петрозаводск. 2006.

Вдовин А. И. Российский федерализм и «Русский вопрос» // *Вестник МГУ*. 2000. № 5. См.: <http://www.vybory.ru/nauka/0100/vdovin.php3>

Виноградов В. Карельское «дело». Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». Тверь. 1991. 39 с.

Жизнеописание – Жизнеописание Дмитрия Владимировича Бубриха. Воспроизведено по личному делу, хранящемуся в архиве ИЛИ. 28 октября 1934 г. // <https://iling.spb.ru/pdf/liudi/bubrih.html>

Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск. 2016.

Керт Г. М. Величие и трагедия таланта // *Очерки по карельскому языку*. Петрозаводск. 2000. 111 с.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999.

Королькова Л. В. Из истории создания вепской письменности (лингвистическая экспедиции Г. Х. Богданова 1931 года) // *Вепсы на рубеже XX–XXI веков*. Петрозаводск, 2008.

Колпакова Н. Н. Д. В. Бубрих: открывая заново (к 125-летию со дня рождения) // *Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере»*. Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г.

Коронен М. М. В. И. Ленин и финские революционеры // *Вопросы истории*. 1968. № 10.

Красильников С. А. Депортации как индикатор социальных катастроф в СССР // *Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. научных статей*. Новосибирск, 2012. С. 9–10.

Красное Шелтозеро. 1934. 23 июня.

Красное Шелтозеро. 1937. 14, 20, 25 июля; 15, 18, 22, 27 августа, 4, 25 сентября.

Матвеев – Матвеев Б. Слово об истории слова. Исторический очерк о судьбе человека и его дела // *Комсомолец*. 1988. 17 декабря.

Микко Уола. Сто замечательных финнов // http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
Муллеронен М. И. Вепсская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967.

Нагурная С. В. Роль Д. В. Бубриха в создании единого литературного языка // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г. Петрозаводск. 2015. С. 259–266.

Ристо Богданов и его статья // <http://www.voinitsa.ru/pages/art271.aspx> (см. о Г. Х. Богданове).

Постановление 1937 – Постановление Совета Народных Комиссаров Карельской АССР «О переводе карельских и вепских школ на родной язык обучения» от 21 сентября 1937 года // НА РК. Ф. 630. Оп. 6. Д. 13/39. Л. 115, 116.

Постановление ЦИК и СНК – Постановление ЦИК И СНК Союза ССР о всеобщем обязательном начальном обучении. 14 августа 1930 г. // http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=13463&ob_no=13464

Ровио Г. Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2.

Рощевская Л. П., Лисевич Н. Г. Финно-угровед Д. В. Бубрих. «...Во время моего трехлетнего пребывания в Коми АССР» // Финно-угорский мир. Саранск, 2013. № 4.

Смирнова Т. М. Национальность – Питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX век. СПб., 2002.

Съезды – Съезды Советов в документах. Т. 3. М., 1960.

Такала П. И. Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв. Тарту, 2011.

Тархов С. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005.

Светлана Валерьевна Коробейникова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ: ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА – А. М. МИХКИЕВ

В конце 20-х годов XX века создавались учебники и учебные пособия на языках младодописьменных и бесписьменных народов, в том числе финно-угорских, и ведущую роль в их создании играл Д. В. Бубрих и группа ученых под его руководством, работавших в Ленинграде, Ленинградской области и в Карелии. Среди них были учителя, аспиранты и молодые ученые, их имена и научные достижения хорошо известны: М. Хямляйнен, Н. Богданов, Ф. Андреев и др. Однако, имя Алексея Михайловича Михкиева, которое стоит рядом с именами Н. И. Богданова и М. М. Хямляйнена на обложке первой азбуки на вепском языке, упоминается в связи с подготовкой материалов для создания «Диалектологического атласа карельского языка», подготовленного еще в 1930-е годы, а изданного в 1997 году в Хельсинки, остается пока лишь одним из имен в общем списке. И все же, А. М. Михкиев, как яркий представитель своего поколения, стоявший у истоков создания карельской и вепской письменности, достоин того, чтобы о нем помнили современные исследователи.

На долю поколения родившихся в начале XX века выпали тяжелые испытания, в судьбе каждого отражаются перипетии истории страны.

А. М. Михкиев родился в 1907 году, в деревне Погранкондуши, на самой границе с Финляндией, тогда еще являвшейся Великим Княжеством Финляндским. Семья не была богатой, но почти все дети получили возможность учиться. Старшая, Мария Михкиева (Михкинен), училась в Сортавальской учительской семинарии, и дома во время каникул

младших братьев и сестер учила вторая сестра. В самом благодатном юном возрасте дети узнали, что такое учение, какой огромный мир открывает им знание, и поэтому, начав с деревенской школы, все они продолжили образование. Первые шаги в учении дети делали по-русски, учителей, которые владели бы карельским или финским языками, тогда еще, конечно, не было в карельских деревнях. Чувство уважения и благодарности к своей первой учительнице Лидии Николаевне Митрофановой(?) Алексей сохранил на всю жизнь. Когда, спустя десятилетия, олончане с почтением приветствовали учителя: «Здравствуйте, Алексей Михайлович!», она говорила: «Здравствуй, Алёшенька!» «Это моя первая учительница», – объяснял он детям.

В 1917 году Финляндия получила независимость, спустя 2–3 года граница закрылась, и Мария Михкиева осталась в другой стране. Три класса деревенской школы были позади, будет ли еще возможность учиться, Михкиевы не знали. И вот через сельсовет пришло известие о том, что в Петрозаводске открывается финноязычный педагогический техникум. Многие ребята хотели там учиться, но в тот год (1922) на учебу поехал Микко Меркурьев. Однако Алексей не желал мириться с тем, что старший брат Иван (который, кстати, и сам учился позднее в Ленинградском финансово-экономическом институте) его не отпускает. Дело в том, что в 1918 году умер отец, и братья должны были помогать матери. Иван не дал лошади, отобрал сапоги, но Алексей пешком и босой ушел в Петрозаводск.

Три года учебы в техникуме позволили Алексею не только великолепно овладеть финским языком, но и получить прекрасные знания от преподававших там Хейно Раутио, Лео Мякеля, выпускников Хельсинкского университета Вяйно Такала, Лаури Лентомьяки, выпускника Гатчинского педтехникума Юхо Вихко, ставшего позднее ректором педтехникума и народным комиссаром (министром образования Карелии). Музыку преподавал студентам Карл Раутио.

В трудное послевоенное время, несмотря на голод и разруху, находилось время на учебу, музыку, шутки. Прекрасно описывает годы учебы в педтехникуме Урхо Руханен в книге «*Suutettynä suomalainen*» [Ruhanen 1989]. Там же он рассказывает о годах учебы, проведенных в Герценовском педагогическом институте.

В 1925 году Алексей Михкиев закончил Петрозаводский педтехникум и в 1926 году поступил на финское отделение историко-филологического факультета Герценовского педагогического института, где языковедение преподавал Д. В. Бубрих, русскую литературу профессор Андреев, западную – Кржевский, биологию – ученик академика Павлова Быков, педиатрию – основатель отечественной неонатологии академик А. Ф. Тур.

А. Михкиев и У. Руханен смотрели в БТД «Разлом» Лавренева, слушали В. Маяковского, то, как он читал поэму «Хорошо!» в актовом зале Герценовского института... Мог ли предполагать мальчик из Погранкондуш, что жизнь будет так щедра к нему?

Герценовский был закончен в 1931 году, и Алексей направляется в Петрозаводск, в родной педтехникум, где преподает на отделении дошкольного образования.

Еще в 1927 году Общество изучения Карелии на общем собрании по докладу Д. В. Бубриха постановило обратиться к наркомпросу Карельской АССР с просьбой о привлечении национальных кадров к изучению особенностей карельского языка. К 1930 году группа, возглавляемая Д. В. Бубрихом, становится центром исследований по финно-угорским языкам. Собираются экспедиции, отдельные исследовательские группы. Например, материалы по говору карельского языка с. Толмачи собирают Бубрих, Дубов, Беляков, создание двух небольших московско-карельских словарей является задачей Бубриха, Дубова и Белякова, олонечно-карельского – Бубриха, Дубова и Михкиева. Бубрих, Дубов, Беляков и Михкиев составляют анкету к собиранию диалектологических материалов по карельскому языку [Керт 1975]. Таким образом готовился материал для «Диалектологического атласа карельского языка», увидевшего свет только в 1997 году. Материал собирался по всей Карелии, в 150 населенных пунктах. На основе собранного материала Д. В. Бубрих составил около 200 диалектологических карт и показал, что карельский язык можно признать самостоятельным прибалтийско-финским языком.

В 1930 году создается рабочая группа по разработке вепсской письменности, возглавляемая М. М. Хямяляйненем. В марте 1931 года была совершена экспедиция в вепсский край, проводился сбор материала для создания первой вепсской азбуки. В экспедицию отправились М. М. Хямяляйнен, Г. Х. Богданов и А. М. Михкиев. Так, по воспоминаниям М. Хямяляйнена, первую вепсскую азбуку написали один финн и два карела. Азбуку издали только в 1932 году. По ней учились взрослые и дети вепсских сел по программе ликвидации безграмотности. С появлением вепсского учебника открылось 48 пунктов по ликвидации безграмотности [Строгальщикова 2014].

Однако, «во второй половине 1930-х годов в стране резко меняется национальная политика. Государство от содействия этническому и культурному развитию нерусских народов страны переходит к формированию более однородного по национальному составу населения. Предпринимается ряд действий, направленных, в первую очередь, на ассимиляцию малочисленных народов и этнических групп, не имевших своих национально-государственных и национально-территориальных образований, или проживающих за ее пределами. Первым шагом стало решение о замене в 1936 году алфавитов с латинской основой языков нерусских народов страны на кириллицу. Выбор латиницы для алфавитов объявляется ошибочным, как ведущий искусственному отрыву коренных народов от русского языка и русской культуры» [Корпус вепсского языка].

Во времена сталинских репрессий, когда были арестованы многие финноугроведы по обвинению в национализме, Д. В. Бубрих был заключен в одиночную, а затем общую камеру Крестов (1938 г.). Все те, кто работал с ним, оказались преследуемыми по «Герценовскому делу», как его тогда называли.

А. М. Михкиев, как многие его товарищи, был уволен с работы. В то время он преподавал в Петрозаводском педтехникуме. Одновременно кто-то из односельчан написал донос на семью Михкиевых, обвиняя их в том, что они слишком богаты для крестьян (скрытие социального происхождения). Якобы в царское время у них был конезавод. На самом деле в их конюшне стояли почтовые лошади – но кого это тогда интересовало?! Семья брата матери из Кавгозера (Бачкоева) была расстреляна по доносу односельчанина – их обвинили в том, что у них, якобы, имелся кожевенный завод, а на самом деле они мяли в бане коровьи шкуры для деревни. В живых остался только шестилетний мальчик, Вася Бачкоев, двоюродный брат Алексея. Он в одной рубашонке ночью, через лес, за несколько километров прибежал к тете Марфе Михкиевой. На следующий день его искали, но мальчика прятали... Вася вырос в доме Михкиевых, учился, тоже был учителем в коткозерской школе.

После доноса Алексей был вынужден скрываться в Вологодской области. Его искали, вызывали на допрос в НКВД жену, которая первое время оставалась в Петрозаводске с двумя детьми. Когда в 1939 году Бубрих был освобожден из Крестов и оправдан, обстановка несколько успокоилась, и семья смогла воссоединиться, но они уже продолжили жить в Вологодской области.

После войны – с 1945 по 1967 г. – А. М. Михкиев работал в школах Олонецкого района, был инспектором РОНО и так называемым «запасным учителем» – учителем, готовым и способным в любое время на любой срок и для любого класса преподавать любой предмет – кроме высшей математики, как он сам вспоминал с улыбкой.

Жили очень трудно – кроме жены, также учительницы, и детей, в 1953 году после смерти Сталина и реабилитации из сибирской ссылки к ним приехали отец жены и ее сестра с сыном, финны-ингерманландцы. Все же в их доме всегда находили кров и душевное тепло друзья и коллеги-учителя, приезжавшие в Олонец.

Алексей Михайлович Михкиев умер в 1973 году в Олонце. Он относился к тому поколению карельской интеллигенции, которое вышло из глубин карельского народа и создало базу для развития образования и науки, в том числе, базу для изучения национальных языков республики и развития на основе письменности их литературной формы.

Литература

- Вепсская письменность // Корпус вепсского языка. vepsian.krc.karelia.ru/about/#script.
Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Ленинград: «Наука», 1975. 103 с.
Строгальщикова З. И. Вепсы. Очерки истории и культуры. СПб, 2014. 263 с.
Ruhanen U. Syytettynä suomalainen. Oulu, 1989. 293 s.

Мария Владимировна Казакова

*Петрозаводский государственный университет,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

А. И. МИШИН – ПЕРЕВОДЧИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ «КАЛЕВАЛЫ»

Армас Иосифович Мишин родился в Ингерманландии в деревне Малая Пустошка в 1935 г. в ингерманландской семье. В Великую Отечественную войну мать с сыном были эвакуированы из родного края в Омск, где мать работала на литейном заводе. Говорить на родном финском языке было не с кем. После войны интернированным финнам не разрешили вернуться на родину. Так «язык отцовский» был забыт на долгие годы.

Они были вынуждены поселиться в небольшом посёлке Шала в Карелии. «Учёба в Пудожском педагогическом училище и Петрозаводском педагогическом институте, работа в качестве учителя русского языка и литературы, казалось, способствовали его полной национальной переориентации, самоидентификации Мишина как русского поэта» [Маркова 2000: 371]. Поэтому понятно, что свой творческий путь Мишин начинает в 1950-е годы именно как русский поэт, певец рабочей темы.

Уже 1960-е годы свет увидели русскоязычные сборники стихов «В дорогу» (1961), «Голубая улица» (1963), «Бессонница» (1966). Он продолжал работать на русском языке и во все последующие годы. Казалось, ничто не предвещало языковой переориентации поэта, и тем более – сочинения стихов на финском языке. Однако в 1976 году увидел свет его первый сборник на финском языке «Ikkinani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир») (1976).

Напомним, что А. И. Мишин почти полностью утратил свой родной язык, который поглотила иноязычная, русская среда. Уже в зрелом возрасте поэт начинает свой путь к восстановлению родного финского языка: первые стихи на финском языке появились в периодической печати в конце 1960-х годов. Войдя в круг писателей Карелии, молодой литератор сблизился с авторитетными карельскими поэтами: Т. Сумманеном, выходцем из семьи красных финнов, и Я. Ругоевым, чьей родиной была калевальская земля. И финн, и карел писали на финском языке. Хотя с 1956 года финский язык перестал функционировать в Карелии как государственный, тем не менее, в литературной среде его статус был достаточно высок. Сам Мишин говорил, что остро осознал необходимость заново выучить финский язык и начать писать на нём после внушения, сделанного известным карельским поэтом, финном по происхождению, Тайсто Сумманеном.

В этот период Мишин начинает также активно переводить на русский язык стихотворения поэтов Карелии.

Изучению финского языка способствовала и учёба Армаса Иосифовича в аспирантуре Карельского филиала АН СССР. Именно в годы учёбы в аспирантуре, работая над плановой темой по творчеству Э. Диктониуса, он познакомился с трудами, посвящёнными исследованию «Калевалы». Этому способствовала полемика вокруг нового перевода избранных рун «Калевалы» в композиции О. В. Куусинена, выполненного группой переводчиков Н. Лайне, М. Тарасовым, А. Титовым, А. Хурмеваара. Опираясь на текст оригинала, каноническое издание «Калевалы» 1849 г., Мишин анализирует удаchi и просчёты этого перевода. Заодно он высказал замечания в адрес ранних переводов (Э. Гранстрема, Л. П. Бельского) в статье «Уроки перевода «Калевалы», опубликованной в 1974 году в журнале «Север», а позже

в сборнике статей «Весомость слов простых» (1982), в которой он делает заключения относительно интонации, лексики, синтаксиса переводов.

А. И. Мишин пишет: «Перевод фольклора представляет большие трудности. Он требует глубокого знакомства с историей и культурой народа – творца этого фольклора. Наиважнейшее значение здесь играет хорошее знание языка оригинала, в частности, его архаики. Только терпеливое изучение подлинника и многократная сверка перевода с ним помогают избежать искажений и ошибок» [Мишин 1982: 36].

В подтверждение этих слов, Мишин продолжает активно изучать историю создания поэмы. Из-под его пера выходит книга «Путешествие в "Калевалу"» (1988), посвященная процессу создания эпоса, её особенностям как художественного произведения, в 2001 году издана монография «Фольклорные истоки "Калевалы"», написанная совместно с Э. С. Киуру и посвящённая фольклорной основе «Калевалы», этапам её создания, авторству и собственному опыту перевода эпоса.

Анализируя этапы создания «Калевалы», Мишин приходит к заключению, что «Калевала» – это авторское произведение, написанное на материале карельских, финских и ингерманландских народных песен. Данная точка зрения Мишина на «Калевалу» как на литературное произведение XIX столетия была подкреплена работами известных советских и зарубежных исследователей, таких как В. Я. Пропп, В. Кауконен.

В своей работе «Фольклор и действительность» (1976) В. Я. Пропп пишет: «Лённрот не следовал народной традиции, а ломал её; он нарушал фольклорные законы и нормы и подчинял народный эпос литературным нормам и требованиям своего времени. Именно этим он создал ей (Калевале) величайшую популярность, угадав вкусы и эстетические потребности образованных читателей своего времени» [Пропп 1976: 304–305]. Работа В. Я. Проппа о «Калевале» не была опубликована, как неправомерная, идущая вразрез с общепринятой концепцией: «Калевалу» считали карело-финским народным эпосом, а Элиаса Лённрота составителем.

В 1979 году учитель А. И. Мишина известный карельский учёный Э. Г. Карху в своей книге «История литературы Финляндии. От истоков до конца 19 века» писал: «В отношении «Калевалы» следует различать, с одной стороны, собственно народную (бесписьменную) рунорную традицию, уходящую своими корнями в очень глубокую и трудно проницаемую древность, а с другой – «Калевалу» как литературный памятник в виде составленной Лённротом книги, обстоятельства возникновения которой достаточно хорошо известны науке. То и другое, разумеется, взаимосвязано, книга составлена на основе подлинных рун, записанных от сказителей. Но поскольку «Калевала» представляет не просто публикацию сказительских рун, а составленную под новым углом зрения единую сюжетную композицию (для чего потребовалась определённая «редакция» сказительских вариантов, определённая система «монтажа» лучших мест, унификация имен, сюжетные связки и т. д.), постольку возникла новая эстетическая целостность с новым содержательным уровнем. И для понимания «Калевалы» как литературного памятника необходимо учитывать специфические установки составителя, его эстетические вкусы, его обусловленные временем представления об эпосе и о тех национально-культурных задачах, решению которых его книга должна была способствовать» [Карху 1979: 153].

А. И. Мишин вступил в полемику с учителем. Он полагает, что, имея под руками огромное число записанных у сказителей рун, Лённрот решил сам выступить в качестве рунорного певца и творчески подошёл к созданию «Калевалы». «Отдельно взятая даже самая хорошая народная песня в том виде, в каком она записана, как правило, не годилась для поэмы. Не годилась она и в случае её переработки, «подгонки» к общему тексту. Гораздо большую свободу Лённроту давали отрывки из песен, группы строк или даже отдельные строки. Их он соединял в нужной для поэмы последовательности, так что получались целые эпизоды, которым нет никакого соответствия в народной поэзии, а между тем почти каждая строка эпизода народная» [Мишин 1988: 60–61].

Взгляд Мишина на «Калевалу» как на поэму Лённрота, приводит его к мысли о необходимости иного перевода эпоса, и это стало одной из причин приступить к новому

переводу «Калевалы». Таким образом, необходимо отметить, что Мишина в отношении «Калевалы» интересовала два аспекта: авторство и перевод.

Глубокие знания истории создания «Калевалы», её структуры и специфики поэтического языка привели Мишина к идее собственного перевода эпоса «Калевалы» на русский язык. По его словам, он никогда бы не взялся за этот труд, не имея такой надёжной опоры, которой стал для него известнейший карельский фольклорист Э. С. Киуру [Интервью].

Опираясь на многочисленные исследования о «Калевале», словарь А. Турунена «Kalevalan sanat ja niiden taustat», а также толкования отдельных, трудных для восприятия эпизодов, сделанных самим Лённротом, Мишин и Киуру приступили к работе по переводу эпоса «Калевалы». Перевод был опубликован в 1998 году.

«Мы переводили «Калевалу» по Лённроту», – не раз говорил Мишин, считая главной особенностью и достоинством нового перевода «Калевалы» именно «буквальность» и сохранение лённротовского звучания. «Общая тональность нашего перевода, однако, отличается от перевода Бельского, который намеренно героизировал лённротовский эпос, усиливал его героическое начало. Мы исходили из того, что в «Калевале» отразилось в основном крестьянское мирозерцание. Герои чаще воздействовали на противоположную сторону не мечом, а магическим словом» [Мишин 1998: 14].

Lauloi vanha Väinämöinen:
Järvet läikkyi, maa järisi,
Vuoret vaskiset vapisi,
Paaet vahvat paukahteli,
Kalliot kaheksi lenti,
Kivet rannoilla rakoili.

Пел заклатья Вяйнямёйнен:
колыхались воды, земли,
горы медные дрожали,
лопались от пенья скалы,
надвое рвались утёсы,
камни трещины давали.

[Лённрот 1999]

Безусловно, насыщенный аллитерацией финноязычный оригинал, создаёт звуковое нарастание, но это ощущение не исчезает и в переводе Мишина и Киуру. Учитывая особенность русской звукозаписи, которой в гораздо меньшей степени свойственна аллитерация, авторы перевода усиливают звучность (звучание), включая в текст перевода слова с характерными согласным звуком [p]. Не забывают они и об аллитерации, хотя используют её скупно.

Для сравнения приведём пример перевода тех же строк в «Калевале», выполненный Л. П. Бельским.

Смело начал Вейнемейнен.
Всколыхались озёра,
Горы медные дрожали,
Камни твёрдые трещали,
Со скалы скала валилась,
Раздроблялись утёсы.

[Калевала 1989]

С одной стороны, Бельскому, на наш взгляд, удалось сохранить тональность данного отрывка, передать нарастающее звучание, но, с другой, он оставил без внимания финский глагол *laulaa*, который, помимо основного значения «петь», имеет и другое значение ‘*заклинать, петь заклинания*’. В словаре «Kalevalan sanat ja niiden taustat» Аймо Турунена читаем о значении глагола *laulaa* в руне, посвящённой состязанию Вяйнямёйнена и Йоукахайнена: «Таким образом, Вяйнямёйнен предстаёт певцом в магическом смысле, что также подтверждается рунопевцами, использовавшими в своих песнях слова *колдовать, заклинать, проклинать*» [Turunen 1979: 168].

Отсутствие в переводе данного отрывка глаголов с магическим значением, несколько упрощает действие. В переводе же Мишина и Киуру данные оттенки на своих местах, что придаёт описанному событию лённротовскую трактовку.

Что касается, параллелизмов, то, на наш взгляд, они удачны в обоих переводах, за исключением строки Бельского «Со скалы скала валилась». Именно эта строка выбивается из концепции параллелизмов Бельского, где нарастает звучание к каждой последующей строке, да и в самом переводе допущены неточности. Эта строка звучит дословно как: «Скалы надвое разлетались». Как мы видим, у Мишина и Киуру перевод здесь близок к оригиналу, но интонация текста отстаёт от финноязычного отрывка.

В данной статье у нас нет возможности углубляться в тонкости переводов, но, как подчёркивали многие исследователи «Калевалы», в том числе и сам Мишин, «Калевала» по духу – это крестьянский эпос, что и отражено в переводе Мишина и Киуру. Мишин приступил к работе как литературовед, поэт, пишущий на русском и финском языках и переводчик, а Киуру – как фольклорист и автор ряда переводов ингерманландской народной поэзии. Это союз и привел к успеху нового перевода «Калевалы». Об этом свидетельствует трижды переизданный новый перевод «Калевалы», который сейчас не найти на полках книжных магазинов. Авторам переводов удалось главное, а именно, донести до читателя величественный дух «Калевалы», её эпичность и лиричность. Помимо канонического текста «Калевалы», ими были сделаны переводы всех версий поэмы.

А. И. Мишин не раз обращался к изучению наследия «Калевалы». Об этом свидетельствуют многочисленные публикации о «Калевале» на страницах периодических изданий, выступления в школах, литературных вечерах на радио и телевидении. Финский драматический театр в 1986 году ввёл в свой репертуар спектакль по пьесе Мишина «Стрела Похъетар», которая была написана по мотивам «Калевалы».

Его литературная, научная и просветительская деятельность была замечена. В 1986 году А. И. Мишин стал лауреатом Государственной премии Карелии имени Архипа Перттунена, а в 1999 году А. И. Мишин и Э. С. Киуру за новый перевод «Калевалы» были удостоены премии «Сампо» Республики Карелия.

Литература

- Интервью – Интервью с А. И. Мишиным от 02.08.2016 года. Личный архив Казаковой М. В.
- Калевала: карело-финский народный эпос / собрал и обработал Элиас Лённрот; пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск: Карелия, 1989. 495 с.
- Карху Э. Г. История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1979. 509 с.
- Лённрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Изд. второе. Перевод с финского Э. С. Киуру, А. И. Мишина. Петрозаводск, 1999.
- Маркова Е. И. Олег Мишин (Армас Хийри) // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 371–376.
- Мишин А. И. Весомость слов простых: сборник статей. Петрозаводск: Карелия, 1982.
- Мишин А. И. Путешествие в «Калевалу» [для старшего школьного возраста] Петрозаводск: Карелия, 1988. 168 с.
- Мишин А. И. «Калевала – поэма Лённрота» // Лённрот Э. Калевала: эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Петрозаводск, 1998. С. 5–15.
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. Москва: Наука, 1976. 324 с.
- Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta, 1979. 416 s.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Нина Григорьевна Зайцева

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРЕЛИИ*

Языкознание обладает многими методами исследования, которые применялись и применяются и в карельской лингвистической школе: дескриптивный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный и т. д. К этим методам с течением времени прибавляются новые, такие как этнолингвистика, лингвофольклористика, корпусная лингвистика, которые все активнее привлекаются и учеными Карелии, позволяя раскрывать иные стороны языка, иные возможности отражения языковой картины мира глазами и языковыми средствами карелов, вепсов, финнов. В группу довольно популярных методов исследования языковых фактов активно вошел и метод лингвистической географии или лингвогеографический метод с характерной для него спецификой: значительными массивами диалектного материала, лингвистическими картами, часто объединяемыми в лингвистические или диалектологические атласы, этимологическими, сравнительно-сопоставительными изысканиями, выводами и умозаключениями, которые в отдельных случаях обладают серьезными выходами в характеристику особенностей языков, их фонетических и грамматических систем. Утверждать, что этот метод исследования нов, нельзя. Напротив, он известен достаточно давно, но уступал в Карелии по популярности использования другим исследовательским возможностям.

Составление лингвистических карт, как и карт любого атласа вообще, требует серьезной подготовительной работы. Атласы иногда считают венцом лингвистической науки, поскольку уже при отборе материала для атласа следует принимать во внимание все стороны функционирования языка. Самим авторам идеи создания того или иного атласа должны быть известны многие теоретические и практические проблемы, которые призваны в нем решаться. От этого зависит подбор материала для составления вопросника, по которому будет собираться языковой материал.

Прибалтийско-финские языки находятся в поле зрения исследователей более трех столетий. Уже в XVII веке стали писать о родстве финского, эстонского и ливского языков, и с этого времени начался первый период изучения родства языков, который исключительно важен и при работе над атласами. В то время составляли не атласы, так как этот метод исследования и не мог тогда применяться: знаний по языкам и картографии было недостаточно, а готовились многоязычные словари, которые были своеобразными прообразами атласов. Одним из ярких образцов такого типа работ являлся и по сей день является сравнительный словарь П. С. Палласа. Представителем подобного типа словаря в современной прибалтийско-финской науке можно назвать «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков», создание которого было осуществлено в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН в преддверии появления идеи о прибалтийско-финском лингвистическом атласе. В названном словаре, посвященном северной группе прибалтийско-финских языков, языковедами Карелии, владеющими теми языками, в области которых ими собирался материал, и поэтому особенно достоверно представленными, приоткрыта уникальная языковая картина в ее говорах и диалектах, существовавшая на конец 1970-годов (1979–1981 гг.). Весь материал был собран в полевых условиях в 35 пунктах (24 карельских, 6 вепсских и 5 саамских), что позволяет выявить в общих чертах единый словарный фонд, элементы схождения и расхождения обследуемых языков

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

и диалектов, уточнить распределение разного типа заимствований по диалектам карельского, вепсского и саамского языков [СОСД: 3].

Диалектологические и лингвогеографические исследования в настоящее время исключительно популярны как прибалтийско-финском языкознании, так и в финноугроведении в целом. В качестве образца современного подхода к подобного типа работе можно назвать «Диалектологический атлас удмуртского языка», составляемый коллективом авторов, пять выпусков которого уже успешно увидели свет [Насибуллин].

Однако одним из первых исследователей, инициировавших и прививших интерес к лингвогеографическому методу в финно-угорском мире, был профессор, член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих, которого по праву можно считать основоположником становления собственной полноценной лингвистической школы Карелии. Любопытно, что интерес к диалектам финно-угорских языков и составлению атласов у Д. В. Бубриха появился еще в конце 1920-х годов, когда в финно-угорской науке в России не было опубликовано ни одного атласа, а диалектного материала в распоряжении лингвистов было незначительное количество.

Мордовский язык был первым, для которого под руководством именно Д. В. Бубриха была подготовлена программа по сбору диалектного материала (см. [Бубрих, Беляков, Пунжина 1997: 1]). Правда, он не стал первым финно-угорским языком, на материалах которого составлен диалектологический атлас. Обсуждение проблем составления атласа, например, для эрзянского языка ведется до сих, хотя и созданы компьютерные варианты 45 карт [Агафонова, Рябов 2013: 53]. В целом это понятно, поскольку территория распространения мордовских мокшанского и эрзянского языков немала, и количество ареалов и пунктов сбора материала в нем велико.

Отметим, что, очевидно, в то время, когда появился интерес к атласам у Д. В. Бубриха, вирус лингвогеографии витал в воздухе, поскольку почти одновременно велась работа по составлению «Диалектологического атласа финского языка» Л. Кеттунена (опубликован в трех томах [Kettunen I–III]) и «Диалектологического атласа эстонского языка» А. Саарестэ [Saareste I–II]. Однако одновременность работы в то время не способствовала распространению знакомства с деятельностью одного профиля, поскольку государственные границы не позволяли ученым тесно общаться. Эти первые атласы высоко ценятся прибалтийско-финской наукой, активно используются в различного рода исследованиях, в том числе и в «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» (Atlas Linguarum Fennicarum), три тома которого были подготовлены международным коллективом авторов и вышли в свет в 2000-е годы [ALFE 2004, 2007, 2010].

Атлас, работу над которым возглавил Д. В. Бубрих, а позднее присоединились А. А. Беляков и А. В. Пунжина, был задуман в самом начале возникновения активного финно-угроведения в России. В мае 1928 г. Д. В. Бубрих впервые приехал в Карелию, и в этом же году выходит в свет «Инструкция по собиранию материала по финско-карельским говорам», а позднее первая и вторая редакции «Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» [Программа 1937; Программа 1946]. Д. В. Бубрих обладал исключительной прозорливостью и начитанностью в области финно-угроведения в те времена, когда труды зарубежных, прежде всего, финляндских, лингвистов не были в достаточной мере доступны. Остается удивляться, каким образом на заре финно-угорской науки в России Д. В. Бубрих уже достаточно точно определил место карельского языка в системе прибалтийско-финских, наметил его взаимоотношения с языком вепсов, что позволило ему реализовать в конкретных вопросах свои взгляды в программе сбора диалектного материала по карельскому языку. Атлас не успел выйти при жизни Д. В. Бубриха, и потом по разным причинам его выход задерживался, и он увидел свет лишь в 1997 г. при поддержке Финляндии. Он обладает 186 пунктами охвата сбора материала, содержит 209 карт, из которых по фонетике – 106, по грамматике – 66, по лексике – 23 карты. Основное место занимает фонетика, и именно она исключительно информативна в этом случае, поскольку отразилась на всех сторонах языка, дав возможность сформироваться как фонетическим явлениям, так и грамматическим показателям, участвуя в оформлении всего облика слова и словоформы. С

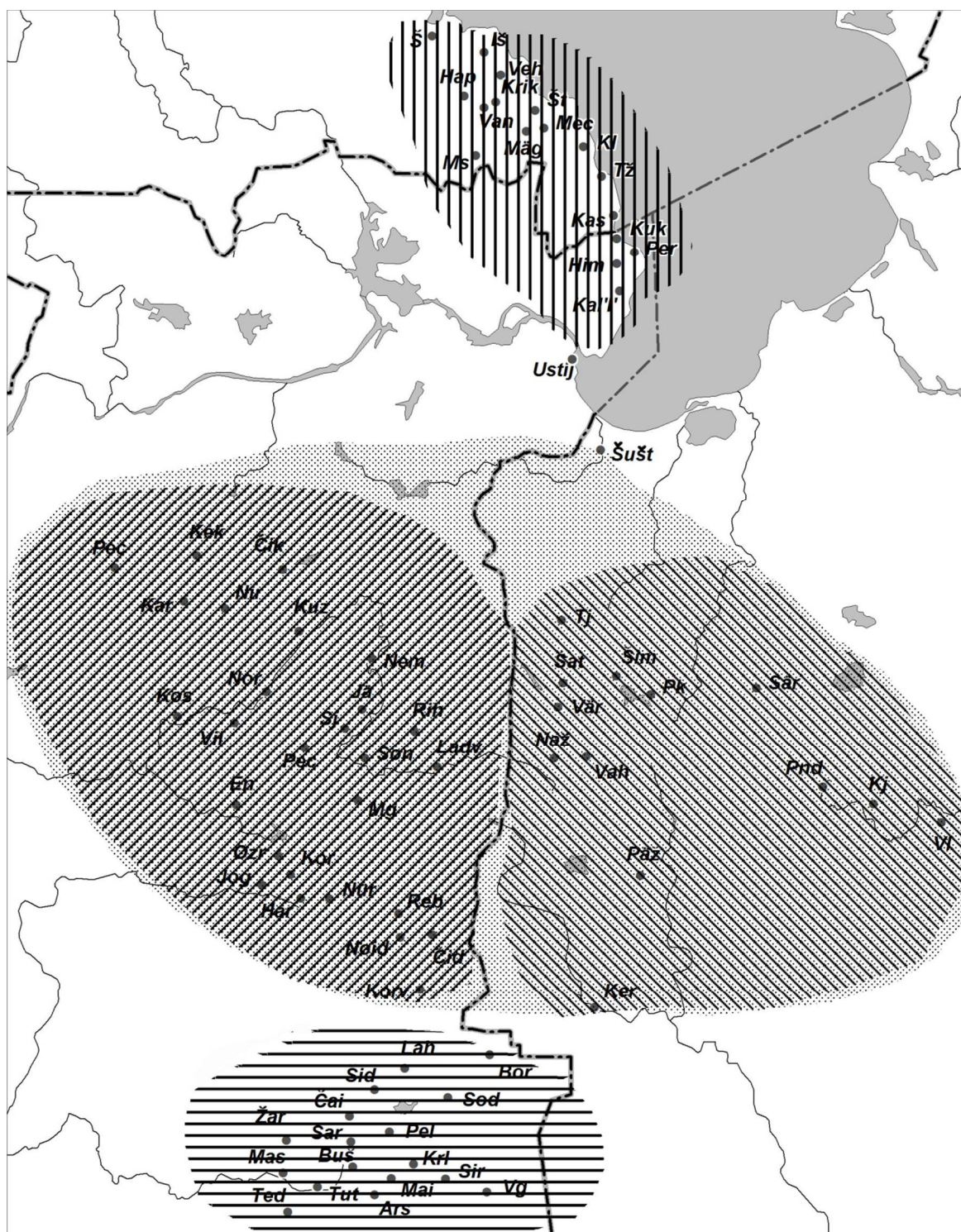
сожалением приходится констатировать, что атлас довольно слабо востребован кареловедами, практически не имеется ни одной статьи, где бы его материал был оценен и соотнесен с проблемами происхождения наречий и диалектов карельского языка. Отметим, что атлас был составлен таким образом, что содержит только сам диалектный материал, отраженный на картах разного типа символами, но в нем отсутствуют научные комментарии, которые объясняли бы происхождение той или формы, ее семантику и функционирование. Это должно стать делом последующих поколений ученых. Главное – собран и представлен уникальный по ценности материал, который в настоящее время не собрать во многих пунктах, так как они уже отсутствуют на карте. Надеемся, что материалы диалектологического атласа карельского языка, работа по составлению которого была возглавлена Д. В. Бубрихом, найдут достойную оценку, что послужит объяснению и трактовке проблем возникновения диалектных ареалов карельского языка, его наречий и его многочисленных говоров.

В свое время работа Бубриха Д. В. не прошла и мимо вепсологии, поскольку Н. И. Богданов и М. М. Хямляйнен трудились рядом с Д. В. Бубрихом и выступили в качестве редакторов программы по сбору материала по карельскому языку [Зайцева 2016: 45–46]. Пробный вариант вопросника по сбору диалектного материала вепского языка был составлен Н. И. Богдановым и М. М. Хямляйненом в 1958 г. Ученые даже начали процесс сбора материала, однако он не был осуществлен в виду отсутствия кадров для выполнения темы.

Работа по подготовке и составлению «Лингвистического атласа вепского языка» была вновь начата лишь в 2012 г. при поддержке РГНФ¹. Прежде всего, был подробно изучен вопросник Богданова-Хямляйнена, который включал в себя инструкцию по сбору материала, некоторые рекомендации по записи вепской диалектной речи, а также разработанный корпус вопросника. Он содержал вопросы по фонетике, грамматике, лексике вепского языка. Вопросник опирался на те сведения по вепскому языку, которые были известны науке на конец 1950-х годов. В вопроснике в целом имелось 332 вопроса, в которых вся лексическая часть сосредоточена была под одним номером и включала 78 поисковых понятий. Вопросник был ориентирован больше на сбор материала по фонетике вепского языка, как и в свое время атлас Д. В. Бубриха. Фонетическая часть вопросника состояла из 210 вопросов и опиралась, прежде всего, на исследования по исторической фонетике вепского языка Л. Кеттунена [Kettunen 1922] и Э. А. Тункело [Tunkelo 1946]. Многие вопросы фонетического характера, особенно связанные с проблемами палатализации, утратили в настоящее время свою значимость, поскольку мягкость в диалектах выровнялась и не несет в себе, за редкими исключениями, особой диалектной маркированности.

Достаточно подробно в вопроснике Богданова-Хямляйнена была представлена морфология вепского языка. Вопросы по морфологии больше напоминают вопросник по сбору материала для написания грамматики вепского языка, а не для выяснения проблем диалектной маркированности вепской речи. К примеру, там была поставлена задача по выявлению всех падежных форм, всех форм глагола и т.д. В принципе, этот настрой авторов вопросника

¹ Проекты РГНФ: №12-04-00081 (2012-2014 гг.) и №15-04-00063 (2015-2017 гг.). Руководитель проектов Зайцева Н. Г.

Карта диалектов вепского языка с пунктами обследования
для «Лингвистического атласа вепского языка»

был понятен, поскольку в России на то время было мало материалов по языку вепсов и было невозможно определиться с вопросами, которые помогли бы выявить морфологическое разнообразие и диалектные особенности в области грамматики вепского языка. Сбор сведений для атласа мог помочь ликвидировать данный пробел. К сожалению, в то время, когда владение родным языком в поселениях было в полном объеме, не оказалось достаточно кадров,

которые смогли бы собрать этот материал. В основу нового вопросника¹, по которому был совершен в 2012–2013 гг. сбор диалектного материала, были положены некоторые идеи вопросника Н. И. Богданова и М. М. Хямяляйнена. Большая часть вопросов нового вопросника (266 вопроса из 395) уже посвящена лексике. Ясно, что вопросов по грамматике не может быть настолько много; грамматика более однородна и узнаваема, а изменения в ее области требуют более значительного времени, нежели заимствование одной лексемы или образование подобной по уже существующим в языке моделям. Тем не менее, в поле зрения исследователей находятся и наиболее характерно маркирующие вепскую диалектную речь фонетические и грамматические явления.

Конечно, лексические карты атласа более иллюстративны и наглядны, но в различиях грамматического характера можно усмотреть и выявить некие глубинные расхождения, которые могут пролить свет на формирование диалектных ареалов. Любое грамматическое явление охватывает большие разряды слов, которые подчиняются определенным правилам словоизменения и словообразования. Если лексема может наличествовать или отсутствовать в диалекте, замещаясь другой, то структура грамматики пронизывает все говоры, она достаточно однородна и едина, и ей подчиняются все слова, независимо от их происхождения. И поэтому, если появляются изменения в грамматической структуре, то подобный факт эксклюзивен.

Коллективом авторов «Лингвистического атласа вепского языка» было решено обследовать в полевых условиях 30 населенных пунктов, где вепская речь хорошо сохранилась и могли быть найдены информанты. Эта работа была проведена Зайцевой Н. Г., Муллонен И. И., Мызниковым С. А. и Жуковой О. Ю. во время экспедиционных выездов в 2012–2013 гг.

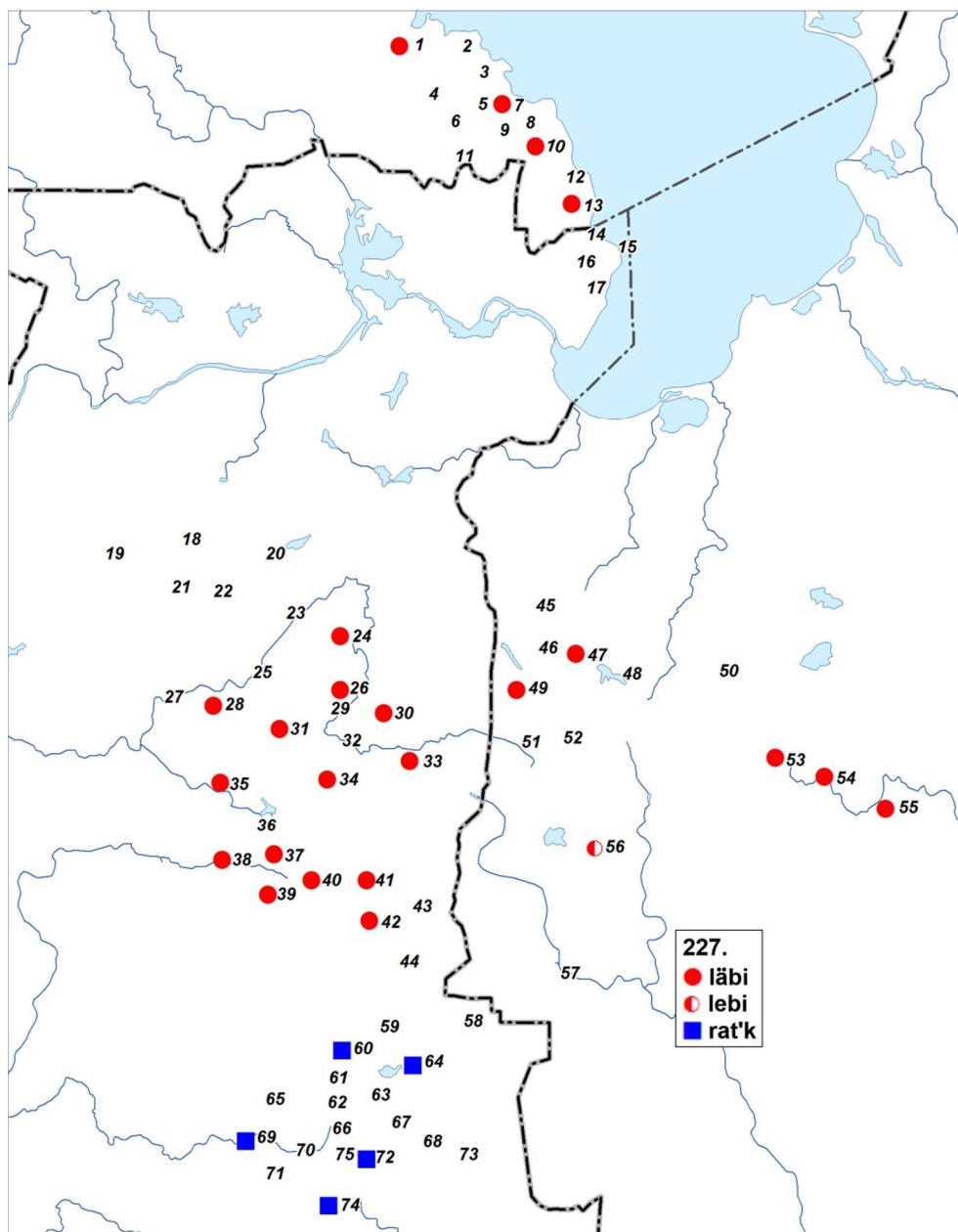
Кроме того, был определен и тот круг источников, о которых речь шла выше, где можно было найти ответы на поставленные вопросы. Таким образом, был сформирован список населенных пунктов по всем диалектам, включающий в себя 75 пунктов, которые охватывали все диалектные регионы вепского языка, составлению атласа вепского языка, подаче в нем материала, его комментированию и объяснению.

В данной статье представлены несколько лингвистических карт лексического характера, чтобы проиллюстрировать, каким образом идет работа по подготовке карт лингвистического атласа вепского языка. В нем, например, не так много вопросов, которые позволяют выявить предлоги, послелогои или наречия, хотя они могут представить также серьезные характеристики диалектной речи. Так, понятие ‘сквозь’ (‘сквозь стену’, карта 227) выражается в вепском языке всего двумя лексемами: *läbi i rat’k*. Обе они употребляются в речи чаще всего как предлоги, хотя возможно их как наречное, так и послеложное употребление. В вепском языке наиболее распространена лексема *läbi*. Этот предлог в современном языке употребителен с формой инессива: *läbi siinas* ‘сквозь стену’, *läbi mecas* ‘сквозь лес’ [СВЯ: 306]. Лексема *rat’k* также выступает как предлог, требуя после себя формы инессива: *rat’k korviis* ‘в уши (букв. ‘сквозь уши’)’ [СВЯ: 464].

Лексема *läbi* является в вепском языке прибалтийско-финским наследием, объединяя северновепский и средневепский диалекты. Лексема *rat’k*, за исключением пункта Корбиничи, в котором была зарегистрирована Л. Кеттуненом и входит в электронный ресурс его материалов [VVS], свойственна лишь южновепскому диалекту, где является единственным носителем картографируемой семантики. Этимологический словарь финского языка, охарактеризовав ее как лативное наречие, поместил в этимологическое гнездо *ratki*, которое связано этимологически и семантически с глаголом *ratketa* ‘распороться, лопнуть, порваться’ и в семантике которого вепское значение предлога/послелога *rat’k* проявляется наглядно [SSA 2000: 54]. Любопытно отметить, что этот предлог/послелог, как свидетельствует, например, SSA [SSA 2000: 54], слабо представлен в прибалтийско-финских языках. Из KKS следует, что он свойствен лишь части севернокарельских говоров и отчасти тверским в значении, несколько удаленном от вепской семантики *ratki*: ‘очень, сильно, весьма’ [KKS 1997: 36],

¹ Над разработкой нового вопросника участвовали петрозаводские и санкт-петербургские ученые Зайцева Н. Г., Муллонен И. И., Мызников С. А., Бродский И. В.

а также отчасти имеется в наличии в людиковских говорах в этом же значении [LMS: 352], отсутствуя полностью в ливвиковском наречии карельского языка. По мнению К. Хяккинен,

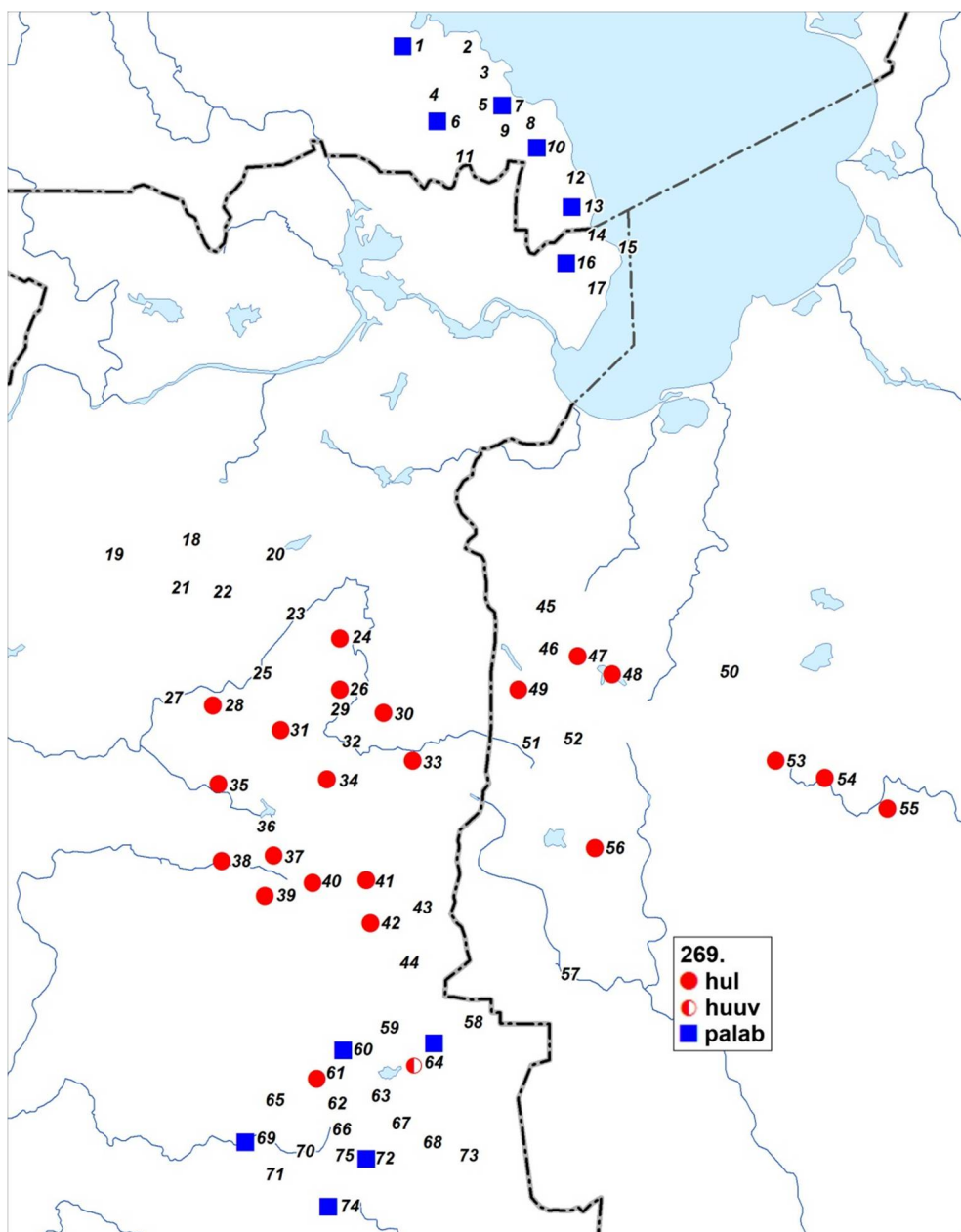

глагол *ratketa*, обладающий той же этимологической основой, что и предлог/послелог/наречие *ratki*, является не чем иным, как дескриптивным вариантом глагола *katketa* ‘сломаться, переломиться’ [Häkkinen 2007: 1030], представляющим звуковой облик производимого действия. Любопытным образом южновепский послелог/предлог *rat'k* объединился с собственно карельскими и людиковскими говорами, демонстрируя в этом случае некое общее древнее наследие. Таким образом, обе лексемы являются прибалтийско-финскими с причудливым распространением в диалектах.

Понятие ‘горячий’, т. е. ‘имеющий высокую температуру’ в языке вепсов обозначается также двумя лексемами: *hul* и *palab*. Прилагательное *palab* является адъективизированным причастием настоящего времени. Подобная модель образования причастий презенса в вепском языке в настоящее время отсутствует. Можно назвать, очевидно, еще несколько причастий, также ставших прилагательными: *eläb* ‘живой’, *tutab* ‘знакомый’, *tetab* ‘известный’. На место бывших подобных причастий в вепском языке пришли причастия агента с суффиксом *-(i)i*: *eläi* ‘живущий’, *palai* ‘горячий’, *tegii* ‘делающий’ и т.д. Таким образом, лексема *palab* и другие подобные лексемы перешли в разряд прилагательных. Лексема *palab* пред-

ставлена в речи северных и южных вепсов. Это тот редкий случай, когда практически две полярные по разным признакам группы вепсов объединяются в употреблении одной и той же лексемы.

В плане происхождения очевидно, что данная лексема образована от глагола, который на почве вепского языка сейчас звучит как *palada* ‘гореть’ и который возводится этимологами Прилагательное *hul* – это средневепсская лексема, которая в данном случае объединяет и восточные, и западные группы говоров. В южновепских говорах она отмечена лишь в письменных источниках в двух пунктах: Чайгино (Їai) и Сидорово (Sod). Предположительно она может быть связана по происхождению с глаголом, который в вепском языке имеет вид *huududa* (<**hulduda* ‘нагреваться, накаляться’; *huudutada* ‘накалять, нагревать’ [СВЯ: 136]). В южновепском диалекте зафиксирована со значением ‘горячий’ форма подобного прилагательного в несколько иной, чем *hul*, фонетической огласовке – *huuv*. Наличие

долгого гласного в слове свидетельствует о том, что ранее и здесь первый слог мог оканчиваться на *-l*, который вокализировался¹, и вошел в состав долгого монофтонга.

¹Таких случаев в южновепском диалекте на самом деле немало, например: *netii peedoo* AdesSing – ср. северновепское: *nečil pöudol* ‘на этом поле’; *haag*NomSing ‘дрова; полено’; – ср. средневепское *haug*; финское *hallo* и т. д.

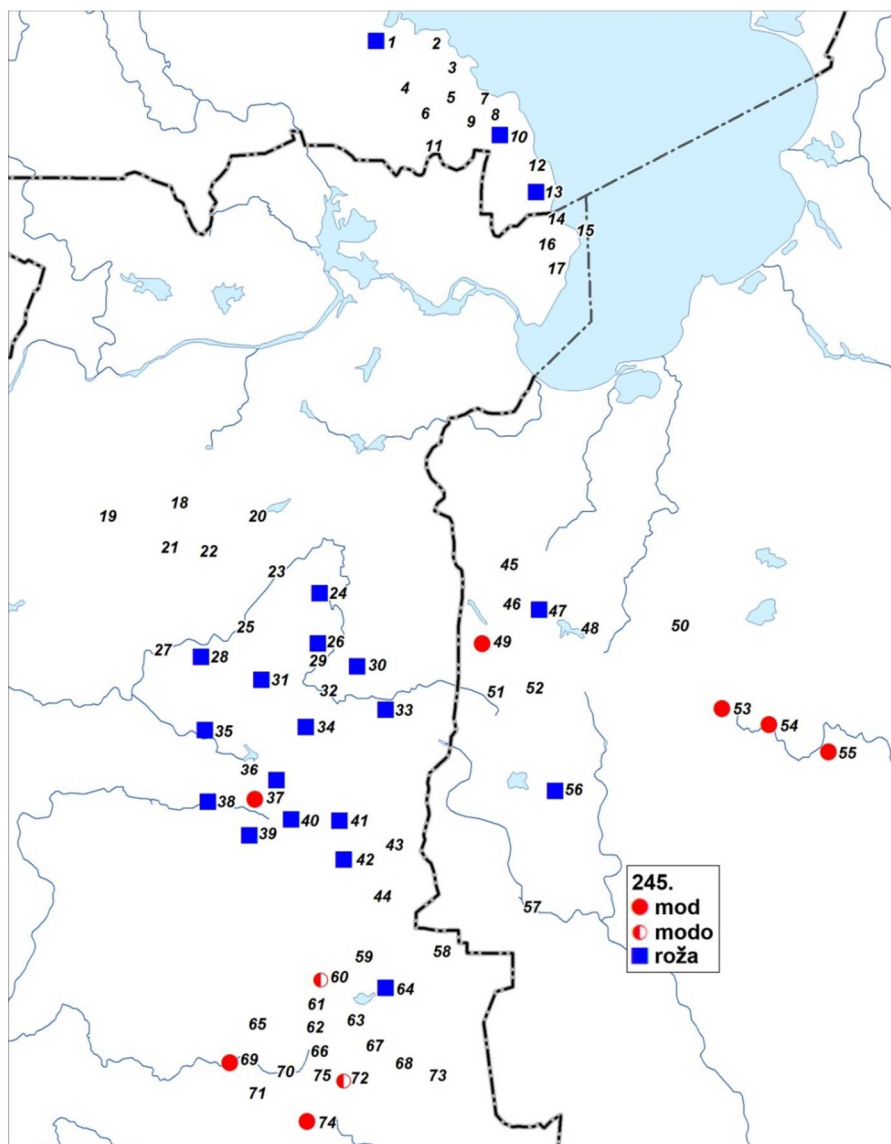
Авторы SKES под знаком вопроса связывали прилагательные *hul/huuv* с лексическим гнездом *hullata* ‘испортить; повредить (сухой погодой, сильным ветром) урожай, когда зерно в полной мере не появится; высохнуть раньше времени и т. д.’ [SKES 1955: 85]. Новый этимологический словарь подобную этимологию считает маловероятной [SSA 2001: 182].

Можно полагать, что прилагательное *hul*, принимая во внимание южновепскую форму *huuv*, является также бывшей формой причастия, как и прилагательное *palab*: *huuv* < **hulv* < **hulva* < **huleva* < **huleβa* ‘накаляющийся’.

Можно полагать с полным основанием, что современное прилагательное *hul* является вепской инновацией, возникшей в центре вепского региона и унаследованной всеми средневепскими говорами с редкими вкраплениями южновепских говоров, но отсутствующей в родственных языках.

Для обозначения понятия ‘лицо’ в языке вепсов употребляются две лексемы: прибалтийско-финская *mod* и заимствованная из русского языка лексема *roža*. Этимологические словари обнаруживают в слове *mod* прагерманские корни (<**mooto* ‘изображение; внешний облик’ [SSA 1995: 179; Häkkinen 2007: 738]). Данная лексема употребительна как в финском языке (*muoto* ‘форма, вид’), так и в севернокарельских диалектах в значении ‘лицо, щека; способ поведения, обычай’ [KKS 1983: 370], а также и в иных прибалтийско-финских языках.

В вепском языке лексема зафиксирована в вариантах *mod* и *modo*. С исторической точки зрения лексема должна бы была иметь вид *mod*. В вепском языке действовала закономерность отпадения в форме номинатива конечных гласных двухсложных слов (а также

и многосложных), у которых первый слог был долгим, закрытым или обладал дифтонгом

[Tunkelo 1946: 755–757]: *maid* ‘молоко’ (ср. финск. *maito*), *korv* ‘ухо’ (ср. финск. *korva*), *hab* ‘осина’ (ср. финск. *haapa*). В соответствии с этим, конечный гласный в лексеме должен был отпасть в форме номинатива, как это случилось в восточновепских говорах. Однако в двух южновепских говорах употребляется форма *modo*. Поскольку это не закономерное явление, оно представлено на карте отдельным вариантом одной и той же лексемы. Отметим, что в говорах вепского языка имеются случаи восстановления конечных гласных, например, *kello* ‘колокол, колокольчик’, *halla/hala* ‘изморозь, иней’. Возможно, причиной могло послужить и русское слово *мода*, которое употребительно в современном вепском языке в форме *moda*, и таким образом, произошло разграничение лексем по внешнему виду.

Любопытно, что здесь вновь обнаруживается факт, который объединяет крайние восточновепские говоры с южновепским диалектом, где используется именно прибалтийско-финское именование *mod/modo*.

В других вепских говорах более распространена лексема *roža*. Это довольно древнее русское заимствование, поскольку оно активно употребляется и почти во всех наречиях карельского языка (см. *roša/roža* ‘щека; лицо’ [KKS 1997: 156]). В диалектах русского языка данная лексема практически не сохранила положительной семантики. Например, в словаре В. И. Даля указано: *рожа* ‘лицо, бран. харя’ [Даль 1882: 101]; в СРНГ содержится также в большинстве своем пейоративная семантика слова: ‘свиная рожа’; ‘маска, личина’; ‘щека’ (без иллюстраций); ‘красота, красивость’ (без иллюстрации с фиксацией значения в 1858 г.) [СРНГ 2001: 146–147]. Кроме того, имеется еще ряд лексем в форме прилагательных: *рожонный* ‘родной, милый’ [СРНГ 2001: 157], *рожалный* ‘сильный, могучий, красивый’ [СРНГК 2002: 549] и т.д., которые обладают положительной семантикой, но являются уже отглагольными прилагательными. В древнерусском языке названная лексема употреблялась в виде **рожаи* ‘вид, лицо’, **рожаист* ‘красивый, видный’ с исключительно положительным значением [Фасмер 1987: 492], и, очевидно, именно тогда и была заимствована в карельские и вепские говоры в качестве номинации, вытеснив свое исконное именование понятия. Любопытно, что при общей довольно хорошей сохранности исконных именовании частей тела в вепском и карельском языках, лексемы с понятием ‘лицо’ были вытеснены и замещены древнерусской лексемой. Данный факт говорит об исключительно тесных связях и вепсов, и карелов с русскими, позволяя во многих случаях обнаружить возможность дальнейшей жизни заимствованных лексем с первоначальной семантикой в заимствующем языке, о чем свидетельствует и данное существительное *рожа*, и, например, вепский глагол *navet't'a/navedida* ‘любить’, который продолжает свою активную жизнь в языке вепсов, употребляясь в значении ‘любить’ и т.д. А некоторые русские диалектные лексемы даже повышают свой статус в вепском языке, войдя в его письменную форму и став единственными именованьями целых классов понятий, например, *gavedь* [СРНГ 1970: 84], ср. вепск. лит. *gaved'* ‘насекомые’ [Зайцева 2010: 76]

Таким образом, большинство говоров вепского языка относительно именованья понятия ‘лицо’ демонстрируют русское влияние, и лишь окраинные говоры сохранили прибалтийско-финскую лексему *mod/modo*, демонстрируя в этом случае противодействие иноязычному влиянию.

В качестве заключения отметим, что особенности, названные выше в качестве примера, и составляют общую картину разнообразия диалектных ареалов вепского языка. Привлеченный для исследования материал позволяет констатировать, что вепский язык является типичным прибалтийско-финским языком, в котором в разных областях достаточно полно проявляется общее родственное наследие. И в целом во всех сферах языка можно обнаружить результаты взаимодействия трех факторов: 1) наследия прибалтийско-финского языка-основы; 2) результата самостоятельного развития вепского языка; 3) следствия контактов с соседними народами и языками, а также с соседними говорами в самом языке. Каждый из названных факторов не всегда одинаково представлен в диалектах, и это составляет характеристику того или иного диалекта или говора, что можно было наблюдать и на примере тех лингвистических карт, которые были выбраны в статье в качестве иллюстративного ма-

териала. В нашем конкретном случае именованя понятия ‘сквозь’ (карта атласа 227) продемонстрировали наиболее полно прибалтийско-финское наследие, связанное с предлогом/послелогом *läbi*, охватывающим практически всю вепскую территорию. Однако послелог/предлог *rat’k* внес свои коррективы, объединив необычным образом язык южных вепсов, собственно карелов (северных и отчасти тверских) и людиков, где хоть и не очень активно, следы его употребления наблюдаются. Это потребует дополнительных раздумий по поводу подобного диалектного и языкового взаимодействия.

В свою очередь, понятие ‘горячий’ показывает появление на лингвистической карте вепского языка собственной инновации *hul*, этимология которой несколько затемнена, но в свете собранного материала возможно предположение о ее аналогичном происхождении с причастием *palab*, которое также вносит любопытные нюансы, объединив язык полярных групп северных и южных вепсов, что бывает, по нашим наблюдениям, исключительно редко. Инновация *hul* возникла в этом случае в центре вепского ареала, отчасти проникла в южно-вепские говоры, однако, в дальнейшем ее шествие было завершено, очевидно, из-за возникших препятствий, связанных, скорее всего, с начавшейся разобщенностью вепских диалектных регионов. Именованя же понятия ‘лицо’ свидетельствуют о тесной связи языка вепсов с древнерусскими говорами, в результате чего в вепский, а также, возможно, через вепский, в карельские наречия проникло существительное *рожса*, которое в современных русских говорах употребляется, по свидетельствам словарей, с исключительно пейоративной окраской. С другой стороны, варианты именованя этого же понятия ‘лицо’ дают возможность отметить стремление некоторых окраинных говоров сохранить свою языковую идентичность и специфику речи. В этом случае можно пронаблюдать также взаимодействие крайних восточновепских говоров с языком южных вепсов, что свидетельствует об их интенсивных исторических связях (см. также [Зайцева 2016: 309–310]). Эти лексические параллели восточновепских и южновепских говоров оказались особенно заметными, когда во внимание был принят большой материал в количестве 50 лингвистических карт [Зайцева 2016]. Моменты общности развития восточновепских и южновепских говоров подтверждаются исследованиями и в области ономастики. И. И. Муллонен на основе топонимических данных предполагает, что «территория верхней Суды явно тяготела к южновепским поселениям верхней реки Лиди, протекающей на востоке Ленинградской области», и далее: «...в то время как западный край этой ... цепи поселений был связан с южными вепсами – жителями современного Бокситогорского района Ленинградской области..., то ее северо-восточный конец напрямую контактировал с пягозерскими вепсами» [Муллонен 2006: 69–70], представителями восточновепских говоров. Таким образом, лексический материал в купе с топонимическим позволяет делать некие умозаключения о взаимных исторических контактах групп вепского населения, их отношений с соседними народами.

Литература

Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Диалектологический атлас как результат исследований эрзянских диалектов методами лингвистической географии // Финно-угорский мир. Саранск, 2013. № 2.

Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск, 2016.

Зайцева Н. Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск, 2010.

Муллонен И. И. Топонимические этюды Вологодской земли // Вепсы: история, культура, современность. Вологда, 2006.

Насибуллин – Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Бусыгина Л. В., Арзамасова О. А. Диалектологический атлас удмуртского языка, вып. 1–5. Ижевск, 2009–2015.

Программа 1937 – Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Под редакцией Хямяляйна М. М. Петрозаводск, 1937.

Программа 1946 – Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Второе издание, дополненное при участии Анисимова Н. А., Симановой Е. Н., Богданова Н. И. Под редакцией Алатырева В. И. Петрозаводск, 1946.

СРНГ – Словарь русских народных говоров, вып. 6, СПб., 1960; вып. 35, СПб., 2001.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, вып. 5. СПб, 2002.

СОСД – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Под общей редакцией Елисеева Ю. С., Зайцевой Н. Г. Петрозаводск, 2007.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I–IV. М, 1964–1973.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum, I–III. Helsinki, 2004, 2007, 2010.

Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva, 2007.

Kettunen 1922 – Kettunen L. Lõunavepsa häälikajalugu. I. Konsonantid. II. Vokaalid. Tartu, 1922.

Kettunen I–III – Kettunen L. Suomen murteet, I–III. Helsinki, 1930–1940.

KKS – Karjalan kielen sanakirja, V. Helsinki, 1997.

LMS – Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut J. Kujola. Helsinki, 1944.

Saareste I–II – Saareste A. Eesti murdeatlas, I–II. Tartu, 1938–1941.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja, I–VII. Helsinki, 1955–1981.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 228. Helsinki, 1946.

VVS – Vepsän verkkosanasto. <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/>

Наталья Александровна Пеллинен

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

г. Петрозаводск

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИБАЛТИЙСКО- ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР КАРЕЛИИ (ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЭТНОЛИНГВИСТИКА)

В данной статье коротко рассмотрены основные идеи и принципы развивающихся с 70-х гг. XX века в отечественной науке направлений, лингвофольклористики и этнолингвистики, а также примеры их использования в исследовании прибалтийско-финских языков и культур Карелии.

Лингвофольклористика

Первые обращения к языку русского фольклора относят к периоду зарождения русского языкознания, однако до второй половины XIX века язык фольклора привлекался преимущественно как иллюстративный материал в исследованиях грамматических явлений [Тарланов 1999: 9]. Первые систематические наблюдения связывают с именами А. А. Потебни, сделавшем наблюдения о некоторых символах в славянском фольклоре, А. Ф. Гильфердинга, обратившегося в конце XIX века к вопросам словесной, внешнеязыковой организации разных типов устнопоэтической речи и особенно детально изучавшего язык былин, А. Н. Веселовского, исследовавшего в середине XX века отношения поэтического языка фольклора и жанра прозаических текстов.

На протяжении всего этапа становления лингвофольклористики исследователи обращаются к вопросу соотношения диалектов и жанров фольклора. Так, согласно концепции А. Н. Веселовского, язык народной песни не является лишь областной речью, организованной ритмически, но представляет собой явление более высокого уровня, так как складывается поэтически в результате содержательного и стилистического отбора; по своему языку и стилю песне противостоит сказка, которая обычно исполняется на диалектах [Веселовский 1940: 347–380].

Термин «лингвофольклористика» впервые был введен в научный оборот в 1971 году А. Т. Хроленко, специалистом в области теории языкознания, лексикологии и лексикографии, русского фольклора и лингвокультурологии. Уже в названии «лингвофольклористика» выражается суть подхода к исследованию устнопоэтической речи – «выявление места и функции языковой структуры в структуре фольклорного произведения»; при этом оправданно одновременное использование лингвистических и фольклористических методов [Хроленко 2008: 15]. В настоящее время в России наиболее известна Курская школа лингвофольклористики во главе с А. Т. Хроленко, пользуются признанием также Петрозаводская школа, возглавляемая З. К. Тарлановым, Воронежская школа во главе с Е. Б. Артёменко и др.

Анализ языка карельского фольклора осуществляется в отечественной науке с точки зрения трех традиций: исследователей карельского (карелоязычного), русского и финского фольклора, представляющих разные тенденции, приоритеты и подходы в изучении языка и устного народного творчества. Одно из главных отличий заключено в сфере интересов ученых российской и финляндской школ. Здесь обратим конкретное внимание на лингвофольклористику, пока не достаточно освоенную в Финляндии.

Как полагают исследователи, типологическое изучение языка устного народного творчества возможно на двух уровнях: «высшем», или идейно-содержательном, и «низшем», уровне микроструктур языка фольклора. К сравнению на «высшем» уровне исследователи обращаются со времен становления фольклористики, изучение же структур стало осваиваться сравнительно недавно (см. [Хроленко 2008: 17]).

Российские лингвофольклористы наряду с изучением образности, стилистических особенностей фольклорного произведения в последнее время всё чаще обращаются к его фонетике и грамматике (микроструктуры языка фольклора). Выявляя фонологические, морфологические, синтаксические, лексические особенности отдельных образцов устного народного творчества, лингвофольклористы делают выводы о закономерностях, действующих в границах данного жанра устного народного творчества. Как показывают исследования, путем анализа грамматических основ фольклорных текстов возможно приблизиться к пониманию основ мировоззрения народа. Любой язык имеет свою логику, психологию, философию, что находит отражение также в категориях фонетики, морфологии, синтаксиса, и, естественно, лексики. Не вдаваясь особо в вопросы прагматики языка, следует отметить, что в текстах устного народного творчества указанные выше категории выражены, вероятно, наиболее ярко, так как фольклорные произведения рождаются в моменты особого вдохновения, определённого подъёма чувств и творческого оформления мыслей.

В финляндской традиции грамматическая составляющая произведений устного народного творчества специально и систематично не рассматривается, внимание уделяется, в основном, поэтике. В целом, при изучении языка фольклора финляндские ученые в настоящее время часто обращаются к устно-формульной теории (Oral Formulaic Theory), в которой язык рассматривается с точки зрения регистра (понятие, введенное Т. Б. Рейдом в 1956 и впоследствии разрабатывавшееся также М. А. К. Хэллидеем, М. Грегори и др.). Примером финляндского исследования по грамматике поэтического языка можно считать работу Лаури Харвилаhti «Kertovan runon keinot. Inkeriläisen runoepiikan tuottamisesta» (Средства эпической песни. О наследии ингерманландской эпики) [Harvilahti 1992], в которой автор выявляет наиболее характерные для ингерманландской эпической песни языковые формулы, описывая их через грамматические категории. В работе Лотте Таркка «Rajarahvaan laulu: tutkimus Vuokkiniemen kalevalamittaisesta runokulttuurista 1821–1921», 2005 (букв. «Песни приграничного народа: изучение вокнаволоксской поэтической культуры калевальской размера 1821–1921 годов») [Tarkka 2005] поэтический язык также рассматривается как символическая система, ее метаязык, совокупность культурных, этнопоэтических, грамматических и других составляющих произведения данного жанра фольклора. Исследованием, выполненным в русле устно-формульной теории, можно считать и работу Э. Г. Рахимовой «Туонельские свечушки: словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным» [Рахимова 2010], в которой элементы предметного мира похоронных

и поминальных плачей рассматриваются как этнопоэтические константы, повторяющиеся в разных текстах. В монографии Сенни Тимонен «*Minä, tila, tunne*» («Я, состояние, чувство») проявление утопии (поэтического способа уйти за границы изображенной действительности) коротко рассматривается использование определённых временных и модальных форм глагола в произведениях устного народного творчества [Timonen 2004: 359]. Нужно отметить, что исследования такого плана, во-первых, единичны, во-вторых, не являются самыми приоритетными в финляндской филологической науке, больше ориентирующейся на культурную антропологию и социолингвистику.

Начало исследований в русле лингвофольклористики в Карелии ознаменовалось работами А. С. Степановой по языку карельских причитаний в 1970-х годах. Являясь неутомимым собирателем карельского фольклора, она вместе с У. С. Конкка изучала роль и содержание карельской причеты, детально сконцентрировавшись на её языковых особенностях. Подробно исследовав именованные участники, явления и предметного мира карельских причитаний, А. С. Степанова составила «Толковый словарь языка карельских причитаний» [Степанова 2004], который можно считать первым фундаментальным трудом по карельской лингвофольклористике.

О. Ю. Жукова выполнила свою работу на стыке фольклористики и лингвофольклористики уже по языку вепских народных плачей [Жукова 2015]. Помимо описания основных мотивов плачей и выявления их значения и места в ритуальном действии, анализа в тексте причитания художественно-стилистических приемов (эпитета и аллитерации), в работе подробно рассматриваются устойчивые вербальные сочетания, выраженные атрибутивными словосочетаниями и глагольными парами.

В исследовании Н. А. Пеллинен «Мир детства в фокусе лингвофольклористики (на материале карельских колыбельных песен)», являющемся продолжением ее кандидатской диссертации [Пеллинен 2010], колыбельные песни проанализированы на четырёх срезах языка для выявления наиболее ярких маркеров поэзии пестования. На фонологическом уровне рассмотрена роль аллитерации в создании языковых образов, на морфологическом – значение диминутивных и притяжательных суффиксов, падежа транслатива и форм императива в построении колыбельных песен, на синтаксическом – характерные модели в обращениях к ребёнку. Наиболее интересен для исследования лексический пласт. Здесь привлекают особое внимание иносказательные обозначения младенца, которые можно условно отнести к следующим группам: «птичья» лексика (*alli* ‘утка-морянка’, *utuva* ‘пух’); лексика флоры (*idoizeni* ‘мой росточек’, (*mehiläizen*) *kukka* ‘(медовый) цветок’); характеристика ребёнка по поведению (*vakavaini* ‘спокойненький’, *hullu* ‘несмышлёный’) и внешним физическим признакам (*hoikkašormi* ‘тонкопалый’, *kierošuu* ‘криворотик’); иносказания, отражающие кровную связь матери и ребёнка (*kannettu* ‘выношенный’, *maksaine*, *maksazeni* ‘(моя) печёночка’); культурно-обусловленная лексика (*hopijaini šauvan varši* ‘серебряная трость’, *liinapaita* ‘льняная рубашка’) и др. За рассмотренными языковыми явлениями стоят четыре основные функции колыбельной песни («усыпления, охранная, прогностическая, эпистемологическая» [Головин 2000, 14]).

Исследования языка устнопоэтических произведений представляются особенно важными в случаях, когда дело касается фольклора, созданного на языке, не обладающем длительной письменной традицией, в частности на вепском и карельском. Отдельные, вызывающие интерес, феномены языка, бытовавшие в речи этих народов до их активного двуязычия, словно закристаллизовались в фольклорном слове и дошли до наших дней. В исследованиях по лингвофольклористике принципиально важным оказывается допущение, согласно которому устнопоэтический язык по своей природе считается архаичным и в силу этого служит важной опорой для диахронического языкознания [Тарланов 1999: 9].

Этнолингвистика

Данное научное направление начало своё развитие в 30-х гг. XX века, когда появилась гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, в основе которой лежит положение о том, что структура языка формирует мышление человека и способ познания им реального мира. В XX веке сформировался ряд этнолингвистических школ, так, Американская школа, по сути, представляет собой антропологическую лингвистику, Романская – лингвистическую географию. В славистике этнолингвистика развивается около 40 лет, при этом выделяют Люблинскую школу во главе с Е. Бартминским и Московскую школу, возникновение которой связывают с именами Н. И. и С. М. Толстых. Своей главной задачей представители Люблинской и Московской школы считают исследование этнокультурного своеобразия различных символических «языков», транслитерирующих традиционную культуру мира, среди которых ведущую роль играет традиционный язык [Березович 2007: 8]. Понятие «языковая картина мира» – выраженная средствами определённого языка совокупность представлений об окружающем мире, система ценностей носителей данного языка – является ключевым для этнолингвистики.

Этнолингвистика в «узком» понимании рассматривает «соотношение и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой 1995: 27]. В фокусе внимания «широкой» этнолингвистики находится весь «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии вне зависимости от средств и способов их формального воплощения (слово, изображение, фразеология, верования, обрядовые действия). Такое изучение, однако, в наше время может вестись преимущественно или исключительно лингвистическими методами, что в значительной мере оправдывает наличие второго компонента слова «этнолингвистика» [Толстой 1995: 39–40].

Развиваемые с позиций Московской школы этнолингвистические изыскания на материалах прибалтийско-финских языков пока находятся на пути становления, хотя рассуждения этнолингвистического характера встречаются в работах многих исследователей наук гуманитарного цикла, например, языковедов (особенно лексикологов, топонимистов), этнологов, фольклористов и др. Примером «узкого» этнолингвистического исследования в прибалтийско-финском языкознании могут служить изыскания Е. В. Логиновой об образе дурака в картине мира, построенного средствами финского языка (см. напр. [Логинова]).

Осуществляемое автором данной статьи исследование языковой картины мира детства у карелов ведётся с позиций т. н. «широкой» этнолингвистики. С одной стороны, язык не является учебником по психологии народа, поэтому воссоздать полную картину мира детства едва ли представляется возможным даже в самом объёмном и масштабном исследовании. Цель работы «Мир детства в фокусе этнолингвистики (на материале карельского языка)», скорее, в том, чтобы *выявить*, как в карельском языке осуществляются механизмы рождения образов, связанных с концептом детства; *выяснить*, какие свойства, и признаки личности, предметов и явлений становятся ключевыми при номинации; *попытаться обнаружить*, какие особенности традиционной культуры отразились в языке особенно ярко; *определить*, какие понятия заимствуются из соседствующего языка.

По материалам словарей, полевым, архивным и опубликованным источникам выявлено более 200 лексем, относящихся к миру детства, среди которых рассматриваются не только семантически нейтральные лексемы (термины родства и лексемы, характеризующие ребёнка по психофизиологическому развитию, напр. *kätytniekka* ‘зыбочник’, *nännilapši* ‘грудничок’), но также эмоционально окрашенные обращения к ребёнку (*kullanmuruni* ‘золотце’, *miäššu* ‘пупсик’ < рус. твер. мясистый и др.). В поле зрения исследования, наряду с обращениями к ребёнку, находится также лексика, связанная с его физическим и духовным миром, напр. лексемы из сферы ухода за ребёнком, анатомии (*liemen* ‘первые волосы у ребёнка’; ср. основное значение слова ‘шерсть первой стрижки овцы’). Значительная часть эмоционально окрашенных лексем представлена лексикой флоры и фауны (напр. *pul’pukka* ‘кубышка’). Рассмотрены случаи, когда лексика, обозначающая ребёнка, его пол или степень родства

с ним становится «донором» для других систем (ливв. *poigane*, люд. *poigaine*, с. к. *poikani* ‘детёныш зверя или птицы’ (<*poigu, poig, poika* ‘сын’, ‘мальчик’) и наоборот. Один из разделов работы посвящён языковому образу *незаконнорожденного* ребёнка (*tuulel tuodu, ahaval ajettu* ‘ветром принесённый; сухим, холодным ветром пригнанный’), приход которого в мир в традиционном представлении многих народов считается ошибочным и греховным.

Итак, развитию лингвофольклористики и этнолингвистики в прибалтийско-финском языкознании Карелии предшествовало накопление большого числа полевых и исследовательских материалов (образцов речи и фольклора, этнографических рассказов, описательных и сопоставительных грамматик, этимологических изысканий и др.). Актуальность методов и подходов рассмотренных научных дисциплин продиктована, во-первых, длительным бесписьменным периодом существования большинства прибалтийско-финских языков, а во-вторых, поиском новых способов научного осмысления системы ценностей языков и культур малочисленных народов.

Литература

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: «Индрик», 2007. 600 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 408 с.

Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Åbo: ÅboAkademii University. Press, 2000. 451 с.

Жукова О. Ю. Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2015. 156 с.

Логинова Е. В. Piiantoheho или социальный аспект образа дурака в финской картине мира [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2012. Режим доступа: http://194.85.173.205/Faculties/Balfin/EVLoginova_2012.html, свободный.

Пеллинен Н. А. Лингвистический аспект мира детства (на материале карельских колыбельных песен). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2010.

Рахимова Э. Г. «Туонельские свечушки»: словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 217 с.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.

Тарланов З. К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999. 448 с.

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Хроленко А. Т. Листая годы и страницы: сб. научных статей. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. 232 с.

Harvilahti L. Kertovan runon keinot. Inkeriläisen runoepiikan tuottamisesta. SKS, Helsinki. 1992.

Tarkka L. Rajarahvaan laulu: tutkimus Vuokkiniemen kalevalamittaisesta runokulttuurista 1821–1921. Helsinki, 2005.

Timonen S. Minä, tila, tunne. Näkökulmia kalevalamittaiseen kansanlyriikkaan. SKS, Helsinki. 2004.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ НАРОДЫ КАРЕЛИИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Поскольку финно-угорская группа включает значительное количество языков и соответственно – народов, которые в том числе проживают и на территории Карелии, в статье анализируется современная ситуация, складывающаяся с тремя прибалтийско-финскими народами республики – карелами, вепсами и финнами. В качестве основных параметров рассматриваются демографическая и языковая ситуации, функционирование языков в системе школьного образования. В заключительной части представлен обзор современных мероприятий, способствующих повышению престижа языков финского, карельского и вепсского народов Республики Карелия.

Демографическая и языковая ситуации

По данным переписи населения 2010 года, в настоящее время на территории Республики Карелия проживают представители 130 национальностей, из них русские составляют 82,2% (507654 чел.), карелы – 7,4% (45 570 чел.), белорусы – 3,8% (23 345 чел.), украинцы – 2% (12677 чел.), финны – 1,4% (8577 чел.), вепсы – 0,5% (3423 чел.), представители других национальностей – 2,7% (16422 чел.).

С 90-х годов XX в. наметилась тенденция снижения численности населения Карелии. По итогам переписи 2010 года численность постоянного населения республики уменьшилась по сравнению с переписью 2002 года на 71 тыс. человек и составила 645,2 тыс. чел.

Карелы – титульный этнос, проживают повсеместно на территории республики, местами их наиболее компактного проживания являются Олонецкий, Пряжинский и Калевальский национальные районы. В Республике Карелия карельский язык является автохтонным языком, количество носителей которого имеет устойчивую тенденцию к постоянному сокращению. Официальные данные переписей населения неумолимо дают картину отрицательной динамики как количества карелов, так и таких показателей, как владение карельским языком и признание его родным.

По данным переписи 2010 года, карелы насчитывали 45570 человек в общем составе населения республики количеством 617668 человек, что составило 7,4%. В 2002 году карелов было 65651 человек, или 9,2%, в 1989 году – 78928, или 10% [Национальный состав: 9].

Средний возраст карелов составляет 46,9 лет, самую многочисленную группу образуют карелы старше 70 лет (6799 чел.), затем по убыванию – 50–54-летние (5600 чел.) и 55–59-летние (4832 чел.). При этом большинство карельского населения находится в трудоспособном возрасте (27303 чел.) [Национальный состав: 18]. Женщины по численности превосходят мужчин (26405 чел. и 19165 чел. соответственно), городские карелы – сельских жителей (25828 чел. и 19742 чел. соответственно).

Владение языками указали 45557 карелов, из которых 16876 владели карельским языком, что составило 36,8%. Здесь же отметим, что в 1989 и 2002 годах доля владевших карельским языком составляла 63,5% и 48,1% соответственно. С 2002 года по 2010 год в целом по России отрицательный прирост владеющих карельским языком составил 51,6%.

В 2010 году из 45530 карелов, указавших родной язык, назвали родным карельский 12369 человек, что составило около 27% [Национальный состав: 15].

Карелы в Республике Карелия официально не признаны национальным меньшинством, но в связи с тем, что в населении республики количественно они составляют неоспо-

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

римое меньшинство, а также являются автохтонным народом, карельский язык можно отнести к языкам традиционных национальных меньшинств.

Вепсы в Республике Карелия являются еще более немногочисленной группой, составляя от населения республики 0,5%. За период с 2002 по 2010 год численность вепсов в Карелии снизилась с 4870 (0,7%) до 3423 человек. По данным переписи населения 1989 года, доля вепсов в населении составляла 0,8% (5954 чел.) [Национальный состав: 9].

Так же, как и среди карелов, большинство вепсского населения – женщины (2090 чел., мужчин – 1333). 68% вепсов – горожане, причем каждый восьмой из них проживает в г. Петрозаводске (около 2000 чел.). В сельской местности проживают 32% вепсов (1104 чел.) [Национальный состав: 4]. В местах традиционного проживания, Рыборецком, Шелтозерском и Шокшинском вепсских сельских поселениях Прионежского района, на момент переписи проживали 809 вепсов, что составило 32% от общей численности населения этих сельских поселений.

Средний возраст вепсов в Карелии в 2010 году составил 50,0 лет (в 1959 году составлял 33 года, в 1979 году – 44,8 года, в 1989 году – 45,9 года, в 2002 году – 47,8 года). Наиболее многочисленную группу образуют вепсы старше 70 лет (754 чел.). Значительная доля в составе вепсского этноса лиц старшего возраста стала основной причиной высокой убыли вепсского населения в период между 2002 и 2010 годов. 52% вепсского населения находится в трудоспособном возрасте [Национальный состав: 22].

В Карелии в 2010 году о владении языком своей национальности заявили 26,8% вепсов (919 чел.), в 2002 году – 38% (1849 чел.). В 2010 году владеющих вепским языком у вепсов оказалось больше, чем считающих его родным (14,4%, или 493 чел.), что также связано с высокой долей среди вепсов представителей старшего поколения [Строгальщикова 2014: 242].

С 2000 года вепсы имеют статус коренного малочисленного народа Российской Федерации. К коренным малочисленным народам относят народы с численностью не более 50 000 человек, проживающих в местах расселения своих предков, осознающих себя самостоятельными этническими общностями, хозяйственная деятельность которых в основном связана с использованием местных природных ресурсов.

Финны, согласно материалам переписи 2010 года, составляли 1,4% в населении Карелии (8577 чел.), в то время как в 2002 году они составляли 2% (14156 чел.), а в 1989 году 2,3% (18420 чел.) [Национальный состав: 9]. Большинство финского населения проживает в городах (6603 чел., или почти 77%), причем более 52% городских финнов – петрозаводчане (Рассчитано по: [Национальный состав: 6]). Так же, как и среди карелов и вепсов, женщины составляют большинство (4897 чел., или чуть более 57%).

Как свидетельствует статистика, демографическая база финского языка значительно сократилась (по сравнению с 2002 годом численность финского населения в республике сократилась на 5579 чел.). Из общего числа финнов Карелии своим языком в 2010 году владели 33,8% (2901 чел.), в то время как в 2002 году этот показатель составлял чуть более 40%. Из финнов, указавших родной язык, только 10,7% назвали родным финский язык. Перспективы функционирования финского языка связаны не столько с его этническими носителями, сколько с представителями других национальностей республики. Из всего населения Карелии, указавшего владение финским языком (14630 чел., или 100%), русские составили 41,1% (6013 чел.), карелы 34,7% (5087 чел.), финны – только 19,8% (2901 чел.) (Рассчитано по: [Национальный состав: 10]).

Характеризуя ситуацию с финским языком в Карелии в новейший период, Е. И. Клементьев и А. А. Кожанов писали: «К середине 1990-х гг. каждый четвертый финн уже не владел языком своей национальности, при этом по языковой компетенции и речевому поведению молодое (15–34 года), среднее (35–44 года) и старшее (55 лет и старше) поколения резко различались. Из поколения в поколение доля хорошо знающих финский язык сокращалась примерно в два раза» [Клементьев, Кожанов 2009: 343]. Уже к концу 1970-х гг. «...финны перешли так называемый “пороговый” показатель утраты родного языка, когда

более 50% представителей этноса признают родным язык другой национальности» [Клементьев, Кожанов 2009: 344].

Можно констатировать, что финский язык, традиционно входивший в число национальных языков, формирующих языковую палитру в республике, находится в настоящее время не в менее сложной ситуации с точки зрения функционального пространства, чем карельский и вепсский языки. Будучи старописьменным и имея устоявшуюся литературную форму, в силу экстралингвистических причин (прежде всего, за счет активной эмиграции финнов-ингерманландцев) он последовательно утрачивает свои позиции не только в неофициальной сфере, но и в официальных практиках использования. Использование языка в публичном дискурсе заметно снизилось, что связано, в первую очередь, с существенным сокращением демографической базы. Не способствует расширению функционального пространства и утрата в 1990-е годы финским языком статуса официального (официальный статус финского языка был закреплен Конституцией КАССР в 1978 году).

Резюмируя статистику, отражающую современную демографическую и языковую ситуацию, в заключение хотелось бы привести цифры, характеризующие ситуацию с владением населением республики прибалтийско-финскими языками. Из всего числа указавших владение языками (623129 чел., или 100%), карельским языком владеют чуть более 3% населения республики (19100 чел.), финским – 2,34% (14630 чел.), вепсским – около 0,2% (1179 чел.). Русским языком при этом владеют 99,9% (622868 чел.) из всех, указавших владение языками (Рассчитано по: [Национальный состав: 10]).

Функционирование языков в системе школьного образования

В законе «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» сказано о том, что карельский, вепсский и финский языки составляют национальное достояние Республики Карелия и наряду с другими языками народов Республики Карелия находятся под ее защитой [Закон Республики Карелия, 2004]. Там же регулируются условия для свободного владения этими языками: «Карельский, вепсский и финский языки как учебные предметы могут изучаться и преподаваться в образовательных учреждениях, расположенных на территории Республики Карелия, в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Карелия» [Закон: ст.4, § 2].

Как же складывается ситуация с изучением прибалтийско-финских языков в системе образования в настоящее время, рассмотрим ниже.

В 2015/2016 учебном году 6777 школьников изучали карельский, вепсский и финский языки в 49 общеобразовательных школах 13 муниципальных образований Республики Карелия. В 11 общеобразовательных организациях из 49 изучалось одновременно 2 языка (карельский и финский) и в 1 общеобразовательной организации изучалось одновременно 3 языка (карельский, вепсский и финский) [Храмцова 2016: 10–11]. В предыдущем, 2014/2015 учебном году 6979 учащихся изучали эти языки в 45 общеобразовательных организациях.

Всего в школах республики в 2015/2016 учебном году карельский, вепсский и финский языки преподавали 94 учителя, из них 10 – два языка, карельский и финский [Храмцова 2016: 11].

Карельский язык преподается в школах с 1989 года. Количество школ с преподаванием карельского к середине 1990-х годов достигло 60 – максимального количества по республике. В те же годы отмечалось наибольшее количество школьников, обучающихся языку, достигавшее 2500 и более. В последующие десять лет количество школ, поддерживающих изучение карельского, сохранялось на уровне 50–55 при численности 1800–2200 учащихся. Затем количество школ с изучением карельского языка и численность в них учащихся имели явно выраженную тенденцию к сокращению; так, в 2010 году карельскому языку обучались всего 2,7% от всех учащихся. Цифры увеличиваются лишь в последние два учебных года.

В 2015–2016 учебном году в школах изучали карельский язык 2128 обучающихся (собственно карельское наречие – 280, ливвиковское наречие – 1841, людиковское наречие – 7). Преподавали карельский язык 37 педагогов (собственно карельское наречие – 13, ливвиковское наречие – 23, людиковское наречие – 1). На уроках изучают карельский язык 37%

школьников, 35% – факультативно, 23% – в кружках, 34% – во внеурочной деятельности, в элективной форме – 2%, в урочно-факультативной форме – 1% [Храмцова 2016: 12–13].

Большинство изучающих карельский язык – ученики начальной школы. В средней школе доля обучающихся ниже, так же, как и количество учителей карельского языка.

Число школ с изучением карельского языка, обучающихся и учителей в разные годы и в настоящее время представлено в таблице I.

Таблица I. Карельский язык в школах Республики Карелия

	1995–1996			2010–2011			2015–2016		
	школ	обучающихся	учителей	школ	обучающихся	учителей	школ	обучающихся	учителей
карельский	60	2522	48	29	1718	45	26	21286	37

Как одну из проблем с изучением карельского языка учителя называют то, что с окончанием школы у большинства вчерашних учащихся заканчивается и изучение языка, он практически забывается. По мнению учителей, родной (карельский) язык необходимо преподавать и далее, на следующих этапах обучения в системе профессионального образования.

Вепский язык стал изучаться факультативно в 1987 году в школе с. Шелтозеро. Впоследствии его стали преподавать как предмет; наибольшее число школьников, изучавших вепский язык, отмечалось в начале 2000-х годов – в 2003 году язык изучали в пяти школах около 320 учащихся. В настоящее время изучение вепского языка как предмета в рамках учебной программы ведется только в школах вепских сельских поселений Прионежского района Республики Карелия и финно-угорской школе города Петрозаводска.

В 2015–2016 учебном году в школах изучали вепский язык 256 детей в 4 школах, количество учителей – 6. 100% обучающихся изучали вепский язык в урочной форме. В 1 классе муниципального общеобразовательного учреждения «Шокшинская средняя общеобразовательная школа» Прионежского МР помимо урочной формы использовалась также внеурочная деятельность по языку [Храмцова 2016: 15–16].

Таблица II. Вепский язык в школах Республики Карелия

	1995–1996			2010–2011			2015–2016		
	школ	обучающихся	учителей	школ	обучающихся	учителей	школ	обучающихся	учителей
вепский	4	253	4	3	183	5	4	256	6

Так же, как и в ситуации с карельским языком, в последние годы показатели с количеством обучающихся несколько увеличились.

Финский язык имеет более давнюю историю в системе образования в Карелии. Не вдаваясь глубоко в историю, укажем, что еще в 1966 году постановлением правительства республики было разрешено ввести в общеобразовательных школах изучение финского языка как предмета при наличии соответствующего контингента и согласия родителей [Вавулинская 2002: 277]. К 1980/1981 учебному году преподавание финского языка в разных формах велось в 30 школах с общим контингентом 2717 учащихся [Клементьев, Кожанов 2009: 341]. В 1990-е годы «...изучение финского языка пережило настоящий бум» [Клементьев, Кожанов 2009: 346]. В то время «...сеть школ с изучением финского языка быстро увеличивалась: в 1989/90 учебном году он изучался в 43 школах (5052 ученика), к 1995/96 году их численность достигла максимума (103 школы, 13422 ученика)» [Клементьев, Кожанов 2009: 348].

В последующие годы численность школ с преподаванием финского языка, учителей, а особенно – учащихся, неуклонно сокращалась, что было вызвано, прежде всего, демографическими причинами.

В 2015–2016 учебном году 4393 школьника изучали финский язык в 32 школах 10 муниципальных образований. Количество педагогов – 32 [Храмцова 2016: 13–14].

Таблица III. Финский язык в школах Республики Карелия

	1995–1996			2010–2011			2015–2016		
	школ	обучающихся	учителей	школ	обучающихся	учителей	школ	обучающихся	учителей
финский	103	13422	72	31	3953	68	32	4393	61

В урочной форме в 2015–2016 учебном году финский язык изучали 76%, факультативно – 2%, в кружках – 11%, в форме внеурочной деятельности – 6,5%, в элективной форме – 1%, в урочно-кружковой форме – 3%, в урочно-факультативной форме – 0,5%. В качестве родного финский язык изучали 38% учащихся, в качестве иностранного – 62% [Храмцова 2016: 15].

В качестве позитивного момента в процессе обучения карельскому и вепсскому языкам стоит отметить, что с 2012 года учащиеся в качестве одного из экзаменов по выбору – государственной итоговой аттестации (ГИА) стали выбирать экзамен по родному языку.

Таблица IV. Государственная итоговая аттестация по родному языку

Учебный год	Финский язык	Карельский язык	Вепсский язык	Всего
2012	90	18	8	116
2013	124	35	7	166
2014	20	8	3	31
2015	35	8	2	45

В 2012 году на «отлично» сдали экзамен по родному языку 35,3% школьников, на «хорошо» – 36,2%, «удовлетворительно» – 28,4%. В 2013 году «отличников» было уже меньше – 28,9%, «хорошистов» – 21,1%, 50% сдали экзамен на «тройку» (Материалы доступны на сайте ГАУ РК «Центр оценки качества образования Республики Карелия», адрес доступа: <http://coko.karelia.ru/gia/gia9/analitika-gia>).

В феврале 2014 года Управление образования администрации Петрозаводска на заседании координационного совета по государственной поддержке карельского вепсского и финского языков сообщило о результатах анкетирования, которое было организовано среди будущих первоклассников. Целью опроса было выяснить заказ детей и родителей на изучение национальных языков – карельского, вепсского, финского. Из 2688 детей изучать карельский язык выразили желание всего 140 человек, 10 решили изучать вепсский, 891 – финский язык.

В апреле 2016 года в одной из петрозаводских школ нами было проведено анкетирование среди выпускников, в котором участвовал 21 ученик, 10 девушек, 11 юношей 17–18 лет. В числе вопросов анкеты был следующий: «Как ты считаешь, карельский язык важен для Карелии?». Ответы распределились таким образом: «да» – 47,6%, «нет» – 14,3%, «не знаю» – 38,1%. На вопрос «Слышал ли ты когда-нибудь карельскую речь?» только 9,5% ответили отрицательно; 91,5% школьников ответили, что слышали в основном по радио или телевидению (68,4% из ответивших на вопрос положительно), а также от родственников (в основном в качестве родственников фигурировала бабушка). В то же время, большая часть молодых людей – 61,9% не выразили желания изучать карельский язык, 33,3% были бы не против выучить язык, 4,8% затруднились ответить.

Анализ подобных исследований приводит к неутешительным выводам о том, что престиж языков, и прежде всего младописьменных – карельского и вепсского, еще, к сожалению, достаточно невысок. У молодежи нет социальной мотивированности изучать эти языки, поскольку ограничены и в целом функциональное пространство языков, и в частности, – профессиональная сфера применения знаний.

Повышение престижа языков

На фоне многочисленных проблем с преподаванием и сохранением младописьменных карельского и вепсского языков необходимо отметить тот факт, что для привлечения внимания к языкам, роста их привлекательности и престижа, в последние годы находятся новые подходы, и это касается не только сферы образования. Языки становятся объектами формирования брендовости, что представляет собой отличительную черту современной языковой ситуации.

С 2012 года в конкурс «Учитель года Карелии» включена номинация «Учитель родного языка». Преподаватели карельского языка становятся призерами конкурса, что, несомненно, повышает престиж и привлекает внимание к языку. Школьники участвуют в языковых конкурсах, олимпиадах, результаты которых широко освещаются в СМИ. Одной из последних идей стало проведение диктанта для знатоков карельского языка. Для решения проблемы с крайне малым количеством студентов, решивших изучать национальные языки, в Петрозаводском государственном университете было принято решение об увеличении стипендии для таких студентов. С целью привлечения будущих студентов для изучения карельского, вепсского и финского языков на кафедре прибалтийско-финской филологии ПетрГУ в 2015 и 2016 годах для школьников 8-10-х классов проводился этнокультурный лагерь «Встреча юных на карельской земле». Создан новый портал «Этнокультурное образование в Республике Карелия», освещающий новости национальной образовательной политики (<http://edu-rk.ru/index.php/edu/info>). В помощь учителям создаются электронные ресурсы, социальные сети активно привлекают внимание к языковым проблемам. Популярными в социальных сетях стали такие группы, как: *Карельскому языку – официальный статус в Карелии*, *Говорим по-карельски (Pagizemmo karjalakse)*, *Читаем вместе (Luvemmo yhtes)*, *Поем по-карельски (Pajatammo karjalakse)*. В Петрозаводске в 2014 году Союзом карельского народа впервые был реализован проект «Языковое гнездо выходного дня», в котором дети из двуязычных семей приобщались к языку и культуре вместе с родителями. Курсы карельского языка, ежегодно организуемые в Центре национальных культур и народного творчества в Петрозаводске, привлекают все большее число слушателей, в 2015/2016 году их окончили более 100 человек. В 2016 году подано более 100 заявлений, причем многие из курсантов приходят во второй, третий, четвертый и даже пятый раз. С октября 2016 года объявлены курсы карельского языка в Санкт-Петербурге, преподавателем является выпускница Петрозаводского университета. Традиционными стали встречи для любителей карельского и вепсского языков в разговорных клубах Paginkanzu и Paginklub «Vepsläižed besedad». Долгожданным событием явилось начало преподавания в кружках для школьников людиковского наречия карельского языка: с 2013 года – в селе Михайловское Олонецкого района, с 2014 года – в селах Кончезеро Кондопожского района и Святозеро Пряжинского района. В 2016 году Общество вепсской культуры реализует проект под названием «Изучаем вепсский язык по видеоурокам», представляющий собой цикл из 5 уроков вепсского языка базового уровня до 10 минут каждый. С 2015 года Информационным агентством «Республика» в сети «Интернет» реализуется проект «Уроки карельского» (<http://rk.karelia.ru/special-projects/uroki-karelskogo/uroki-karelskogo-karjalua-tundies/>). Ресурс рассчитан не только на изучение языка, здесь можно найти информацию об истории, быте, вере и в том числе о современной жизни карелов. Читателю предлагаются различные материалы – фотографии, видео, инфографика. Заголовки статей, а также часть материалов даны с переводом на карельский язык. Статистика сайта показала, что в среднем каждый выпуск «Уроков карельского» собирает около 2000 просмотров в первый месяц, т.е. проект собрал свою аудиторию.

Как было указано выше, привлекательность национальных языков Карелии формируется не только сферой образования. Культурным событием в республике стало открытие Дома карельского языка (ДКЯ). В январе 2015 года пресса сообщила, что карельский язык получил прописку в селе Ведлозеро Пряжинского района, где силами волонтеров построен Дом карельского языка – этнокультурный центр, в котором реализуются практические проекты по возрождению и сохранению карельского языка. В 2016 году ДКЯ выступил в качестве

своеобразного фонда, объявившего конкурс малых грантов «Karjalan kiieldy tihieh. Карельского - видимо-невидимо!»).

К общекультурным мероприятиям можно отнести и возрождение национальной карельской игры «Кууккя», – карельских городков, – ставшей популярной в последние годы и даже вошедшей в региональный комплекс ГТО.

Из вепских этнопроектов стоит назвать создание серии видеофильмов, посвященных обычаям, традициям, культуре, этнографии вепсов, в которых звучит живая вепская речь. Фильмы «Животные в жизни вепсов» (2008), «Жизнь вепского дома» (2012), «В чистой воде и рыба водится» (2014), «Магия пастушьего рожка» (2015) становились лауреатами различных телевизионных фестивалей.

В числе мероприятий по брендированию карельского языка, привлечению внимания к нему, – запуск с 2016 года компанией «Славмо» линейки карельских молочных продуктов с надписями на карельском языке. В свое время оформление на карельском и вепском языках дорожных указателей и фасадных вывесок стало своего рода способом привлечения внимания карелов и вепсов к нормированной, письменной форме этих языков (за 2006–2015 годы были изготовлены 101 фасадная вывеска и 88 дорожных указателей). Сегодня выпуск «карельских продуктов» – это способ привлечь внимание к языку не только карелов, но и всего населения.

Перечисленные мероприятия и проекты, возможно, косвенно, не директивно, но, тем не менее, повышают престиж языков, формируют своеобразную «положительную ментальность» по отношению к ним, расширяют этнически ориентированное пространство. В качестве примера приведем ситуацию с приемной кампанией 2016 года на кафедре прибалтийско-финской филологии филологического факультета ПетрГУ. Долгое время кафедра испытывала настоящий дефицит студентов, были случаи в прямом смысле слова индивидуального обучения [Ковалева 2012: 319]. По данным, опубликованным на сайте ПетрГУ, в 2016 году на специальность «финский язык и литература, английский язык» на 8 бюджетных мест было подано 41 заявление. Конкурс по этому направлению составил 5 человек на место. На специальность «финский язык и литература, вепский язык» по квалификации академический бакалавр на 3 бюджетных места было подано 23 заявления, конкурс составил 4 человека на место. На специальность «финский язык и литература, карельский язык» по квалификации академический бакалавр на 5 бюджетных мест было подано 49 заявлений, а конкурс впервые составил рекордное 9,8 человек на место.

Литература и источники

Вавулинская Л. И. Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сборник научных статей. Петрозаводск, 2002. С. 271–278.

Закон – Закон Республики Карелия о государственной поддержке карельского, вепского и финского языков Республики Карелия от 17.03.2004.

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Финский язык в Карелии в новейший период // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск, 2009. С. 338–351.

Ковалева С. В. Карельский язык в системе образования Республики Карелия // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга. Москва, 2012. С. 309–321.

Национальный состав – Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 5. Карелиястат. Петрозаводск, 2013. 233 с.

Строгальщикова З. И. Вепсы. Очерки истории и культуры. Санкт-Петербург, 2014. 263 с.

Храмцова О. А. К вопросу о разработке концепции развития этнокультурного образования в Республике Карелия на период 2015–2025 годов // Педагогический вестник Карелии. 2016. № 1. С. 7–26.

НАУЧНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Начало научного исследования карельского языка и его диалектов связано с именем замечательного финского языковеда Арвида Генеца. Будучи студентом Хельсинкского университета, он самостоятельно собирал лингвистический материал по диалекту Суоярви, в результате чего была опубликована работа «Рассказ о приходе Суоярви и о моих поездках туда в 1867 году» [Genets 1870]. Она была высоко оценена преподавателями, отметившими исследовательский талант будущего лингвиста. В 1871–1972 гг. он собирал лингвистический и фольклорный материал на территории русской Карелии, в результате чего им были опубликованы три дескриптивных исследования по основным наречиям карельского языка: «Исследование о языке русской Карелии» [Genetz 1880], «Исследование языка олонекских карелов» [Genetz 1885] и «Северные авангарды вепсов» (Genetz 1872). Все названные работы написаны структурно одинаково: сначала дается небольшой словарь, затем приводятся диалектные тексты и представлена краткая грамматическая справка.

Названные работы А. Генеца оставались многие годы наиболее авторитетными и хрестоматийными, дававшими общее представление об основных наречиях карельского языка. Во всех данных исследованиях он делает интересные замечания по истории карельского языка, которые позднее были доказаны другими исследователями. Можно без преувеличения сказать, что А. Генец заложил основы научного кареловедения. Академик Э. Итконен писал: «А. Генец относится к тем известным финно-угроведам, значение работ которых со временем не уменьшается, а напротив, увеличивается» [Itkonen 1949: 42].

Позднее, в период младограмматизма, основное внимание финляндских лингвистов было направлено на исследование вопросов исторической фонетики. В этот период публикуются монографии Х. Оянсуу «Историческая фонетика олонекского наречия карельского языка» [Ojansuu 1918], Э. Лескинена «Вокализм тулмозерского диалекта» [Leskinen E. 1933], Т. Лильеблад «Консонантизм тунгудского диалекта» [Liljeblad 1931], Х. Лескинена «Историческая фонетика диалектов северо-западного Приладожья. I. Согласные» [Leskinen H. 1963], А. Турунена «Историческая фонетика людиковских диалектов. I: Согласные; II: Гласные» [Turunen I; Turunen II].

Все эти работы объединяет как объект исследования, так и историческая направленность работ. Таким образом, есть все основания говорить о финляндской лингвистической школе по исследованию карельского языка. Ее основоположником можно, вне всякого сомнения, назвать А. Генеца. В данном случае научная школа – это научное направление.

В отечественном языкознании исследование диалектов карельского языка было начато членом-корреспондентом АН СССР, профессором Д. В. Бубрихом, составившим «Программу по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка», которая была заполнена в 200 населенных пунктах. Позднее программа была заполнена еще и среди тверских и валдайских карелов. В результате совместных с финскими учеными усилий был опубликован «Диалектологический атлас карельского языка» [Бубрих, Беляков, Пунжина 1997].

На основании собранного материала Д. В. Бубрих делает следующие выводы:

- 1) карельский язык является самостоятельным прибалтийско-финским языком, а не диалектом финского языка, как в то время считали отдельные ученые и политические деятели;
- 2) карельский язык содержит три наречия: собственно-карельское (в Средней и Северной Карелии, а также в Калининской и соседних местах), ливвиковское (у восточного побережья Ладожского озера и дальше вглубь Олонекского перешейка) и людиковское (узкой полосой вдоль восточного края ливвиковского наречия, невдалеке от Онежского озера). Эти наречия,

как он считал, разбиваются на диалекты, а те, в свою очередь, на говоры [Бубрих 1948:42–50]. По его мнению, ливвиковское и людиковское наречия возникли в результате длительного контакта с вепским языком, что наиболее ощутимо проявляется в людиковском наречии. Языковые данные Д. В. Бубрих переносит в сферу этнической истории карелов, полагая, что предками собственно карелов было племя Корела, а ливвиков и людиков – новое этническое образование, возникшее в результате смешения карелов и вепсов [Бубрих 1947]. Это открытие Д. В. Бубриха во многом подтвердилось более поздними исследованиями. Терхо Итконен прямо пишет о том, что «ливвиковские т.н. ”некарельские” особенности относятся в большинстве случаев к особенностям вепского языка и примыкающего к нему людиковского наречия. Можно даже сказать, что сложно найти в ливвиковском наречии такие фонетические и морфологические особенности, которые не имели бы параллелей либо в собственно карельском наречии, либо в вепском языке и людиковском наречии» [Itkonen 1971: 153].

В послевоенный советский период активно собирался языковедческий материал по всем диалектам карельского языка, и существовало негласное мнение о необходимости сбора материала быстро исчезающего карельского языка со всеми его говорами. В этот период публикуются сборники текстов на карельском языке с переводом на русский язык: Макаров Г. Н. [Макаров 1963]; Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. [Макаров, Рягоев 1969], Рягоев В. Д. [Рягоев 1980], Баранцев А. П. [Баранцев 1978]. Совместными усилиями карельских и финских языковедов опубликован один том сборника текстов «Näytteitä karjalan kielestä» (Образцы карельской речи) [Näytteitä 1994], включающим все наречия и диалекты карельского языка.

Важной функцией школы является забота о научной смене. В становлении карельской лингвистической школы значительную роль сыграл Г. М. Керт, являвшийся долгое время заведующим сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Он уделял пристальное внимание подготовке научных кадров по прибалтийско-финским языкам, под его руководством написано и защищено более десяти кандидатских диссертаций по карельскому языку. Хорошо помнятся лингвистические семинары, на которых обсуждались теоретические проблемы языкознания. Сила научных школ состоит еще и в том, что они привязывают науку к реалиям жизни, имеют ярко выраженный практический акцент. Г. М. Керт принимал активное участие в становлении саамской и карельской письменности.

В Финляндии также в это время публикуются сборники текстов на карельском языке, например, «Karjalan kielen näytteitä I–III» (Образцы карельской речи) под редакцией Э. Лескинена [Karjalan kielen näytteitä I–III 1932, 1934, 1936].

Активно собирал и публиковал сборники текстов Пертти Виртаранта, который побывал во всех регионах проживания карелов [Virtaranta; Virtaranta P. 1958; Virtaranta Helmi & Pertti 1986; Virtaranta H. ja P. 1990].

Собранный в полевых условиях лингвистический материал активно используется при составлении словарей карельского языка. В Финляндии публикуются первые словари по карельскому языку, среди которых, прежде всего, хочется назвать словари П. Похьянвало [Pohjanvalo 1947], Ю. Куёла [Kujola 1944]. Материал для шеститомного словаря карельского языка собирался около ста лет. Первый том был опубликован в 1968 году и последний в 2005 [Karjalan kielen sanakirja 1968–2005]. В словарь не вошли материалы по людиковским диалектам, поскольку составители считают его самостоятельным прибалтийско-финским языком, а не наречием карельского языка.

Учеными ИЯЛИ КарНЦ РАН также подготовлены и опубликованы такие крупные диалектные словари, как «Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)» Г. Н. Макарова [Макаров 1990], «Словарь карельского языка (тверские говоры)» А. В. Пунжиной [Пунжина 1994] и «Словарь собственно-карельских говоров Карелии» [Федотова, Бойко 2009].

Следует отметить, что в последние 20 лет активно готовятся и публикуются карельско-русские и русско-карельские словари карельского языка, что вызвано, прежде всего, с возрождением карельской письменности в конце 1980-х годов и введением преподавания ка-

рельского языка в школах и вузах республики. Здесь можно назвать такие важные лексикографические издания, как «Большой русско-карельский словарь» [Маркианова, Бойко, 2011], «Карельско-русский словарь» [Маркианова, Бойко 1994], «Большой карельско-русский словарь» [Бойко 2016], «Карельско-русский словарь (севернокарельские диалекты)» [Зайков, Ругоева 1999], «Русско-карельский словарь (севернокарельские диалекты)» [Зайков и др. 2015].

Тем не менее, все еще отсутствуют орфографические и словари синонимов карельского языка.

Проводились и серьезные исследования фонетической и морфологической структуры диалектов карельского языка, которые начались в 50-е годы прошлого столетия. Опубликованы такие исследования как: А. А. Беляков «Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие)» [Беляков 1954], Г. Н. Макаров «Карельский язык» [Макаров 1966: 61–80], В. Д. Рягоев «Тихвинский говор карельского языка» [Рягоев 1977], В. Д. Рягоев «Карельский язык [Рягоев 1993], А. П. Баранцев «Фонологические средства людиковской речи» [Баранцев 1975], а также книга эстонской исследовательницы П. Пальмеос «Karjala Valda murta» (Валдайский диалект карельского языка) [Palmeos 1962] и мн. др.

В исследование лексики карельского языка, в представление лексических тезаурусов карельских наречий значительный вклад внесли уже названные выше лексикографические издания. Особое место в изучении проблем лексики занимают также работы В. П. Федотовой, которая посвятила значительное количество времени и сил сбору выразительных средств карельского языка, что представлено ею, прежде всего, в «Фразеологическом словаре карельского языка» [Федотова 2000] и в словаре «Дескриптивных глаголов в карельском языке» [Федотова 2002].

Тем не менее, проблемы синтаксиса и лексики карельского языка остаются все еще пока недостаточно исследованными. Ведь известно, что именно на уровне синтаксиса наиболее ощутимо влияние русского языка на карельский. Помимо того, некоторые морфологические категории карельского языка (именное словообразование, именные формы глаголов, глагольное управление, семантика и структура карельских местоимений) также ждут своих исследователей.

Литература

- Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975.
Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978.
Беляков А. А. Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие) // Труды Карело-финского филиала Академии Наук СССР. Вып. I. Петрозаводск, 1954.
Бойко Т. П. Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 2016.
Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
Бубрих Д. В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Изв. Карело-Финской Н.-И. базы АН СССР. Вып. 3. Петрозаводск. 1948.
Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki, 1997.
Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь (севернокарельские диалекты). Петрозаводск, 1999.
Макаров Г. Н. Образцы карельской речи. Л., 1963.
Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР, т. III. Москва, 1966.
Макаров Г. Н. Русско-карельский словарь. Петрозаводск. 1975.
Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Л., 1969.
Маркианова Л. Ф., Бойко Т. П. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1994.
Маркианова Л. Ф., Бойко Т. П. Большой русско-карельский словарь. Петрозаводск, 2011.

- Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.
 Русско-карельский словарь (Севернокарельские диалекты). Составители Зайков П. М. и др. Петрозаводск, 2015.
- Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.
 Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Л., 1980.
 Рягоев В. Д. Карельский язык. // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
 Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.
 Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке. Словарь. Петрозаводск, 2002.
 Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.
- Genetz A. Kertomus Suojärven pitäjästä ja matkustuksistani siellä v. 1867. Suomi II:8. Helsinki, 1870.
 Genetz A. Tutkimus Venäjän karjalan kielestä. Helsinki. 1880.
 Genetz A. Vepsän pohjoiset etujoukot. Helsinki. 1872.
 Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki. 1885.
 Itkonen E. Arvid Genetz kielentutkijana. Elämänvaiheet ja elämäntyö. Toim. Leo Harmaja. Helsinki. 1949.
 Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. Virittäjä, 2. Helsinki, 1971.
 Karjalan kielen näytteitä, I–III. Toimittanut E. Leskinen. Helsinki, 1932, 1934, 1936.
 Karjalan kielen sanakirja I–VI. Helsinki, 1968–2005.
 Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. LSFU. Helsinki, 1944.
 Leskinen E. Tulemajärven murteen vokalismusi // Suomi 15. Helsinki, 1933.
 Leskinen H. Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria. I. Konsonantit. SUST, 275, Helsinki, 1963.
 Liljeblad T. Tunkuan murteen konsonantismi // Suomi V:13. Helsinki, 1931.
 Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu-Petroskoi, 1994.
 Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria. SUST 162, Helsinki, 1918.
 Palmeos P. Karjala Valдай murrak. Tallinn, 1962.
 Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. SKS. Helsinki, 1947.
 Turunen I – Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I Konsonantit, SUST 89, Helsinki, 1946.
 Turunen II – Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II Vokaalit, SUST 50, Helsinki, 1950.
 Virtaranta – Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä I–VI. SUST 129–132, 218. Helsinki. 1963–1964, 1976, 1994.
 Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo. 1958.
 Virtaranta Helmi & Pertti. Kauas läksit karjalainen. Espoo: Weilin Göös. 1986.
 Virtaranta H. ja P. Karjalan kieltä ja kansankulttuuria. SUST, 205 Helsinki. 1990.

Ирма Ивановна Муллонен

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
 г. Петрозаводск*

ВИЛЬЕ НИССИЛЯ И ТОПОНИМИЧЕСКАЯ НАУКА В КАРЕЛИИ*

Научное исследование ономастики в Карелии началось в 1970-х годах, при этом началось не на пустом месте. Добротной основой послужили те публикации, которые принадлежат перу финляндских ученых, начиная с А. Шегрена, Д. Европеуса, позднее Е. А. Тункело, Яло Калимы. Однако наиболее значителен вклад Вилье Ниссиля, которого по праву можно считать основателем научного исследования финской топонимии. Он стоял и у истоков карельской ономастики. В 1940–1970-е годы им подготовлено одно монографическое исследо-

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

вание, а также целый цикл статей, посвященных топонимии и антропонимии южной Карелии. Кроме того, карельский материал представлен – в качестве сопоставительного – и во многочисленных исследованиях Ниссиля по финской ономастике, и прежде всего в известной обобщающей монографии «Suomalaista nimistöntutkimusta» [Nissilä 1962]. Отдельно стоит отметить и его изыскания, посвященные поискам истоков этнонима *karjala* [Nissilä 1962a], а также большой блок публикаций по топонимии Карельского перешейка и северо-западного Приладожья – территории формирования древней корелы, обобщены позднее в монографию «Топонимия финляндской Карелии» [Nissilä 1975].

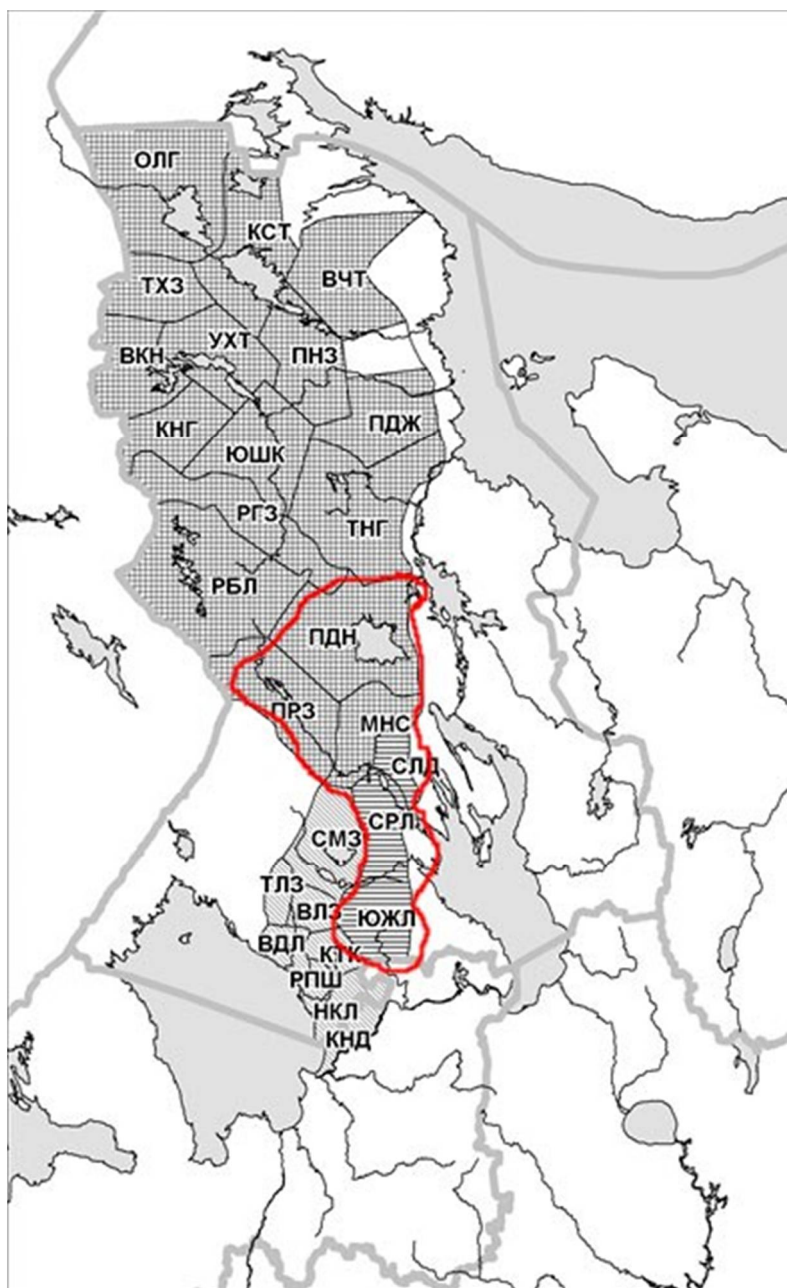

Рис. 1. Примерная территория топонимических экспедиций В. Ниссиля летом 1943 года

Собственно, исследовательская работа В. Ниссиля и началась в 1930-х годах с изучения топонимии Карельского перешейка и уже в 1939 г. увенчалась защитой докторской диссертации, анализирующей топонимию бассейна реки Вуоксы [Nissilä 1939]. Видимо, данное обстоятельство и предопределило то, что в 1943 г. В. Ниссиля был направлен военным командованием Финляндии в Карелию для сбора географических названий в оккупированных районах. Ставилась задача сбора топонимов для составления карт, однако, будучи специалистом-ономастом, В. Ниссиля добился разрешения вести фронтальный сбор назва-

ний, включая всю их совокупность – от макро- до микротопонимов. В течение 2,5 месяцев летом 1943 г. он вел интенсивный сбор топонимии в ареале расселения карелов-людиков, начав с Кондопожского района, откуда переместился севернее, на территорию тогдашнего Медвежьегорского района, основная часть населения которого была в эвакуации, и только в трех карельских деревнях (Плаккуваара, Кумозеро и Мяндусельга) оставались местные жители. Сбор был продолжен далее на пограничной людиковско-собственнокарельской территории в деревнях Петровского района Юостозере, Поросозере, Янгозере, Святнаволоке, в которых было незначительное население, по разным причинам не уехавшее в эвакуацию. Продвинувшись на север, в течение недели Ниссиля работал среди сегозерских карел. Заехав на несколько дней в Петрозаводск, он затем продолжил обследование людиковской территории на ее западных рубежах, в течение месяца объехав и обойдя мунозерских, пряжинских, святозерских и михайловских людиков. В завершение было предпринято знакомство с топонимией людиковских поселений, расположенных в окрестностях Петрозаводска – Видан, Заозерья, Логморучья, Ялгубы (Рис. 1). Картотека собранного за этот период материала составила 7000 топонимов (12500 фиксаций) [Virtaranta 1973]. Планировалось, что в следующем году работы будут продолжены на территории проживания прионежских вепсов, однако этому не суждено было сбыться: в 1944 г. был подписан российско-финляндский мирный договор, и оккупированная Карелия освобождена. Вепсский материал собран главным образом от прионежских вепсов, оказавшихся в лагере военнопленных в Пиексамяки (Финляндия), а также воевавших на стороне Финляндии в специальном батальоне, состоявшем из представителей финно-угорских народов. Это немногим более 2000 топонимов. Ценность собранного материала, особенно людиковского, очевидна: он дает представление о системе топонимов, бытовавшей в довоенное время, сохраняет для истории и науки ряд названий, которые уже не удалось зафиксировать карельским исследователям позднее, позволяет в определенной степени проследить процесс развития топонимической системы и происходящие в ней изменения. Следует, правда, признать, что материал этот не столь обширен, как можно было бы ожидать¹. Очевидно, сказались условия военного времени, в первую очередь, малочисленность населения на оккупированной территории.

Именно этот материал и послужил основой для научных изысканий, в которых воплотилась одна из основных особенностей методики В. Ниссиля и в целом финляндской топонимической школы: исследование должно опираться на солидную источниковую базу, за ним должны стоять убедительные полевые данные. К сожалению, этому принципу далеко не всегда следует российская ономастика, где не так много надежных солидных картотек, и это значительно ограничивает возможности исследования. Карелии в этом отношении повезло: опираясь на опыт Вилье Ниссиля, карельские ономасты с самого начала в качестве одной из первостепенных задач ставили перед собой сбор топонимии и создание научной картотеки. В результате сейчас Научная картотека топонимов Карелии насчитывает более 100 000 топонимов. Сбор продолжается в ежегодных полевых экспедициях.

Материалы В. Ниссиля хранятся в Хельсинки в Топонимическом архиве (Nimiarkisto) – одном из подразделений Центра родных языков Финляндии (Kotimaisten kielten keskus). В течение почти десяти лет он возглавлял этот архив, в котором помимо карельской картотеки находятся и другие коллекции собранных исследователем топонимов. Его по праву считают самым активным собирателем топонимии Финляндии, в общей сложности им собрано более 60 тыс. топонимов [Kepsu 1983]. В Топонимическом архиве находится и коллекция из нескольких десятков фотографий, снятых в военное время в Карелии, а также полевые дневники собирателя. Видимо, условия военного времени сказались на том, что записи довольно лаконичны и сдержанны. Тем не менее, в них немало интересных наблюдений, пусть и брошенных вскользь, о жизни карельской деревни, об элементах традиционной культуры, о людях. Ниже представлен в качестве примера фрагмент записи от 1 июля 1943 г.: «... со старо-

¹ Для сравнения: список топонимов собственно людиковской территории, собранный в ходе полевых экспедиций и хранящийся в картотеке ИЯЛИ КарНЦ РАН, включает более 7 тыс. названий – приблизительно столько, сколько удалось выявить В. Ниссилю на всей обследованной им территории.

стой Антоном Боккоевым отправляемся в деревню Лижозеро, до которой путь недалекий: 3 км по суше и 1 км по воде. Идем мимо каменных ровниц, старой кузницы и вскоре поворачиваем на лижозерскую дорогу, которая петляет между перелескам, небольшими покосами и болотами, выводя на берег в Науманранта [дер. Наумовы – *И. М.*], где прежде было два дома. Они перевезены в дер. Лижозеро, осталась только красивая ель, которая помечает место переправы через пролив. К ели прислонен обломленный крест, такие устанавливались в Карелии у переправ. На кресте еще можно различить дату – что-то около 1770-х годов».

Первая работа В. Ниссиля по проблемам топонимии российской Карелии вышла в начале 1943 г., летом которого, напомним, он оказался у людиковских карел. Статья, посвященная отражению православного именослова в топонимии Карелии, не могла, таким образом, быть результатом экспедиции. И действительно, автор указывает, что материалом послужил, прежде всего, «Список населенных мест Карельской АССР по сведениям 1926 г.», в котором, наряду с официальными русскими, приводятся карельские и вепские названия поселений [Nissilä 1943]. По всей видимости, автор был не вполне удовлетворен своей статьей, поскольку возвращается к теме через несколько лет в публикации 1947 г. [Nissilä 1947]. Основных причин две: к этому времени в его распоряжении уже имелся полевой материал, который, во-первых, значительно превышал данные письменных источников, во-вторых, выявил ряд ошибок, неточностей, описок в передаче карельских и вепских ойконимов в «Списке населенных мест», бывшем главным источником первой статьи. Блок из этих двух публикаций является и сегодня важнейшим источником сведений о карельском и вепском православном именослове. Попадая из русского языка, причем, через севернорусские диалекты, в прибалтийско-финскую среду, личные имена подвергались значительному изменению. В них далеко не всегда открыто просматривается тот русский оригинал, который лежит в их основе. Вилье Ниссилье удалось собрать воедино сотни имен и их вариантов и применить эти сведения к этимологии топонимов Карелии, среди которых, прежде всего, наименования населенных мест – как тот класс топонимов, который по определению восходит к антропонимическим основам. В таком обширном материале есть, естественно, некоторые неточности. К примеру, автор склонен связывать основу *Juš-*, выступающую в ряде наименований вепских поселений (среди них южновепская деревня *Jušk* с русским соответствием *Юшково*, средневепская деревенька *Jušimägi* в кусте поселений Ладва, а также деревня *Jušag'* в Шимозере), с вепской реминисценцией русского имени Осип [Nissilä 1947: 21]. Между тем, речь идет о вепском *Juš*, *Juša*, *Jušoi*, восходящем к севернорусскому производному *Юша* от календарного имени Иван. Не вполне корректно искать русские антропонимные истоки для северновепской фамилии *Bošakohne* (рус. *Бошаков*) [Nissilä 1943: 51], логичнее исходить из собственного вепского нехристианского антропонима **Bošak*, в основе которого соответствующий апеллатив *bošak* 'баран'. Однако отдельные неточности не понижают значения работ. В них впервые предложены этимологии многих наименований населенных мест Карелии, ставшие уже классическими: карельское название села Пряжа *Teru* связано с карельским христианским именем *Tero*, *Teroi*, восходящим, в свою очередь, к русскому Терентий, соответственно название села *Dessoilu* (в русском звучании Эссоила) к карельскому *Jessu* ~ *Dessu* из русского Ефим [Nissilä 1943: 74, 59]. В. Ниссиля обращает внимание и на некоторые ойконимы русской Карелии, которые, по его мнению, имеют в основе карельский антропоним и, следовательно, свидетельствуют о карельском прошлом современных русских поселений. Эту принципиально важную для Карелии – зоны традиционных прибалтийско-финско-русских контактов территории – мысль подтвердим только одним примером – названием деревни *Патрово*, входящей в состав заонежского русского села Фоймогуба. Ниссиля предположил, что в основе топонима карельский вариант русского календарного мужского имени Патрикий [Nissilä 1943: 69], и был совершенно прав. Дело в том, что в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. по Шунгскому погосту среди жителей Фоймогубы упоминаются два новых жителя – Манулко да Иванко Патракеевы, чье родовое имя в карельском виде *Patro* и породило ойконим *Патрово*. Примечательно, что эта же писцовая книга отмечает в Фоймогубе еще несколько новых поселенцев с карельскими родовы-

ми именами, каждое из которых обнаруживается среди названий фоймогубских деревень: Кипр Иванов Кярзин – деревня *Кярзина*, Ушак Пекуев – деревня *Пековка*, Якимко Яковлев Лопакон – деревня *Лопакон*. Заманчиво предполагать, что в этом ономастическом факте отразился приток нового карельского населения в район заонежской Фоймогубы в XVI веке.

Следует отметить, что Вилье Ниссиля неоднократно подчеркивал роль личных имен в рождении географических названий. Известный славист Яло Калима, выступавший оппонентом на защите докторской диссертации Ниссиля, считал даже, что диссертант слишком увлекается антропонимической составляющей топонимии [Virtaranta 1973: 16]. Однако как топонимист Ниссиля был прав: становление прибалтийско-финской топонимии происходило в процессе земледельческого освоения, которое прямым образом увязано с человеком – субъектом владения и использования земли. Поэтому отантропонимные географические названия составляют весьма значительный слой топонимов: в финской топонимии около 10% [Kiviniemi 1990], в карельской примерно 15% [Kuzmin 2014: 56], а в вепсской даже до 18%. Не случайно поэтому уже на закате своей научной деятельности Вилье Ниссиля вновь обращается к проблеме отражения в карельской топонимии именований людей [Nissilä 1973]. На этот раз объектом анализа становятся наименования ливвиковских, или олонекских поселений. Работа основана на большом полевом материале, в котором помимо ойконимов представлены многочисленные микротопонимы – названия сельхозугодий, водных и орографических объектов. Материал, во-первых, убеждает еще раз в важности православного ономастикона для образования топонимов, во-вторых, отражает удивительное разнообразие карельских народных вариантов православных имен. Мужское имя Михаил зафиксировано в материалах В. Ниссиля почти в 30 вариантах (*Mihki, Miikhkali, Miikoi, Mikka, Mikušša, Mišukka* и др.), Василий почти в десяти. Многие из отмеченных в этом материале вариантов имен уже вышли из активного употребления, так что Ниссиля на самом деле сохранил для науки и культуры один из элементов традиционной карельской культуры. В этой же статье автор делает интересное наблюдение об истоках наименований поселений, в которых карельский антропоним оформлен суффиксом *-la* и его фонетическими вариантами *-l*, *-lu* (типа *Meloilu, Isakkal, Ahpoilu* и др.). Этот тип названий представлен преимущественно в долинах рек, где почва отличается плодородием, так что в действительности он может рассматриваться как некий маркер земледельческого освоения, для которого как раз характерны отантропонимные основы в топонимах. При этом генезис ойконимов *-l*-ового типа показывает, что поселения выросли из одиночных домов [Nissilä 1973: 271], так что название деревни *Meloilu* первоначально значило ‘место, где живет семья Мелоя, т.е. Мелентия’, а *Ahpoilu* соответственно ‘место жительство Ахпоя, или Агапия’.

Понятно, что топонимия состоит не только из антропонимных основ. Прекрасным подтверждением служит одна из лучших «карельских» статей В. Ниссиля, появившаяся в середине 1950-х годов и посвященная т.н. «дорожной» топонимии, т.е. географическим названиям, маркирующим пути передвижения – от больших транзитных водно-волоковых путей, определявших с древних времен основные маршруты освоения территории Карелии, до местных дорог [Nissilä 1955]. Сила этой статьи в том, что в ней топонимический материал помещен в этнографический и исторический контекст. Автор выявляет целый ряд топонимических моделей, которые являются своеобразными дорожными метками: это топонимы с карельской основой *taibaleh, taival* ‘перешеек между двумя озерами; переход по лесной местности из одной деревни в другую’, *matka* ‘путь, расстояние’, которая в качестве топонимной основы помечает, как правило, начало сухопутного участка на водно-волоковом пути; это, далее, основы *ehätys* и *huhuus*, которые привязаны к местам перевозов на озерах. Здесь путник разводил дымный костер или кричал, вызывая лодку из деревни на противоположном берегу. «Дорожными» метками в топонимии являются основы, восходящие к наименованиям разного типа лодок и судов, далее, основы, маркирующие места отдыха, помечающие половину пути, называющие разного рода мостки через болотистые низины, метки вдоль зимников и т. д. При этом автор всякий раз выявляет этнографическую основу их появления. Статья базируется в значительной степени на материалах, собранных автором в поле. В ней

встречаются некоторые характерные детали, связанные с его собственными передвижениями по Прионежью. Он упоминает, к примеру, о том самом придорожном кресте XVIII века, который описан выше во фрагменте из дневника. Исключительно интересны и несколько фотографий, сделанных автором в 1943 г. в людиковских деревнях, в них предстают деревня Лижмозеро, исчезнувшая уже с карты Карелия Прякка, а также местность *Kunatmatka* в окрестностях людиковского Кончезера.

Автор активно оперирует данными исторических источников, например, материалами средневековых писцовых книг, и литературы, среди которой работы В. Майнова, В. Мегорского, С. Гадзянского и др. на русском языке. В. Ниссиля относился к тому поколению финских исследователей, для которого знание русского языка и использование русских источников было естественным.

Поскольку основу полевых материалов Ниссиля по карельской топонимии составляют сборы, осуществленные в ареале проживания карелов-людиков, к людиковской топонимии автор обращается в своем научном творчестве неоднократно. Показательный пример – небольшое исследование о топонимии людиковского села *Kuwjärvi* – Михайловское [Nissilä 1947]. В нем автор ставит цель доказать на материале топонимии вепское прошлое этого расположенного на северном берегу Свири карельского-людиковского поселения, которое оказалось отрезанным от основной вепской территории русским освоением, продвигавшимся в начале второго тысячелетия н.э. из Новгорода вдоль Свири на север, и попало под мощное карельское влияние. Он обнаруживает в области фонетики и морфологии ряд признаков, объединяющих людиковский диалект с вепским языком. Они есть, по мнению автора, и в словообразовании, во всяком случае, и в вепской, и в людиковской топонимии получили распространение наименования поселений с коллективными суффиксами *-veh* и *-žim*. Кроме того, в топонимии Михайловского куста поселений используются некоторые характерные вепские топоосновы (например, люд. *kuar* из вепс. *kar* ‘небольшой залив’) и в то же время отсутствуют некоторые сугубо карельские термины. Может, на современного исследователя наблюдения Ниссиля в области вепско-карельского контактирования и не произведут особого впечатления, однако надо помнить, что полстолетия назад этногенез карелов-людиков был далеко не столь очевиден. Наблюдения Ниссиля, безусловно, внесли свой вклад в формирование современного взгляда на людиковскую проблематику. Он попытался выявить некие критерии для вепско-карельской топонимической дистрибуции, а эта проблема остается актуальной и сейчас.

На полевых материалах, собранных во время войны, основано и обширное исследование автора «*Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes*» [Nissilä 1967], в котором предложена этимологическая интерпретация сотен ойконимов – названий населенных мест – территории проживания карелов-людиков. Среди них наименования таких широко известных объектов, как порог *Кивач* (карел. *Kivačču*) на реке Суне, для которого у Ниссиля два возможных карельских этимона: или прилагательное *kiivačču* ‘бурный, быстрый’, или производное от существительное *kivi* ‘камень’. У обеих этимологий есть право на существование, хотя первая кажется более предпочтительной: «каменистость» не является отличительной особенностью *Кивача* на фоне других порогов Суны – *Гирваса* и *Порпорога*, да и гласный *a* во втором слоге при второй интерпретации представляет некоторую проблему. Первая же этимология находит и семантическую, и этимологическую, и фонетическую поддержку со стороны названия другого известного карельского порога – *Кивакка* (карел. *Kivakka*, *Kivakkakoski*, ср. карел. *kivakka* ‘бурный, стремительный’) на реке Оуланка, протекающей на севере республики. Кстати, в словарной статье, посвященной Кивачу, в ряду других карельских и вепских топонимов Ниссиля упоминает и порог *Kivakkakoski*.

Привлекает интерпретация названия города *Кондопога* (карел. *Kompohd* < **Kondpohd*), возникшего в предвоенные годы на месте старинной карельской деревни. В названии Ниссиля устанавливает два элемента: *kond* ‘крестьянский дом с окружающими его землями’ (в условиях севера это, как правило, однодворная деревня) и *pohd* ‘дно, конец

(напр., залива)'. *Кондопога* – это, таким образом, 'конец залива, на берегу которого стоит односторонняя деревня'.

Ниссиля обнаруживает на людиковской территории и несколько топонимов с саамскими истоками, среди них название пригородной петрозаводской деревни *Сулажгора* (карел. *Suolužmägi*), которое восходит к наименованию той самой большой горы, на которой стоит поселение. В нем закрепился саамский географический термин *suolo, suoluž* 'остров'.

Целый ряд этимологий топонимов людиковской территории воспроизведен позднее карельскими исследователями Н. Н. Мамонтовой и Г. М. Кертом в хорошо известном в Карелии научно-популярном издании «Загадки карельской топонимики» (1982): *Видана, Гирвас, Кивач, Кондопога, Кончезеро* (карел. *Kendärvi*), *Онежское озеро, Пряжа, Сулажгора, Суна, Шуя*. Понятно, что по мере того, как накапливается новый материал, расширяется понимание механизмов рождения и функционирования топонимов, часть старых расшифровок не может уже в полной мере удовлетворять и уступает место новым. Ниссиля расшифровывал в свое время название людиковской деревни *Янишполе*, расположенной при впадении реки Суны в Онежское озеро и уже в значительной степени обрусевшей к 1940-м годам, как полукальку, в основе которой карел. **Dänižpeld* 'Заячье поле', при *peld* 'поле' [Nissilä 1967: 27–28, Керт, Мамонтова 1982: 26, 33]. На самом же деле карельский оригинал выглядел, скорее, как **Dänižpuoli*, в котором второй элемент *-puoli*, перешедший в русском употреблении в *-поле*, значит 'сторона, край', а в первом отразилось карельское название Онежского озера. Из 'Заячьего поля' получилась 'Онежская сторона', т. е. та сторона обширного гнезда поселений Суна, которая прилегает к Онежскому озеру. Нашу интерпретацию поддерживает целый ряд топонимов со вторым элементом *-поле/-поль* на территории Прионезья, из которых наиболее показательны для данного случая наименования двух деревень, входящих в состав заонежского куста поселений Вегорукса: *Янишполе* или *Вянишполе* и *Рамполе*, из которых первая тяготеет к побережью Онежского озера (и расшифровывается соответственно как 'Онежская сторона'), а вторая к берегу Вегорукского залива (соответственно из карельского 'Береговая сторона').

В свою очередь, известное людиковское село *Kuwjärv* (рус. *Мухайловское*) получило свое название по наименованию озера, в котором, как считает автор, на стыке морфем произошло упрощение, затушевавшее первоначальный облик **Kuivjärv* 'сухое озеро'. В качестве доказательства он приводит примеры подобного фонетического развития в других топонимах, в частности, вепсских. Однако, очевидно, мимо его внимания прошло то обстоятельство, что озеро называется в материалах писцового дела XVI в. *Гулк-озером* или *Гулк-озерком* [ПКОП: 87–88], что позволяет возводить топоним к широко известной саамской топооснове, в истоках которой саам. **kukkē, guk'ke, kukke, ku'kk* 'длинный', Она многократно представлена в нашем регионе в наименованиях длинных, т.е. вытянутых по форме озер, к каковым относится и оз. *Kuwjärv* (Рис. 2). Показательно, что в местной карельской традиции озеро иногда называют *Pit'kjärv* (*pit'k* 'длинный, долгий'), а на современных картах по-русски оно называется *Долгим*. Не вполне понятно, насколько длительна эта традиция и возникло ли русское название самостоятельно, сообразно форме озера, или с опорой на древнее саамское название. На картах Генерального межевания 1780–1790-х годов озеро названо *Долгим* (<http://maps.karelia.ru/mez>).

Рис. 2

В поле зрения В. Ниссиля попало и название старого людиковского села Ялгуба, уже практически обрусевшего к 1940-м годам. Оно опирается на название залива Онежского озера, для которого Ниссиля предлагает реконструкцию *Jal-lahti* < **Jalglahiti*, при люд. *jalg* 'нога' [Nissilä 1967]. Узкий длинный залив действительно напоминает по форме ногу, а с учетом того, что всевозможные соматические топоосновы обычны и в географической лексике, и в топонимии, предложенная интерпретация кажется

вполне обоснованной. Однако в действительности топоним *Ялгуба* < *Jallahti* следует рассматривать в связке с названием соседнего залива *Пиньгуба* (Рис. 3), карельский оригинал которого, к сожалению, зафиксировать уже не удалось. В. Ниссиля приводит топоним без этимологии, видимо, не сумев расшифровать его истоки. Между тем, с учетом известного в Заонежье правила преобразования карельского дифтонга *ie* в русской звук *и*, в *Пиньгуба* восстанавливается карел. *pien(i)* ‘маленький’, т. е. *Пиньгуба* – ‘маленькая губа’. Соответственно соседняя *Ялгуба* – ‘большая губа’: топоним возник на основе старого прибалтийско-финского прилагательного *jalo* ‘большой’, утратившего в большинстве языков примарную семантику [SSA]. В топонимии Обонежья обнаружен целый ряд топонимов с основой *jalo*, и *Ялгуба* хорошо вписывается в него [Муллонен 2013].

Поправляя В. Ниссиля в деталях, надо, тем не менее, признать неизменность общих положений об устойчивости топонимов, что позволило автору доказать людиковское прошлое поселений, уже обрусевших к середине XX столетия, о близости людиковской и вепсской топонимии, об общих принципах номинации поселений, а также об основных этапах этноисторического развития людиковской территории, на которой сохранились древние топонимы, объединяющие этот край с Поволжьем (среди них речные наименования *Шуя*, *Шокша*, *Суна*¹ и некоторые другие), а карельскому освоению предшествует саамско-вепсское заселение края.

Как один из основоположников ономастической науки Вилье Ниссиля занимался разработкой теоретических вопросов в области исследования собственных имен. Показательна в этом плане одна из его ранних статей, в которой на материале карельской микротопонимии ставится проблема

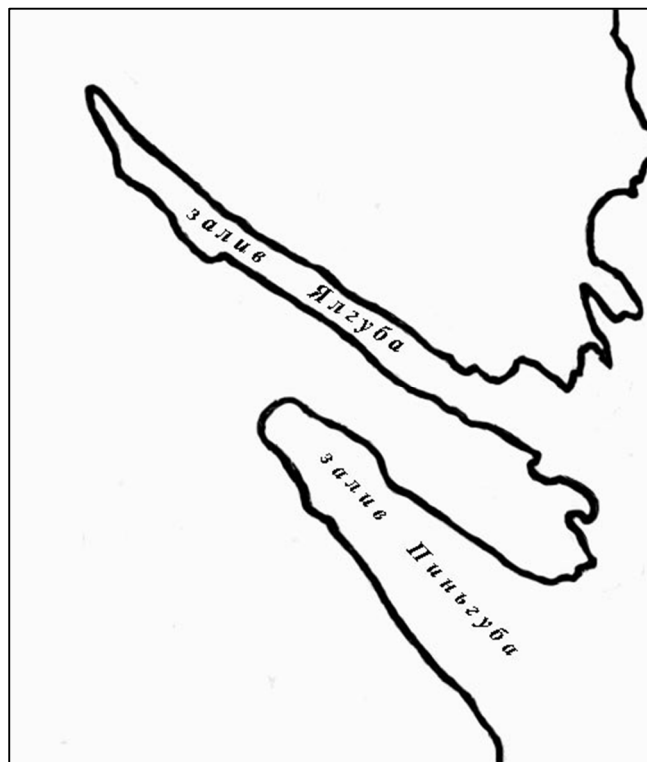

Рис. 3

рождения географического названия [Nissilä 1944]. Пожалуй, современный исследователь считает, что В. Ниссиля слишком прямолинейно решал вопрос происхождения топонимов, реконструируя всякий раз в их основе апеллятив: «каждый топоним имел первоначально апеллятивное значение» – и описывал реальные свойства называемого объекта [Nissilä 1944: 399]. Современная ономастика исходит из того, что первостепенное значение в ходе номинации имеют сложившиеся в топонимической системе той или иной территории модели названия – как структурные, так и семантические, которые служат своеобразной системой координат при рождении нового топонима. Последний подстраивается под нее, и поэтому совсем необязательно реконструировать в основе топонима апеллятивные истоки [Kiviniemi 1975], как это делает В. Ниссиля.

Тем не менее, нельзя отвергать, закономерность, которая, видимо, существует параллельно с моделями и которая убедительно подтверждена в работах В. Ниссиля десятками примеров микротопонимов Карелии: многие названия мест образованы путем абстрагирования т.н. «примитивных» топонимов – описательных предложных и падежных сочетаний типа *huaban al abai* ‘под осиной тоня’ или *lambižem piäl nurmed* ‘над озером покосы’. Из них возникли «полноценные» топонимы: дер. *Видана*, карел. *Viidan(a)* из **viidan al*, буквально ‘под ельником’, дер. *Подужемье*, карел. *Užmana* из **Užman al* ‘под (порогом) Ужма’ [Nissilä 1944: 405].

¹ Для топонима *Суна* не исключена саамская интерпретация [Муллонен 2002: 260–268].

Диапазон интересов Вилье Ниссиля включал и вопросы практической ономастики. Из наиболее существенных разработок в этом направлении – подготовленный в 1970 г. в соавторстве с Матти Сармела и Айно Синисало список названий поселений некоторых местностей с «финским» населением, расположенных за пределами Финляндии [Nissilä 1970] – в Карелии, Ингерманландии, Швеции, Норвегии и др. В списке предлагаются, в частности, финские варианты для карельских и русских ойконимов Карелии. Основные принципы нормализации были предложены В. Ниссиля десятью годами ранее [Nissilä 1958]. И хотя речь идет о передаче топонимов Карелии на финский язык, общие принципы унификации оказались востребованы в Карелии в последние годы в связи с созданием вепсской и карельской письменности. Нормирование языка предполагает и некий канонический список географических названий Карелии на карельском и вепсском языках, который должен включать, по крайней мере, наименования населенных мест и наиболее известных физико-географических объектов. На пути решения данной задачи встают многие проблемы, связанные с существованием названий в устной практике в целом ряде вариантов, неразработанностью правил передачи русских топонимов на прибалтийско-финские языки Карелии и др. Опыт В. Ниссиля в данном случае не оценим. К примеру, в целом обоснованными, не вызывающими возражений и применимыми к практике становления карельской нормированной системы географических названий представляются предложенные Ниссиля правила передачи на финский язык топонимов русских районов Карелии – Заонежья, Пудожья, Беломорья. На этой территории немало названий, имеющих карельские и вепские истоки, в которых уместно высветить и восстановить первоначальный прибалтийско-финский оригинал: *Кузаранда – Kuusiranta*, *Пертозеро – Perttijärvi*, *Кивручей – Kivoja*, дер. *Лобская Матка – Lapinmatka*. В том случае, когда в основе названия русский апеллятив, его позволительно перевести: село *Великая Губа – Suurlahti*, остров *Березовец – Koivusaari*, деревня *Наволок – Niemi* и др. Если же истоки названия затемнены, используется транслитерация: *Кажма – Kažma*, *Кижси – Kiiži*. Этот же принцип предлагается использовать при нормировании многочисленных отантропонимных наименований поселений, даже если они возникли когда-то на основе прибалтийско-финских антропонимов: дер. *Артова – Artova*, дер. *Микково – Mikkovo*.

В завершение обзора работ известного финского ономаста Вилье Ниссиля по топонимии Карелии следует еще раз подчеркнуть, что они сослужили добрую службу развитию ономастической науки в Карелии. Чаще всего именно со знакомства с исследованиями Ниссиля начинался путь в ономастику тех, кто сейчас работает в этом направлении в Карелии. На его работах мы учились понимать, что такое настоящее топонимическое исследование: оно должно основываться на добротном полевом материале; в нем следует использовать сопоставительные данные из родственных топонимных систем; необходимо опираться на методику сравнительно-исторического языкознания; в нем должны быть тщательно проработаны все детали, а результатом будет открытие, пусть даже небольшое. Спасибо за хорошую школу.

Литература и источники

Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Петрозаводск, 1982.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И. И. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепские ареальные исследования: Сб. ст. / Науч. ред. Зайцева Н. Г., Мызников С. А. Петрозаводск, 2013. С. 130–144.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Kepsu Saulo. Nimestäjän ja nimistöntutkijan matkaa: Viljo Nissilä täyttänyt 80 vuotta // Virittäjä. 1983. № 3. S. 305–317.

Kiviniemi E. Paikannimien rakennetyypeistä. Suomi 118:2. Forssa, 1975.

Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. SKST 516. Helsinki, 1990.

- Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014.
- Nissilä V. Vuoksen paikannimistö I. SUST 214. Helsinki, 1939.
- Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä // Virittäjä. 1943. № 1. S. 46–78.
- Nissilä V. Itä-Karjalan paikannimien appellatiivisista piirteistä // Virittäjä. 1944. № 4. S. 399–405.
- Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aiheista. Osa 104. Helsinki, 1947. S. 1–40.
- Nissilä V. Kuujärven paikannimistöä // Virittäjä. 1947. № 1. S. 13–19.
- Nissilä V. Itä-Karjalan matkanimistöä // Kalevalaseuran vuosikirja 35. Helsinki, 1955. S. 247–261.
- Nissilä V. Itä-Karjalan paikannimien kieliasun normaalistamisesta // Virittäjä. 1958. S. 193–203.
- Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. SKST 272. Helsinki, 1962.
- Nissilä V. Karjalan nimestä // Nimi ja asia. Juhlakirja Kustaa Viikunan 60-vuotispäiväksi 26.10.1962. Helsinki, 1962a. S. 149–171.
- Die Dorfnamen des alten lüdischen Gediets. SUST 144. Helsinki, 1967.
- Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // SUSA 72. Helsinki, 1973. S. 239–275.
- Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Nissilä V., Sarmela M., Sinisalo A. Ethnologisches Ortschafts- und Dorffregister des finnischen Sprachgebiets in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola. Studia Fennica 15. Helsinki, 1970.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992–2000 (SUST 556).
- Virtaranta P. Viljo Nissilälle 21.8.1973. Castrenianumin toimitteita 6. Helsinki, 1973.

Валентина Петровна Миронова

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

КАРЕЛЬСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА*

Эпическая традиция карелов с момента создания в республике Научно-исследовательского института всегда была одним из основных объектов изучения карельских фольклористов. На первоначальном этапе в течение нескольких десятилетий силами сотрудников и студентов велась активная фиксация карельских рун, позднее исследователи приступили к их постепенному рассмотрению. Первым академическим сборником, отражающим традицию рунопения, является книга В. Я. Евсеева «Карельские эпические песни» [Евсеев 1950]. Двухязычное собрание включает в себя 225 рун на различные сюжеты, зафиксированные во всех районах проживания карелов. Географический принцип классификации текстов дает возможность познакомиться с самостоятельными локальными традициями. Сборник снабжен обширным научным аппаратом: в примечаниях даются комментарии к сюжетам, указатель собственных имен и географических названий также выполняет пояснительную функцию. Кроме того, впервые приводятся подробные биографические данные сказителей. Настоящий сборник и на современном этапе не утратил своей актуальности.

Значительное место в теоретическом освоении карельских эпических песен принадлежит, несомненно, фольклористу В. Я. Евсееву. Фундаментальным трудом этого автора является двухтомник «Исторические основы карело-финского эпоса», первая книга вышла в 1957 году, вторая – в 1960 году. Исследованию предпослано обширное введение, посвященное рассмотрению ошибочных положений и концепций так называемой географо-исторической шко-

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР «Фольклорные традиции и рукописная книжность в общерусском и финно-угорском контекстах», № 0225-2014-0016.

лы фольклористики, основанной в начале XX века. Эта методика принуждала кропотливо искать и изучать все возможные версии и фрагменты исследуемой песни или даже всех вариантов песен любого сюжетного состава, не пропуская ни одного фрагмента. Однако конечный результат любого исследования «калевальских» песен был заранее задан: следовало показать, что песни зародились в юго-западной Финляндии и мигрировали оттуда тем или иным маршрутом на восток (в Ингерманландию) или на северо-восток (в Карелию).

В первом томе В. Я. Евсеев стремится выявить в рунах отражение социально-экономических процессов в период первобытнообщинного строя и в эпоху феодализма. Исследователь дает анализ семейно-родовых отношений, на примере рун прослеживает переход от матриархата к патриархату и анализирует архаичные формы семейно-брачных отношений. Основная его цель – раскрыть отражение различных исторических периодов в формировании карело-финских рун и найти в образах и мотивах историческую основу [Евсеев 1957]. Известный российский ученый Е. М. Мелетинский отмечал, что «книга ценна как своеобразный исторический комментарий к карело-финским рунам. Меньше внимания в ней уделено художественной стороне эпоса – образам, сюжетам и поэтическим особенностям. Карело-финский эпос рассматривается как зеркало истории почти на всем ее протяжении. Автор, к сожалению, не фиксирует момента сложения основного ядра эпоса, его важнейших циклов. Отдельные мотивы, детали, обороты часто рассматриваются в книге вне системы сюжета и образа... как отражение черт быта или исторических событий» [Мелетинский 1958: 164]. Такой подход невозможно применить к изучению устно-поэтической традиции, поскольку темы, мотивы, отдельные черты и детали вещественного мира архаики практически невозможно разложить по историческим периодам так, чтобы они отражали при этом социальные градации общественного развития.

Во втором томе монографии рассматривается дальнейшее развитие эпоса уже в условиях капиталистических отношений в деревне. К исследованию привлекаются также новины (или лиро-эпические новообразования), созданные в советское время. Значительное место уделяется анализу художественных форм, стиля, образов, поэтического языка рун, рассматриваются отдельные изобразительные средства, содействующие типизации художественных образов эпоса. Исследование в этом разделе дается в сравнительном плане – посредством сопоставления с материалами устной поэзии Коми, Удмуртии, марийского и мансийского песенного фольклора. В. Я. Евсеев отмечает, что своеобразие поэтического языка эпических рун на протяжении многих столетий изменялось, процесс проходил в тесной связи с трансформациями других песенных жанров карельского фольклора [Евсеев 1960]. На наш взгляд, наиболее слабой частью данной части монографии является то, что ученый не признает мифологического мышления и художественные приемы изображения действительности трактует в условно реалистическом плане.

Исследователь привлекает для анализа все локальные эпические традиции, особо выделяя южнокарельские сюжеты. Приводя в качестве примеров записи, сделанные от карелов-ливвиков, В. Я. Евсеев утверждает, что в песнях Южной Карелии преобладает влияние наиболее поздних эпох. При этом ученый не отрицает полностью возможности возникновения эпических сюжетов из древних мифов, но основное содержание, к примеру, южнокарельских рун, по его мнению, «отражает жизнь и борьбу трудовых масс в условиях развития феодальных отношений» [Евсеев 1957: 128].

Несомненно, эпоха, в которой жил и работал фольклорист, наложила отпечаток на его взгляды и суждения. В своей монографии В. Я. Евсеев пытался подтвердить правомерность марксистской теории исторического материализма и истории развития человечества.

Обусловленная своим временем, научная работа получила высокую оценку современников. Так, по мнению В. Сидельникова, «это обстоятельное исследование по вопросам эпоса. В ней затронуты также проблемы, разрешение которых важно не только для изучения карело-финского эпоса, но и для изучения эпоса других народов» [Сидельников 1961: 118].

В более поздней работе «Карельский фольклор в историческом освещении», вышедшей в 1968 году, В. Я. Евсеев рассматривает карельскую эпическую поэзию в рамках всей фольк-

лорной традиции. В главе, посвященной «калевальским» рунам, исследователь, придерживаясь своих прежних взглядов, пытается на примере песен воссоздать «чрезвычайно сложную картину смены разных проявлений почти всех общественно-экономических формаций, начиная от первобытнообщинного и родового строя и кончая советской эпохой» [Евсеев 1968]. В. Я. Евсеев анализирует множество сюжетов, мотивов и образов, но желание найти во всем отражение исторических событий порой приводит к противоречивым выводам.

В дальнейшем ученый продолжил изучение карельской эпической традиции: выходили многочисленные статьи, касающиеся этой проблемы, исследователь неоднократно выступал с докладами на различных всесоюзных и международных конференциях. Таким образом, В. Я. Евсеева по праву можно считать основоположником изучения эпической традиции в Институте ЯЛИ.

Позднее к рассмотрению традиции рунопения обращались практически все сотрудники сектора фольклора Института ЯЛИ КарНЦ РАН. На протяжении многих лет изучением эпических песен ижорцев, позже карелов занимался Э. С. Киуру. Этим исследователем была проделана большая работа по введению в научный оборот богатого эпического наследия карелов: на основе архивных материалов, а также опубликованных источников совместно с Н. А. Лавонен в 1985 году был подготовлен сборник «Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов» [Рода нашего напевы 1985]. Позже Э. С. Киуру обратился к изучению севернокарельской эпической традиции. Основным материалом для исследования послужили руны, опубликованные в первом томе сборника «Древние руны финского народа» [Suomen kansan vanhat runot 1908–1921]. В своих научных работах исследователь рассматривал миф о сампо, который стал стержневым при создании Э. Леннротом поэмы «Калевала» [Киуру 1986: 70–78], стремился проследить взаимодействие карело-финского и русского эпосов [Киуру 1989: 139–157], сопоставлял отдельные карельские руны с русскими былинами [Киуру 1991: 74–96].

При анализе некоторых вопросов Э. С. Киуру не охватывал все многообразие сюжетов карельской эпической традиции в целом, а останавливался более подробно на отдельном, наиболее распространенном сюжете, повествующем о героическом сватовстве и поисках жены. Первоначально исследователь анализировал только основные мотивы, входящие в состав указанного сюжета [Киуру 1989а: 108–136], рассматривал также отражение архаичных брачных обычаев в эпической поэзии [Киуру 1989б: 139–157]. Позднее севернокарельский сюжет о сватовстве был изучен им во всей совокупности мотивов и образов. В качестве самостоятельной монографии вышло исследование, в котором Э. С. Киуру рассмотрел сюжетную тему сватовства, попытался выявить истоки иносказания и поэтических образов, связанных с особенностями мифологического мышления и присущих ему форм реальной действительности. Большое внимание было уделено автором поиску параллелей мифологических мотивов в фольклоре других народов, в частности в русских былинах о сватовстве [Киуру 1993].

В дальнейшем при выявлении фольклорных истоков «Калевалы», Э. С. Киуру и А. И. Мишин анализировали многие сюжеты, мотивы и образы карельских эпических песен [Киуру, Мишин 2001], продолжая тем самым рассмотрение карельской рунопевческой традиции.

К изучению эпических песен карелов, в большинстве своем южнокарельской традиции, обращается А. С. Степанова. В развернутой статье «Эпические песни Южной Карелии» исследователем были определены основные этапы собирания песен от карелов-ливвиков и людигов, обозначены сюжеты и дан их краткий анализ, а также отмечены наиболее искусные рунопевцы [Степанова 1989а: 48–81]. Данная работа является первой публикацией, в которой южнокарельские эпические песни рассматриваются самостоятельно. В заключение автором были намечены также возможные проблемы исследования. В другой статье А. С. Степанова уделяет внимание одному из самых распространенных сюжетов «Сватовство в Хийтола» [Степанова 1989б: 372–374]. В указанной работе дана общая характеристика некоторых мотивов, раскрыта их семантика. Кроме того, в отдельных статьях были рассмотрены проблемы преемственности традиций в творчестве наиболее искусных южнокарельских исполнителей [Степанова 1986: 63–69; Степанова 1987: 74–90]. А. С. Степанова, долгое вре-

мя занимаясь исследованием карельских причитаний, при обращении к эпической поэзии отмечает некоторые схожие мотивы в этих двух архаичных жанрах устного народного творчества карелов. Появление параллелей дало возможность обратиться к поиску единых истоков [Степанова 2003: 165–175].

Основанием, подталкивающим к исследованию карельских эпических песен, являлись различные конференции, посвященные юбилеям выхода в свет поэмы «Калевала» и другим проблемам прибалтийско-финской филологии. На материале карельских эпических песен построен ряд статей Н. А. Криничной. Исследователь обращается к образу девы-лосося в карело-финском эпосе [Криничная 1986], рассматривает проблему магии слова в карельских эпических песнях [Криничная 2005а: 165–172], анализирует миф о сотворении мира [Криничная 2005b: 155–161] и мифологему перевоплощения персонажей [Криничная 2010: 118–128]. Являясь специалистом по русской мифологической прозе, автор публикаций раскрывает семантику наиболее архаичных мотивов и образов, проводя параллели между русской и финно-угорской традициями.

Карельским эпическим песням были посвящены некоторые статьи Л. И. Ивановой. В одной из ее работ с точки зрения композиционного построения рассмотрены песни на сюжет об изготовлении кантеле [Иванова 1993: 96–108], в другой – дана характеристика мифологических персонажей, встречающихся в карельской эпической традиции [Иванова 2000: 99–104].

В настоящее время эпическая традиция карелов также остается в центре внимания фольклористов Института ЯЛИ. Причем предметом изучения становятся новые сюжеты и образы, меняется и методика освоения материала. Автор настоящей статьи долгое время занималась рассмотрением южнокарельских эпических песен. В ходе этой работы в 2006 году был издан сборник «Эпические песни Южной Карелии» [Миронова 2006], а также подготовлена кандидатская диссертация «Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции» [Миронова 2011], в которой впервые представлено комплексное изучение названного сюжета с выявлением его этнолокальной специфики. Кроме того, в работе определены и рассмотрены основные структурные компоненты сюжета, проанализированы ключевые образы и коллизии в плане их истоков и семантики.

Одним из последних научных трудов, посвященных карельской эпической традиции, стало диссертационное исследование М. В. Кундозеровой «Концепт мироздания в карельских эпических песнях» [Кундозерова 2013]. Автор настоящей работы стремится выявить мифологические истоки, а также семантику сюжетов и мотивов в цикле рун, в которых изображается сотворение мира и структурирование мироздания.

Помимо фольклористов, к изучению карельской эпической традиции обращались и некоторые карельские языковеды. Известного лингвиста Д. В. Бубриха интересовала проблема генезиса карельских рун. В частности, ученый высказывал мнение о финских корнях карельских эпических песен. Исследователь мотивировал свою точку зрения тем, что «язык рун не соответствует живой карельской речи рунопевцев» [Бубрих 1933]. Позже ученый пересмотрел свои выводы, подчеркивая, что «язык отвечает тем местностям, где они записаны» [Бубрих 1950], а значит, эпические песни имеют карельские корни. Заметим попутно, что современные ученые считают язык фольклора наддиалектным.

Карельские эпические песни в некоторой степени осваивались также с точки зрения стилистических особенностей, к этой теме в свое время обращался в своей статье М. М. Хямяляйнен [Хямяляйнен 1950].

В наши дни лингвистический подход к изучению карельских рун также остается актуальным, о чем свидетельствует появление исследований на эту тему. К примеру, некоторые виды функциональной синонимии в языке «Калевалы» рассмотрены А. М. Петровым в одноименной статье [Петров 2010: 358–368]. В данном случае мы посчитали возможным упомянуть и эту работу, хотя материалом для изучения является непосредственно поэма «Калевала». Однако следует заметить, что язык карельских эпических песен и язык «Калевалы» не имеют принципиального различия.

Литературоведы Карелии также не оставили без внимания тему карельских рун. Наибольший вклад был внесен, несомненно, Э. Г. Карху, который, рассматривая вопросы становления и развития литературы Карелии и Финляндии, обращается к фольклору карелов и финнов, прежде всего к рунам как основе литературного творчества. Наряду с другими особенностями карельских эпических песен ученый отмечает специфику поэтики и стиля [Карху 1978: 25–32].

Таким образом, на протяжении всего времени существования Института ЯЛИ карельские эпические песни оставались одним из основных аспектов изучения у исследователей разных направлений, по преимуществу, конечно же, фольклористов. Вокруг названной темы объединился целый ряд ученых, для которых основополагающим являлся поиск мифологических истоков рассматриваемых сюжетов, мотивов и образов, что позволило сформироваться и успешно функционировать карельской научной школе эпосоведов.

Литература и источники

Бубрих Д. В. Из истории Калевалы // Калевала: финский народный эпос / пер. Л. П. Бельского; под ред. Д. В. Бубриха. М.; Л.: Academia, 1933. 330 с.

Бубрих Д. В. Этническая принадлежность рун «Калевалы» // Труды юбилейной научной сессии, посвящ. 100-летию полного издания «Калевалы». М.: Наука, 1950. С. 142–151.

Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса: в 2 кн. / отв. ред. В. Я. Пропп. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Кн. 1. 1957. 336 с.; Кн. 2. 348 с.

Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л.: Наука, 1968. 203 с.

Евсеев В. Я. Карельские эпические песни. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 527 с.

Иванова Л. И. Южно- и среднекарельские эпические песни об изготовлении кантеле (к вопросу о сюжетных контаминациях) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. С. 96–108.

Иванова Л. И. Мифологические персонажи «Калевалы» и карельского фольклора, отражающие развитие народных верований от тотемизма через политеизм к монотеизму // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 99–104.

Карху Э. Г. От рун к роману. Петрозаводск: Карелия, 1978. 333 с.

Киуру Э. С. Миф о сампо // «Калевала» – памятник мировой культуры: материалы науч. конф., посвящ. 150-летию первого издания карело-финского эпоса. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 70–78.

Киуру Э. С. Мотив брачных испытаний в рунах о сватовстве // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 108–136.

Киуру 1989а – Киуру Э. С. О взаимодействии карело-финского и русского эпосов на уровне мифологических мотивов: препринт доклада. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1989. 24 с.

Киуру 1989b – Киуру Э. С. Отражение архаичных брачных обычаев в рунах о Лемминкяйнене // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1989. С. 139–157.

Киуру Э. С. Сватовство Коёнена и русская былина «Иван Годинович» // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 74–96.

Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах: к семантике поэтических образов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 132 с.

Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 246 с.

Криничная Н. А. К семантике образа девы-лососа в карело-финском эпосе // «Калевала» – памятник мировой культуры: материалы науч. конф., посвящ. 150-летию первого издания карело-финского эпоса. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 89–93.

Криничная 2005а – Криничная Н. А. Магия слова в карельских эпических песнях // Бубриховские чтения: проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2005. С. 165–172.

Криничная 2005b – Криничная Н. А. Мифологема сотворения мира и ее христианские трансформации (русско-карельские параллели) // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 155–161.

Криничная Н. А. Мифологема перевоплощения персонажей в карельских эпических песнях: предпосылки, ситуация, образы // «Калевала» в контексте региональной и мировой культур: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 118–128.

Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Петрозаводск, 2013. 18 с.

Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Петрозаводск, 2011. 22 с.

Миронова В. П. Эпические песни Южной Карелии = Aunuksen karjalazien eepizet rajot / сост., авт. вступ. ст., коммент. и пер. В. П. Мироновой; ред. кар. текстов В. Д. Рягоев. Петрозаводск: Периодика, 2006. 446 с.

Мелетинский Е. М. Исторические основы карело-финского эпоса // Советская этнография. 1958. № 4. С. 162–164.

Петров А. М. Некоторые виды функциональной синонимии в языке «Калевалы» // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 358–368.

Рода нашего напевы: избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / изд. подгот. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен; науч. ред. Э. Г. Карху. Петрозаводск: Карелия, 1985. 583 с.

Сидельников В. Ценный труд // На рубеже. 1961. № 6. С. 117–119.

Степанова А. С. А. Ф. Никифорова – сказительница и плакальщица // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 74–90.

Степанова А. С. К вопросу о традиции и преемственности (южнокарельские рунопевцы рода Муйлачёвых) // «Калевала» – памятник мировой культуры: материалы науч. конф., посвящ. 150-летию первого издания карело-финского эпоса. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 63–69.

Степанова А. С. Поэзия калевальской метрики и причитания // Карельские плачи: специфика жанра. Петрозаводск: Периодика, 2003. С. 165–175.

Степанова 1989a – Степанова А. С. Эпические песни Южной Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989. С. 48–81.

Степанова 1989b – Степанова А. С. Эпические песни южных карел: сюжет «Сватовство в Хийтола» // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 372–374.

Хямяляйнен М. М. О лексике карельских рун // Труды юбилейной научной сессии, посвящ. 100-летию полного издания «Калевалы». М.: Наука, 1950. С. 152–165.

Suomen kansan vanhat runot. 1: Vienan läänin runot / julkaissut A. R. Niemi. 1–4. Helsinki, 1908–1921.

Людмила Ивановна Иванова

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ИЗУЧЕНИЕ ВЕПССКОЙ И КАРЕЛЬСКОЙ МИФОЛОГИИ В ИЯЛИ: ИМЕНА, НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВАЖНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

Научная школа (иногда говорят «направление» или «теория») объединяет исследователей, чьи труды основаны на общей научной концепции, близки по своей проблематике и мето-

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР «Фольклорные традиции и рукописная книжность в общерусском и финно-угорском контекстах», № 0225-2014-0016.

дологии. Российские академические школы традиционно во многом были связаны с западно-европейской наукой, применяли ее методы к русскому и ко всему славянскому материалу.

Мифологическая теория, видевшая истоки искусства и, в первую очередь, корни национальной культуры в мифологии, в древних народных верованиях, возникла в Западной Европе в начале XIX века, в период расцвета романтизма. Главный труд Я. Гримма «Немецкая мифология» дал название первому теоретическому направлению фольклористики. Русская *мифологическая школа* оформилась на рубеже 1840–1850-х гг. Ее основоположником был Ф. И. Буслаев [Буслаев 1861], трактовавший миф как форму народной мысли и народного сознания.

«Младшие мифологи» (школа сравнительной мифологии, самый известный представитель русской школы А. Н. Афанасьев [Афанасьев 1865–1860]) расширили сферу исследования мифов, привлекли фольклор и язык других индоевропейских народов, усовершенствовали метод, в основе которого лежало сравнительное изучение этносов.

Неомифологическая теория в Западной Европе и Америке оформилась в 50–60-х гг. XX в. Она основывалась на этнологических трудах конца XIX – первой половины XX в., связанных с разработкой антропологической концепции. Самым значительным было исследование английского ученого Д. Фрэзера, 12-томная книга «Золотая ветвь». На огромном материале Фрэзер показал мифологическую общность примитивных культур и попытался доказать, что в основе образного мышления современного цивилизованного человека лежат те же мифы.

Наиболее важным источником неомифологической теории было учение об архетипах швейцарского психиатра К. Юнга. Юнг выступил с идеей интуитивного постижения человеком опыта древних, содержанием которого являются общечеловеческие первообразы (архетипы). Согласно его теории, большинство сюжетов и образов фольклора и литературы восходят к символически переосмысленным архетипам, к мотивам древнейших мифов, которые «хранятся» у каждого человека в области бессознательного.

В 50–70 годах XIX века в международной фольклористике возникла *школа заимствований* или миграционная (А. Аарне, А. Н. Веселовский), а чуть позже, в конце века – почти чисто русское явление – *историческая школа*.

В Финляндии развивалась так называемая *финская школа* или географо-исторический метод, основателем которой был Ю. Крон, а продолжателями – его сын К. Крон, позже М. Хаавио. Путем сравнения различных вариантов, существующих в разных местностях, Ю. и К. Кроны пытались найти «праформу», а вместе с ней и «прародину» каждого сюжета и определить время его зарождения. Изучение фольклора сводилось к прослеживанию миграции сюжетных схем, к выявлению их «праформы», реальное существование которой оставалось недоказуемым.

В целом, многие работы финских ученых посвящены изучению и реконструкции божественного пантеона карелов и хяме (всего 24 имени), который впервые описал в 1551 году финский проповедник М. Агрикола. В 1789 году вышла «Финская мифология» К. Ганандера, исследования И. Аспелина и Г. Портана; позже – работы Юлиуса и Карла Кронов, М. А. Кастрена. В 1948 году выходит монография Уно Харва «Suomalaisen muinaisuskon tutkimus». Матти Хаавио в 1959 издает «Kajalan jumalat», а в 1967 – «Suomalainen mytologia». Одной из самых последних крупных работ является книга Анны-Леены Сиикала «Itämerensuomalaisen mytologia» [Siikala 2012].

В 1930-х годах географический и исторический подходы стали сменяться типологическими, как в Советском Союзе, так и в мире. Пришло время *антропологической школы*, выдвинувшей теорию самозарождения сюжетов. Именно она прокладывала путь современным представлениям о фольклорной типологии, то есть закономерной, универсальной повторяемости. Один из ее ярких представителей Б. Н. Путилов, считал, что целью историко-типологических изучений является не объяснение отдельных фактов, а установление закономерностей и обнаружение процессов.

Почти одновременное развитие в русской филологии второй половины XIX в. трех теорий (мифологической, заимствования и исторической) означало окончательное самовыражение *фольклористики как науки*, свидетельствовало о поисках ею собственного предмета и ме-

тогда. Разнообразие подходов говорило о попытках переживающей свое становление фольклористики охватить весь предмет как сложную систему многих жанров. Считается, что в первые десятилетия XX в. русская фольклористика окончательно самоопределилась как научная дисциплина, отделившись от других наук (этнологии, языкознания, литературоведения).

Но как показывает практика, некоторые фольклорные жанры, например, мифологическую прозу или заклинательную поэзию, изучать вне обрядовой культуры очень сложно.

В последние десятилетия исследованиями, связанными с фольклором и этнографией финно-угров, активно занимаются и в столичных институтах, например, Э. Г. Рахимова в ИМЛИ РАН успешно изучает карельские эпические песни и причитания [Рахимова 2001]. О. М. Фишман в Российском этнографическом музее исследует тихвинских карелов и, прежде всего, традиционную культуру старообрядчества [Фишман 2003]. В. В. Напольских (Институт социальных коммуникаций при УдГУ и Удмуртском институте истории, языка и литературы) является одним из крупнейших финно-угроведов Европы по широкому спектру тем, связанных с исторической уралistikой и мифологией [Напольских 1991].

В этой связи любопытно пронаблюдать, что *в мифологии как научной дисциплине представляло интерес для исследователей ИЯЛИ КарНЦ РАН.*

Совершенно неслучайно фольклористы и этнографы одно время работали в ИЯЛИ в едином секторе. Мифология, как жанр мифологического рассказа, так и сами народные верования и ритуалы, стали объектом разностороннего изучения. Практически никто из исследователей не прошел мимо, все в той или иной мере соприкоснулись с изучением религиозно-мифологических аспектов народной культуры. В основе современных исследований мифологии лежат разные методологические направления: сравнительно-исторические, сравнительно-типологические, лингвистические, текстологические, синхронно-описательные и т.д., в целом соответствуя комплексному подходу к предмету изучения.

Первые крупные труды по карельской и вепсской фольклористике и этнографии начали появляться только во второй половине XX века. К сожалению, в советский период, особенно когда в фольклористике господствовала историческая школа, практически было запрещено исследование народной ментальности, связанной с религиозно-магическими представлениями. Поэтому многие фольклористы и этнографы, чьи научные интересы были сопряжены с изучением верований карелов, вынуждены были многое недоговаривать и не прописывать в своих работах.

В. Я. Евсеев в соответствии с требованиями своего времени занялся исследованием карельской эпической традиции. На ее основании финны, например, реконструировали и исследовали весь свой божественный пантеон, а в «Исторических основах карело-финского эпоса» имеется только крохотная главка «Следы религиозно-мифологических представлений в рунах», где ее название говорит само за себя. В. Я. Евсеев не мог полностью отрицать существование древних верований в рунах, но писал, что «связь с религиозными представлениями более ясна в мифах, сказках и заговорах и менее ярко выражена в эпосе, так как сам эпос возник в процессе преодоления этих представлений» [Евсеев 1957: 143]. Во всех мифологических образах и мотивах он стремился или увидеть исторические аллюзии, или перевести их в арсенал поэтических тропов.

Э. С. Киуру в диссертационной монографии «Тема добывания жены в эпических песнях» выявил истоки иносказаний и поэтических образов, связанных с особенностями мифологического мышления, искал параллели между мифологическими мотивами в карельских ижорских рунах и русских былинах [Киуру 1993]. Он писал о том, что современные морально-этические нормы и взаимоотношения в обществе утверждаются на основе мифологических представлений.

Юго Юльевич Сурхаско, подготовив к середине 1970-х годов монографию по свадебной обрядности, в которой рассматривались «дохристианские религиозно-магические представления карельского крестьянства», вынужден был сократить ее, сняв многие материалы, касающиеся мифологических элементов, например, по лемби и в целом по любовной магии. В аннотации к его первой книге народные верования названы «пережитками древних форм

общественного и семейного быта» [Сурхаско 1977]. Но, несмотря на это, он, как прекрасный знаток народной обрядовой культуры и талантливый ученый, особое внимание уделил именно религиозно-магическим элементам семейной обрядности в обеих монографиях. Он подробно анализирует и христианские, и дохристианские верования, нашедшие отражение как в праздничных ритуалах, так и во всех сферах повседневной жизни карельского крестьянства. Ю. Ю. Сурхаско считает, что семейные ритуалы, складывавшиеся на протяжении столетий, именно «благодаря своей весьма значительной религиозно-магической основе ... отличались особым консерватизмом, ибо от того, насколько полно и правильно совершались обряды или, иначе говоря, насколько строго соблюдались регламентированные ритуалами стереотипы поведения участников, зависели, по народным представлениям, будущее счастье и здоровье новорожденного ребенка, благополучие и чадородие новобрачных, успешность перехода умершего в царство мертвых и степень его доброжелательности по отношению к живым родичам и односельчанам. В силу такого консерватизма семейные обряды, даже претерпевая... неизбежную эволюцию, сохраняли в целом свою самобытность», этническую специфику [Сурхаско 1985: 4].

Монография У. С. Конкка «Поэзия печали» была утверждена в печать в 1972 году, но по идеологическим соображениям была запрещена и вышла в свет на русском языке только спустя два десятилетия. Унелма Семеновна первая обратилась к жанру причитаний и считала, что «обрядовая поэзия служила богатейшим источником познания древних верований и миропонимания», а ее «содержание, порядок и мотивы определялись верованиями, на основе которых сложился обряд» [Конкка 1992: 7, 16].

А. С. Степанова нашла свой путь в изучении карельских верований не столько через ритуал, сколько через языковые особенности карельской свадебной и похоронной причети. Она, явившись, по сути, зачинателем лингвофольклористики в ИЯЛИ, обратилась к изучению поэтических особенностей языка сакрального общения с духами и усопшими, метафорического мира причитаний, выходя при этом на глубинные архаичные представления карелов [Степанова 1985, 2004].

Н. А. Лавонен подробно описала верования карелов, связанные с концептом стола, представила ритуал медвежьего праздника карелов, уделив большое внимание и фольклорным текстам, коснулась поклонения домашним духам и лесным хозяевам Тапиолы [Лавонен Петрозаводск 2000]. В монографии, посвященной карельской народной загадке, она отдельную главу посвятила исследованию магической и обрядовой функции загадок, впервые представив интереснейший образ Хозяйки Загадок (Arvautuksen Akka) и таинственную мифическую страну Хуйкколю, в которую отправляли тех, кто не знал отгадки [Лавонен 1977].

Отголоски древних мифологических воззрений интересовали и исследователя карельской и вепсской сказочной традиции Н. Ф. Онегину, особенно в волшебных и сказках о животных. Специальных статей по этому поводу у нее нет, но во многих работах встречаются некоторые ремарки.

Не прошли мимо самих мифологических рассказов и лингвисты. Тексты подобного содержания встречаются в сборниках и В. Д. Рягоева, и Г. Н. Макарова, и А. П. Баранцева. Множество интересных примеров, связанных с карельскими верованиями представлено у В. П. Федотовой во «Фразеологическом словаре карельского языка» [Федотова 2000]. Трудно не отметить кладезь по мифологическим представлениям карелов, который содержится в шеститомном словаре карельского языка, изданном в Финляндии [KKS 1968–2005]. У некоторых языковедов есть и статьи на ту тему. К примеру, И. И. Муллонен пишет, что топонимы Таivaznab(a) и Nabmägi «являют собой пример того, как мифологический мир накладывается на реальную картину местности» [Муллонен 1993: 6–7]. Работая под руководством опытных наставников в русле лингвофольклористики, молодые ученые ИЯЛИ исследуют язык вепсских обрядовых причитаний [Зайцева, Жукова 2012; Зайцева, Жукова 2014: 65–74], русских духовных стихов [Петров 2012: 120–133] и карельской поэзии пестования [Пеллинен 2013: 80–84]. Т. В. Пашкова занимается народной медициной карелов. При этом они также делают попытки выйти на глубинные слои мифологических воззрений народа.

В наше время особый интерес вызывают проблемы, связанные с возникновением и трансформацией исторических мифов. К примеру, *Е. Ю. Дубровская* пишет о мифологизации революционного прошлого через праздничную культуру первых лет советской власти [Дубровская 2015: 280–283].

Нельзя не вспомнить и литературоведов ИЯЛИ, в первую очередь *Е. И. Маркову*. В качестве основных направлений своей научной деятельности она указывает исследование финно-угорского текста в русском контексте и актуализацию архетипических моделей в художественном тексте.

Особо следует отметить литературные произведения, написанные сотрудниками ИЯЛИ и освещающие традиционный быт, культуру, ритуалы и верования народов, проживавших на Северо-Западе России. В 2012 году в свет вышла книга *Н. Г. Зайцевой* «*Virantanaz*» [Zaiceva 2012], которую автор презентует как *vepsäläine epos* ‘вепсский эпос’. Нина Григорьевна, как один из самых признанных вепсологов и финно-угроведов, прекрасный знаток языка и культуры вепсов, в своем произведении эпическими и лиро-эпическими средствами воссоздает уникальные страницы мировосприятия древнего народа. Описанные в ней события трехсотлетней давности представляют только небольшой отрезок из жизни вепсов, но в повествование, основанное на фольклорных мотивах и жанрах, включены лирические песни, свадебные и похоронные плачи, элементы заклинательной поэзии.

Литературовед *Е. Г. Сойни*, основываясь на исторических хрониках, скандинавских сагах и художественной литературе, написала пьесу «Оставайся в Биармии», на сюжет которой была создана рок-опера «Биармия» [Сойни 1997]. Погрузившись в древнескандинавскую поэзию, она возродила легенду, миф о древнем северном народе биармов. Пьеса рассказывает об их жизни, божествах, которым они поклонялись, об их легендарной стране, о слиянии суровой природы и высокого человеческого духа. В основе произведения лежит лирическая история любви дочери биармского шамана и поэта Эйнара Веселого Скальда, доказывающая, что человек должен ставить и ставит любовь превыше войны. В пьесе действуют и исторические персонажи, норвежские конунги Эйрик Кровавая Секира и Харальд Серая Шкура, сын Эйрика. В результате погружения в культуру древнего прафинно-угорского народа, с которым вступали в контакты древние скандинавы и ильменские славяне, Е. Г. Сойни написала удивительное произведение об одной из тайн северной земли, окутанной мифами.

И в связи с этим неизбежно возникает имя *Н. А. Криничной*, чьи работы по мифологии на протяжении последних трех десятилетий оказывали влияние не только на исследователей ИЯЛИ, но не остались незамеченными и среди многих мифологов России и мира. Именно Н. А. Криничная является первым и наиболее последовательным собирателем и исследователем жанра русской мифологической прозы в ИЯЛИ. Она первая начала целенаправленно изучать народные верования не через ритуал, а, в первую очередь, через фольклорный текст, через систему мифологических персонажей и хронотопов. Из-под ее пера вышло пять крупных монографий с непревзойденным научным аппаратом, посвященных этой теме, в результате чего жанр северно-русской былички может считаться наиболее полно и всесторонне изученным в ИЯЛИ [Криничная 2004]. Н. А. Криничная считала себя ученицей В. Я. Проппа, но во многом разделяла взгляды неомифологов, особенно учение об архетипах. Именно Криничная сделала попытку создать в ИЯЛИ свою школу по изучению мифологии. Академическое образование, глубокие и всесторонние знания, опыт и собственное неиссякаемое трудолюбие позволяли ей это сделать. Хорошая научная школа повышает статус любого учреждения. Н. А. Криничная оказала существенное влияние на становление исследовательской деятельности как фольклористов (даже тех, кто занимается жанрами, далекими от мифологии), так и некоторых других ученых нашего института. Именно под руководством Н. А. Криничной защитила диссертацию *М. В. Кундозерова* по теме «Концепт мироздания в карельских эпических песнях», что, безусловно, наложило печать и на методику исследования и на подачу материала, в первую очередь, с мифологической точки зрения [Кундозерова 2013]. Кундозерова пишет о сотворении и обустройстве земного и небесного мира, подробно анализирует мифологему мирового древа в карельских рунах, которая вызывает неоднозначные вопросы у современных

фольклористов-финноугроведов и в дальнейшем требует новой доказательной базы [Кундозерова 2014, Кундозерова 2015]. Дальнейшее развитие получают темы по иным мирам карельской мифологии (см. напр. [Иванова 2011]).

В. П. Миронова завершила свою диссертацию также под руководством Н. А. Криничной. И в ней значительное внимание уделено мифологическим мотивам [Миронова 2005], как в построении сюжета «Сватовство в мифической стране Хийтола», так и в его образной и поэтической системе. Она исследует концепт границы между мирами в карельских эпических песнях, подробно анализирует иной мир Хийтолы и его представителей [Миронова 2008].

А. С. Лызлова начинала писать диссертационную работу также под руководством Н. А. Криничной. В ней она обратилась к изучению мифологической основы сказочной коллизии, связанной с похищением женщины. По ее мнению, в подобных сказках сохраняются отголоски представлений о возможном браке человека с когда-то почитаемыми животными, небесными светилами и природными явлениями, а также с персонажами, являющимися олицетворением смерти. Сказочная ситуация о похищении женщины, кроме того, «сопоставима с древнегреческим мифом о Персефоне, пребывание которой во власти Аида имеет сезонный характер» [Лызлова 2011: 16]. Но в основе народной сказки А. С. Лызлова видит лубочную традицию, с чем категорически была не согласна Н. А. Криничная, искавшая в каждом жанре, в первую очередь, мифологические архетипы.

Безусловно, влияние Н. А. Криничной сказывается и на работах автора данной статьи как на исследовательнице карельской мифологической прозы. При изучении этого жанра иначе и не может быть, в его основе лежат древние мифологемы, архетипы и воззрения, обожествление природы и природных явлений, поклонение духам-хозяевам различных стихий. Это мемораты, информанты рассказывают их с безусловной верой в достоверность происходящего. Но при этом хочется подчеркнуть, что материал (как былички, так и заговоры и обрядовый фольклор), особенно записанный в конце XIX и в XX веке, демонстрирует синкретизм верований, когда на архаичную основу (обожествление природы, поклонение духам-хозяевам) наслаиваются более поздние и часто искаженные, христианские воззрения.

Монография «Персонажи карельской мифологической прозы» является первым комплексным научным исследованием в области карельской мифологии [Иванова 2012]. На основе мифологических рассказов и верований, а также заговоров, эпических песен, паремий и других фольклорных жанров, представлена картина архаичного мировосприятия карелов. Рассматриваются образы Кегри, Сюдю и Крещенской бабы, персонажей, связанных с календарной обрядностью. Анализируется мифологическая проза о духах-хозяевах двух природных стихий – леса и воды и некоторые обряды, связанные с ними. Раскрываются мифологические представления карелов о болезнях («нос леса» и «нос воды»), причины возникновения которых кроются в духовной сфере, в нарушении равновесия между миром человека и иным миром. Уделяется внимание и древнейшим ритуалам исцеления от этих недугов. В работе широко использованы типологические параллели мифологем, сформировавшихся в традициях других народов. Впервые в научный оборот вводится около четырехсот текстов карельских быличек, хранящихся в архивах ИЯЛИ КарНЦ РАН, с филологическим переводом на русский язык.

В 2014 году в Финляндии вышла книга, одна из глав которой посвящена любовной магии карелов [Иванова 2014]. Здесь впервые подробно исследуется одно из уникальных явлений карельской культуры *лемби* и сконцентрированные вокруг него ритуалы. Особое внимание уделено понятию *лемби*, своеобразной славутности, вследствие чего доказана широта не только гендерной и возрастной, но и функциональной области применения данного понятия. Изучены различные обряды поднятия *лемби*, время и локусы их использования, а также многочисленные заговоры, являющиеся одним из самых мифологических жанров и сопровождающие практически все ритуалы, в том числе и по любовной магии.

Первое комплексное исследование, посвященное карельской бане, выполнено на основе материалов, выявленных в архивах Республики Карелия и Финляндии с привлечением большого количества сведений этнографии, фольклористики, лингвистики, архитектуры

и других смежных дисциплин [Иванова 2016]. Большинство фольклорных текстов, переведенных на русский язык автором, вводятся в научный оборот впервые. Основное внимание уделено банным ритуалам и верованиям, бытовавшим у карелов в XIX и XX веках. Подробно рассмотрены обряды жизненного цикла, проводимые в бане, и любовная магия. Впервые исследуются архаические представления, на которых базируется народная медицина, взгляд карелов на истоки болезней и их персонификацию, в основе которых лежат мифологические архетипы; а также роль бани в процессе лечения различных недугов, сглазов и проклятий. Впервые подробно рассматриваются народные верования, связанные духами-хозяевами карельской бани, их визуальный код, время и место появления, а также их функции и этикет общения человека с банными духами-хозяевами. Мировоззрение карельского народа, связанное с банными ритуалами, изучается на основе многочисленных фольклорных жанров. В первую очередь, это мифологическая, суеверная проза и заклинательная поэзия, в меньшей мере – эпические песни, баллады, сказки и причитания, а также такие малые жанры как пословицы и загадки. В основе фольклорно-этнографического исследования лежат традиционные методы: типологический, сравнительно-исторический и сравнительно-типологический. Всестороннее изучение банного локуса, сакрального для карелов, позволило представить еще один аспект архаичного мировосприятия народа, демонстрирующего на обозримом этапе синкретизм языческих и христианских представлений.

Исследованием древних верований, реконструкцией ритуалов и архаичной картины мировосприятия карелов и вепсов занимаются и в секторе этнологии ИЯЛИ.

У А. П. Конкки в качестве одного из основных направлений научных исследований значится «религиоведение и мифология финно-угров и народов Севера Евразии». Исследователь занимается календарной обрядностью карелов, в том числе, рассматривает элементы древней религиозно-мифологической структуры, реконструирует обряды жертвоприношения на летних календарных праздниках. Он пишет о сакральной топографии и магически обрядах, проводимых в таких локусах. Особенно подробно им проанализированы святочные обряды и традиция ряженья у карелов разных этнолокальных групп, в связи с чем он обращается и к жанру мифологического рассказа и к анализу космогонических текстов в обрядах гадания. У него есть статьи, посвященные обрядам поднятия *лемпи/лемби* и культу медведя у карелов [Конкка 2015].

Главным трудом А. П. Конкки является монография, посвященная широко распространенному явлению-феномену *карсикко* или деревьям-знакам у прибалтийско-финского населения Северной Европы. Знаки на деревьях – от затесов на стволах и обрубания ветвей до вырезания на деревьях антропоморфных изображений – имели как чисто практическое, так и мифологическое, ритуальное значение, использовались для обозначения пространственных, временных, сакральных границ и состояний. В обрядовом контексте *карсикко* было связано с представлениями о духе-хранителе человека, функциями оберега и медиатора между мирами. Сравнительный материал из таежной зоны Евразии, который исследователь представил в своей работе, значительно расширяет границы явления и свидетельствует о его универсальном характере. А. П. Конкка теоретически обосновал возможность соотнесения мифологических и обрядовых структур (например, тех же представлений о мировом древе и конкретных обрядовых растительных символов), т. е. рассмотрел обрядовый символ как знаковый комплекс, в котором концентрируются мифологические представления о мире на различных уровнях от человека и его жизненной субстанции до прообраза всего мироздания.

И наконец, сегодня самым известным и ярким представителем мифологического направления в ИЯЛИ является И. Ю. Винокурова, д. и. н., заведующая сектором этнологии, автор более ста тридцати работ, в том числе четырех индивидуальных и трех коллективных монографий, Заслуженный деятель науки РК. Она единственная на протяжении нескольких десятилетий не только собирает уникальные фольклорно-этнографические материалы, но и последовательно изучает традиционную культуру и древние верования вепсов. В качестве основных направлений научных исследований она называет мифологию и религию, этнокультурные контакты на Северо-Западе России, междисциплинарную реконструкцию вепсской

народной культуры. Исследования проводятся не только на богатом этнографическом, но и по крупным собранному фольклорном материале с привлечением данных других смежных наук.

И. Ю. Винокурова, как и Н. А. Криничная, получила академическое образование, окончив в 1977 г. кафедру этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. В 1988 г. под руководством Т. А. Бернштам защитила кандидатскую диссертацию по теме «Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – нач. XX в.)». На основе собственных полевых записей и новой методики автору удалось восстановить традиционную праздничную культуру прионежских вепсов, самой обособленной и поздно сформировавшейся группы вепского народа, рассмотреть культурную специфику праздников, их типы и компоненты [Винокурова 1994, 1996].

В 2009 году И. Ю. Винокурова защитила докторскую диссертацию по теме «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)». Это был первый в российской науке опыт воссоздания важнейшего фрагмента в мировосприятии вепсов – традиционных мифолого-религиозных представлений о мире фауны. В монографии освещена проблема выделения «культовых животных» в свете современных религиоведческих понятий, воссоздана народная зоологическая классификация, включающая определение классов и подгрупп домашних и диких животных, разделенных по иерархическому принципу культовые-некультовые, определены основные критерии их выделения, рассмотрены религиозно-магические истоки и идеи, лежащие в основе зооморфных культов, выявлены негативные проявления и их причины в культурах животных тотемистического, промыслового и скотоводческого круга. При анализе культового комплекса И. Ю. Винокуровой удалось выявить особые культовые обряды, а также локальные отличия и отдельные пласты культурных заимствований (индо-европейские, русские). Важно, что реконструкция традиционных мировоззрений о вепсской фауне проведена с учетом исторической ретроспективы, так как, по словам автора, «в течение своего многовекового существования зоо-орнито-эндоморфные представления и культы, несмотря на свою относительную устойчивость, подвергались различным трансформациям, из которых наиболее характерен принцип наслоения» [Винокурова 2006: 28]: мифологические идеи о животных и их культы подверглись воздействию христианской религии со своими взглядами на мир фауны. Ею рассмотрены религиозно-мифологические представления о происхождении болезней в народной медицине вепсов и проанализированы особенности персонажей балтийского и русского происхождения в вепском мифологическом пантеоне. Ей удалось реконструировать этнокультурную историю вепсов Прионежья по данным мифологии и обрядности, изучить этнокультурные истоки и генезис вепсских мифологических персонажей, связанных с земледелием и культом огня, определить роль и место воды в вепсских мифологических представлениях о жизни и смерти, космогонические мотивы в вепском фольклоре. В одной из новых статей Ирины Юрьевны реконструируется небесная космография вепсов [Винокурова 2016].

Наконец, в 2015 году вышел в свет энциклопедический труд И. Ю. Винокуровой «Мифология вепсов» [Винокурова 2015]. Это первый опыт систематизации сведений по мифологии вепсов в жанре энциклопедии. Предмет исследования – мифология – рассматривается в широком смысле (как картина мира, система традиционного миропонимания, язык традиционной культуры), а так же во многих аспектах, таких как история изучения, генезис и историческое развитие, локальные разновидности. В работе тщательно выстроены все основные звенья вепсской мифологии, рассмотрены космогонические мифы и представления о загробном мире, определен мифологический пантеон вепсов от верховных божеств до представителей низшей мифологии, природных и домашних духов. Значительную часть энциклопедии составляет толковый словарь 369 мифологических терминов, которые автор выделяет в вепсской традиции и дает расширенную трактовку их глубинного архаичного подтекста. Свод знаний по вепсской мифологии включает также общую характеристику истории и культуры вепсов, историографический обзор предмета исследования, очерк о традиционном мировоззрении и мифологической системе народа, вепско-русский и русско-вепсский предметные указатели, библиографию.

Под руководством И. Ю. Винокуровой в настоящий момент готовятся кандидатская диссертация по традиционной обрядности и верованиям карелов-людигов и докторская по традиционной карельской медицине.

Таким образом, главная цель мифологической школы состояла в реконструкции и исследовании мифологии как свода текстов и ритуалов. Эта проблема в какой-то мере остается актуальной для национального фольклора и этнографии и на сей день. Миф, мифология, мифотворчество всегда будут привлекать к себе исследователей. Суть, значение этих терминов-понятий со временем трансформируется, как меняется и система персонажей. Возникают мифологические рассказы не только об НЛО, широко распространенные в Водлозерье и на Воттовааре, но мифологизируются и реально существующие образы, создаются мифы о «коллективном триумфе» и «коллективной травме». Таким образом, перефразируя классика, можно сказать: «миф жил, миф жив, миф будет жить».

Говорить о том, что в ИЯЛИ создана официальная научная школа по изучению мифологии и народных верований, пока несколько преждевременно, так как нет единого подхода, не выработана четко методология, нет единой теоретической основы и нескольких поколений подготовленных учеников. Но Н. А. Криничная как фольклорист и И. Ю. Винокурова как этнолог написали не только собственные монографии по мифологии, но и заложили теоретическую и практическую базу для ее дальнейшего плодотворного изучения. На практике и фольклористы, и этнографы, каждый основываясь на своем материале, работают в одном направлении: во многом материал собирается самими исследователями и в поле, и в архивах; народные верования изучаются, как через ритуал, так и через фольклорный текст с привлечением данных многих смежных наук. С уверенностью можно сказать, что фольклористы и этнологи, изучая в неразрывном единстве верования (на которых базируются обряды и ритуалы) и мифологическую прозу (которая вербально транслирует эти верования), уже проделали огромную работу по воссозданию мифологической картины мира трех соседних народов и задали верный курс для дальнейших исследований в области русской, карельской и вепсской мифологии. В будущем, это могут быть лингвофольклорные и ареальные исследования, картографирование фольклорно-этнографических данных, изучение календарной обрядности, народной медицины и системы мифологических персонажей и т. д.

Литература и источники

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 1–3. М., 1865–1869.

Буслав Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1–11. СПб., 1861.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994.

Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск, 2015.

Винокурова И. Ю. Небесный пуп *taivaznaba* и небо в вепсской народной космографии // Финно-угорская мозаика. Сборник статей к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен. *Studia Nordica*. 1. Петрозаводск, 2016. С. 222–232.

Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья. Петрозаводск, 1996.

Дубровская Е. Ю. Чудесное и повседневное в памяти участников Первой мировой войны (по фольклорным источникам из Научного архива КарНЦ РАН) // Рябининские чтения – 2015. Матер. VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 280–283.

Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Т. 1. М.-Л., 1957.

Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Обернись-ка милой кукушечкой. Вепские причитания. Петрозаводск, 2012.

- Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Лингвистический аспект вепских причитаний // Вопросы филологии. 2014. № 2 (47). С. 65–74.
- Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Иванова Л. И. Народные представления и обряды, связанные с лемби // Иванова Л. И., Миронова В. П. *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet*. Магия поднятия лемби и свадьба в карельской народной культуре. Исследования и материалы. Juminkeko, 2014.
- Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012.
- Иванова Л. И. Тапиола и Хийтола: два лесных царства карельской мифологии // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (12–17 сентября 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 55–59.
- Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах: К семантике образа. Петрозаводск, 1993.
- Конкка А. П. На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск, 2015.
- Конкка У. С. Поэзия печали. Петрозаводск, 1992.
- Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
- Кундозерова М. В. Большой дуб: о мифологеме мирового древа в карельских рунах // Живая старина. 2015. № 1. С. 24–26.
- Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях. Автореферат дис. канд. филол. наук: 10.01.09. Петрозаводск, 2013.
- Кундозерова М. В. Сотворение и обустройство мироздания в карельских рунах // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2014. С. 272–274.
- Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977.
- Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000.
- Лызлова А. С. Похищение женщины в русской волшебной сказке: к семантике фольклорной коллизии. Автореф. дис. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2011.
- Миронова В. П. Концепт границы между мирами в южнокарельских эпических песнях // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 142–148.
- Миронова В. П. Мифологическая страна Хийтола и ее хозяева (по материалам южнокарельских эпических песен) // Поморский вестник. 2008. № 10. С. 123–126.
- Миронова В. П. Мотив брачных испытаний в южнокарельских эпических песнях // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск, 2005. С. 202–210.
- Муллонен И. И. О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований в вепской топонимии // Родные сердцу имена. Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 4–12.
- Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы СССР». Выпуск 5. Народы уральской языковой семьи. М., 1991. 189 с.
- Пеллинен Н. А. Языковая картина мира детства у карелов через призму инициальной лексики // Материалы XLII Международной филологической конференции (11–16 марта 2013 г.). Уралистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2013. С. 80–84.
- Петров А. М. Сакральная топография традиционной народно-православной культуры (по материалам русских духовных стихов) // Религиоведение. 2012. № 1. С. 120–133.
- Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Издательство АСТ, 2003.
- Рахимова Э. Г. От «калевальских» изустных рун к неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно. М.: Наследие, 2001.

- Сойни Е. Г. Оставайся в Биармии: пьеса в 2 д. // Занавес: сб. пьес для театра. Петрозаводск, 1997. Вып. 2. С. 3–36.
- Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.
- Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004.
- Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л., 1977.
- Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985.
- Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.
- Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: «Индрик», 2003.
- KKS = Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968–2005.
- Siikala A.-L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki, 2012.
- Zaiceva Nina. Virantanaz. Juminkeko, 2012.

Сергей Алексеевич Мызников

Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ЛИНГВОГЕОГРАФИИ: ФИННО-УГОРСКИЙ СУБСТРАТ И АРГОТИЗМЫ

В данной работе предлагается анализ некоторых единиц финно-угорского субстрата в севернорусских говорах с точки зрения их происхождения с особым вниманием к географической локализации того или иного языкового факта. Изучение его в русских говорах Северо-Запада на деле сводилось к исследованию слов прибалтийско-финского происхождения, однако в отношении терминологического обозначения данного материала преобладал термин «заимствованная лексика» (*Lehnwörter*). Причем Б. А. Серебренников совершенно справедливо связал различие субстрата и заимствования с принципиальной разницей в типах ареалов контактирующих языков; заимствование характеризуется *маргинальным* контактированием, т. е. «наличием контакта двух языков, расположенных на смежных территориях. Никакого глубокого проникновения масс населения, носителей одного языка, в область распространения другого языка при этом не происходит» [Серебренников 1956: 36]. Для субстратного влияния свойственно глубокое проникновение больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, что квалифицируется как *внутрирегиональное* контактирование. Например, О. В. Востриков предлагает относиться с осторожностью к финно-угорскому наследию в русском языке, полагая, что «необходим дифференцированный подход к фактам влияния финно-угорских языков на лексику русских народных говоров. В говорах Волго-Двинского междуречья нужно различать финно-угорские субстратные включения и финно-угорские заимствования. В основу деления финно-угорских лексических элементов на субстратные и заимствованные может быть положена форма взаимодействия двух языков при контакте. Под субстратными финно-угорскими включениями понимаются слова данного говора, которые являются остатком языка прежнего финно-угорского населения, ассимилированного здесь русскими» [Востриков 1981: 5].

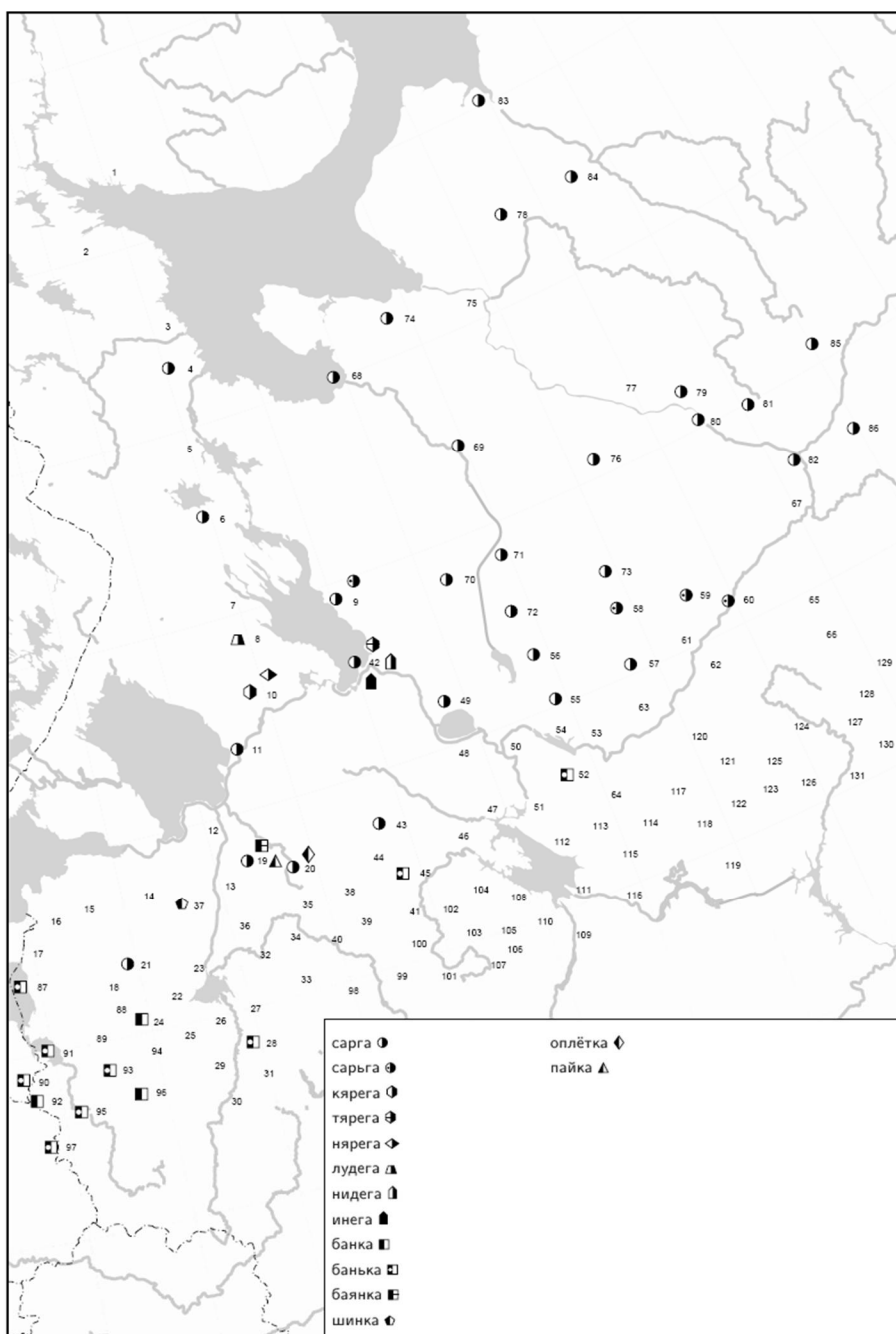
В. Фенкер, анализируя общую ситуацию в отношении языковых контактов, справедливо отмечает, что первоначально следует ответить на ряд вопросов: Кто взаимодействовал? Где происходили контакты? Когда было взаимодействие? Как долго оно продолжалось? Каким образом контакты происходили? На каком уровне происходило какое-либо языковое взаимодействие? В этом случае предлагается выяснить следующие параметры: 1) место, 2) время, 3) продолжительность, 4) интенсивность контактов, при том, что их сферой будут все ярусы языка: фонетика, морфология, синтаксис, лексика, топонимия [Veenker 1992: 177–178].

Мы согласны с В. И. Абаевым, что под лексическим субстратом следует понимать весь корпус неисконных лексем, представляющих собой результат прямых межъязыковых взаимодействий, следствие билингвизма и перехода с одного языка на другой [Абаев 1956: 65–69]. Субстратная лексика обладает рядом характеристик, присущих только ей, – она статична и стабильна в пространстве, всегда отражая субстратный тип языка-донора, не выходит за границы его распространения в прошлом. Лексический субстрат не однороден и является комплексом с разными характеристиками в диахронии.

Таким образом, ареальные характеристики анализируемых единиц в отношении выдвигания и верификации этимологических версий могут являться серьезными опорными точками. Хотя при ареально-этимологических исследованиях крайне важен комплексный подход, при котором выявление формы слова, его семантики и территории бытования является базисной, но незавершенной частью исследовательской работы, когда упор делается на полный ареальный анализ концепта в пределах исследуемого региона с выяснением полного регистра лексической манифестации (в первую очередь неисконных данных), а также на со-

поставительное изучение реалий, предметов материальной культуры, абстрактных понятий, для обозначения которых в современных русских говорах применяется исконное слово. Таким образом проявляются ареалы различной субстратной природы, а также зоны доминирования славянских (*resp.* русских) данных.

Приведем в качестве примера карту «Приспособление, используемое для закрепления лезвия косы на рукоятке» (см. [Мызников 2007]). Данная реалема¹ представлена в двух разновидностях: в виде кольца или двух колец (*ба'нка, ба'нька, ба'янка, ши'нка*) и в виде завертки из тонкого прута черемухи, ивы, рябины и т. п. или полоски жести, листового железа, проволоки. Следует отметить, что в настоящее время преобладают металлические материалы. Однако, поскольку обе эти разновидности в функциональном плане представляют одно и то же приспособление, было решено объединить их для лингвогеографического обследования на одной карте.

¹ В отношении этого термина мы опираемся на работы Н. И. Толстого. Однако для данной карты в основе тождества реалемы лежит функциональная значимость реалии.

Выделяются лексические манифестации, в основе которых лежат различные прибалтийско-финские субстратные типы. В Обонежье фигурирует несколько синонимов, восходящих к вепсскому влиянию, причем на уровне микроговоров эти единицы имеют различную ареальную привязку. Лексема *кя'рега* фиксируется в Посвирье (Подпорожский район); вариант *тя'рега* отмечается в Вытегорском районе. Сходные данные фиксируются по лексикографическим источникам: *кя'рега* 'полоска жести, ремень, прикрепляющие косу к косовищу' Подпорож. [СРГК 3: 84]; *тя'рега* 'ремешок из ивовой коры, которым привязывают косу' Вытегор. (Кондужи, Коштуги), Лодейноп. (Ошта) [Куликовский 1898]. Я. Калима, а вслед за ним и Фасмер сопоставляют слово *тя'рега* с фин. *tere, teri, terri, terä* 'кожаный ремень, рант обуви' [Калима 1915: 230; Фасмер 4: 141]. Такое этимологическое прочтение было связано с тем, что в словаре Г. И. Куликовского, на который опирался Я. Калима, отсутствовала основная опорная лексема *кя'рега*, имеющая прочную семантическую и фонетическую базу для сопоставления с вепс. *käreg* 'вязка, завертка' [СВЯ: 263]. Вепсский этимон мотивирован глаголом вепс. *kärauta, käralta* 'завернуть' [СВЯ: 262], ср. также вепс. *kär'da, kär'dä* 'заворачивать', фин. *kääriä* 'завертывать, обертывать', эст. *kääridä* 'завертывать' [SKES: 265]. Впервые эту этимологическую версию выдвинула М. Э. Рут [Рут 1981: 66, 67].

Лексема *лу'дега*, зафиксированная в окрестностях г. Петрозаводска, возводится к кар. *luda* 'завязка косы' при фин. *luta* 'то же' [Калима 1915: 156], ср. также кар. *luda* 'завязка из гибкого прута для прикрепления лезвия косы, связывания веника' [KKS 3: 190], люд. *luda, lude* 'завязка косы, полоска бересты', эст. *luda* 'палочка для изготовления лаптей', саам. швед. *lätte* 'кол' [SKES: 315]. Авторы SSA также подтверждают прибалтийско-финскую этимологию Я. Калима и SKES [SSA 2: 114].

Слово *ни'дега* и, вероятно, вариант *инега*, судя по ареалу, восходят к результатам вепсского влияния, однако соответствия русскому диалектному слову можно найти и в карельских диалектах, ср. люд. *nīteh* 'завязка, которой привязывают косу к ручке', ливв. *n'ive* (ген. *n'idien*) 'завязка', при фин. *nide* 'завязка, перевязь', эст. *nidu, nide* 'завязка, прут' [SKES: 386].

Вряд ли правы авторы SKES, помещая вепс. глагол *vicjoida* 'закреплять косу на рукоятке' в прибалтийско-финское гнездо *nioa, nikoa* [SKES: 383], поскольку в данном случае вепсский материал восходит к русским данным, ср. русск. диал. *вица* при вепс. *vic* 'прут', *vicoida, vicata* 'связывать прутьями' [СВЯ: 630]. И вследствие этого следует отвести этимологическую версию М. Э. Рут о влиянии этого вепсского слова на русскую лексему [Рут 1981: 68]. Кроме того, фин. диал. *nysi* (ген. *nudes*) 'ручка у косы' вряд ли нужно принимать во внимание как еще один возможный этимон в силу различия в семантике (см. [Хакулинен 1955: 27]), причем имеются сходные пермские данные, ср. коми диал. *нуд* 'рукоятка, черенок'; *коса нуд* 'рукоятка косы' [КРОЧК: 433].

Слово *ня'рега* 'полоска из жести, которой закрепляют косу на рукоятке' Подпорож. (Шеменичи, Шустручей) также отмечается на территории, где доминирует вепсское влияние. Ср. восстанавливаемый этимон вепс. **näreh*, при фин. *näre* 'молодая небольшая ель', фин. диал. 'ель вообще', 'росток, побег ели или сосны', 'маленькая чахлая ель или сосна', ливв. *näre* 'маленькая растущая ель', люд. *n'äre* 'молодая ель' [SKES: 414], кар. сев. *näre*, кар. твер. *n'äre* 'молодая ель' [KKS 3: 579]. Ср. также ливв. *näreh* 'молодая сосна', которое, скорее всего, связано с вепскими данными [SKES: 414].

Точно также лексема *лу'дега*, исходя из ареала - Петрозаводский уезд [Куликовский 1898], может быть возведена к вепс. **ludeh*, при люд. *luda, lude* 'завязка косы, полоска бересты', кар. *luda* 'завязка из гибкого прута для прикрепления лезвия косы, связывания веника' [SKES: 315; KKS 3:190].

Лексема *са'рга*, распространенная на обширной территории от говоров Новгородской области (Батецкий район) до печорских говоров, в обследуемом регионе представляет собой прибалтийско-финский субстрат общего типа, ср. фин. *sarja* 'ряд', *sarka* 'полоска бересты', вепс. *sarg* 'полоска, продолговатый кусок чего-л.', люд. *sard'* (см. также [Калима 1915: 214]). Причем, коми *sargi* 'завязка, которой лезвие косы прикрепляют к ручке', по мнению авторов SKES, заимствовано из русского языка [SKES: 976].

Лексема *ши'нка*, по-видимому, связана с общенародным *ши'на* 'резиновый или железный обод на ободе колеса', которая первоначально значила только 'железный обруч на ободе колеса', и была заимствована из нем. *Schiene* 'шина, рельс, лубок' [Черных 2: 411, 412; Фасмер 4: 438]. Старое значение сохранилось в кар. твер. *šina* 'обод колеса телеги, подрез санного полоза' [СКЯП: 271].

Варианты *ба'нка*, *ба'нька* локализуются преимущественно в западной части обследованного региона – в псковских говорах, sporadически – в говорах Вологодской области (Устюженский, Вологодский районы). По данным СРНГ *ба'нька* 'железное кольцо, которым коса прикрепляется к рукоятке', отмечается в смоленских, брянских, курских, орловских говорах [СРНГ 2: 97], *ба'нка* в том же значении – в Осташковском уезде Тверской губернии и в русских старожильческих говорах Прибалтики [СРНГ 2: 94]. Кроме того, фиксируется *ба'нька* 'кольцо железное или медное у сбури, калитки и на других местах или надеваемое на что-л. для прикрепления' – *Банька от косы* [Носович 1870:15]. Первая фиксация лексемы *ба'нька* 'кольцо, которым прикрепляют косу к рукоятке', относится к XVII веку: «Куплено в Торошку пятнадцать кос... дватцать *банек* косных» Кн. Иверск. монаст. 1665 [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 70]. Данное слово в ЭССЯ рассматривается в статье **banьka / banьka* в сопоставлении с материалом: *банка* 'сосуд' [ЭССЯ 1: 152]. П. Я. Черных сводит лексемы *банка* 'стеклянный, металлический или из иного материала сосуд, чаще цилиндрической формы, с широким входным отверстием' и *банька* 'железное кольцо, которым коса прикрепляется к косовищу' в одно гнездо [Черных 1: 70]. И хотя по СРГК лексема *ба'нка* фиксируется в Подпорожском р-не Ленинградской области (вероятно, результат поздних миграций в этот регион), вряд ли в данном случае следует говорить о финно-угорском воздействии, хотя ср. кар. *panka* 'ручка, дужка из лозы, веревки', ливв. *panģu* 'обруч мерды или рюжи' [SKES: 481,482].

Для одной единицы, зафиксированной в Тихвинском районе, возможна этимологическая интерпретация как на субстратной, так и на исконной почве. Слово *на'йка* 'железное кольцо, надеваемое в месте соединения рукоятки косы с лезвием' Тихв. [СРГК 4: 372], исходя из того, что первоначально коса прикреплялась к рукоятке в виде завертки из прута ивы, черемухи, возможно сопоставить с вепс. *raji* 'ивовое корье' [СВЯ: 394], ливв. *raji* 'ива' [СКЯМ: 251], кар. твер. *raji* 'вязка, нахлестка, скрепляющая концы грядок в телеге' [СКЯП: 197]. Причем в тверских карельских данных представлена семантика, близкая к русской диалектной. Но, поскольку непонятно, является ли данная единица исторически более ранней, а позднее трансформированной, то нельзя исключать, что она является новообразованием на русской почве – *паять* 'соединять металлические части чего-либо при помощи сплава, припоя' – *пайка* [БАС]. А. С. Герд, на наш взгляд, необоснованно сопоставляет с кашуб. *paja* 'рукоятка' из нем. *Raje* 'широкая лапа, рука' [Герд 2008: 243].

Таким образом, проанализированные лексические манифестации показывают, что в Обонежье доминирует субстрат вепсского типа значительно реже карельского, при том, что в целом на Северо-Западе отмечаются данные, которые крайне тяжело связать с определенным языком-источником, хотя не вызывает сомнения их прибалтийско-финский характер.

Однако не всегда ареальные характеристики можно использовать как верификационные при выдвижении и анализе этимологических версий.

Лексика арго, имеющая многочисленные фиксации, в ряде случаев представляет собой единицы финно-угорского происхождения. Однако такого рода данные не являются субстратными, а опосредованно вошли в русские говоры через носителей арго¹. Хотя имеются территории, на которых данные арго вполне сопоставимы со смежными финно-угорскими языками. В качестве примера рассмотрим некоторые наименования коровы. Ряд этих данных, при несомненном их арготическом характере, все-таки возводятся к марийским источникам, которые для этого региона являются смежным языковым континуумом.

¹ В. Д. Бондалетов насчитывает в арго 121 единицу мордовского происхождения, 67 – марийского, 21 – прибалтийско-финского, 15 – пермского, 7 – венгерского [Бондалетов 1992].

Шкала 'корова' Ветл. Костром. [Марков]; *шкалу'ха* 'корова' [Громов 2000: 33], Нейск. Костром. [Попов 1964: 448]. А. И. Попов, рассматривая жгонское *шкалуха* 'корова', приводит морд. *skal*, мар. горн. *шкaл*, луг. *ушкaл*, причем, по его мнению, наиболее вероятно в качестве источника мар. горн. *шкaл*, при удмурт. *скал* [Попов 1964: 448]. Ср. также мар. луг. *ушкaл*, мар. горн. *ышкaл* 'корова; самка домашнего крупного рогатого скота, а также лося'; *шем ушкaл* 'чёрная корова'; *ола ушкaл* 'пёстрая корова'; *мугыла ушкaл* 'комолая корова'. *Ласка презе кок ушкалым шупиеш*. Калыкмут. 'Ласковый телёнок двух коров сосёт'. *Кудывечыште ала-кõ ушкалым лүишта* 'Во дворе кто-то доит корову' [СМЯ 10: 146].

Одна единица фонетически и семантически весьма близка к прибалтийско-финским данным: *ле'йма* 'корова' Галич. Костром. [Опыт: 102], Галич. Костром., 1820. Юрьев. Влад. [СРНГ 16: 341]. Ср. фин., карел., водск. *lehtä* 'корова' [Mekkelein 1913: 48]. Я. Калима подвергает данную версию сомнению по фонетическим соображениям [Kalima, 1915: 151]. О. Б. Ткаченко выдвигал идею о заимствовании этой единицы из мерянского языка [Ткаченко 1985: 52, 76, 172, 182, 186]. Однако, мы вслед за И. Г. Добродомовым, возводим слово *лейма* не напрямую к прибалтийско-финским источникам, а к профессиональному аргю [Добродомов 1996: 85–90], причем его первая фиксация относится к словарю аргю 1820 года [Аквилон, Ржевский].

Еще одно слово, зафиксированное в Поволжье, представляет собой единицу, которую традиционно рассматривают на финно-угорской почве.

Жу'кла 'корова' Зубово-Полян. [Сывороткин 2004: 331]; *жу'кола* 'черная корова' Костром., Влад.; *жуколы* 'телята, рожденные в феврале' Костром. [СРНГ 9: 224–225]; *жу'кола* 'корова, забеременевшая во время первого сгона в поле': – *На святого Вукола (6 февраля) телятся жуколы*. Костром. [Даль 1880–1882], Влад. [СРНГ 9: 225]; *жу'кола* 'черная корова' Нерехт. Костром. [Опыт 1852]. По Заволжью, особенно Костромскому, *жуколами* зовут всех черных коров. [Печерский, На Горах]. *Жу'кола* 'корова' Нерехт. Костром., 1820 [СРНГ 9: 224]; *жу'колка* 'черная корова' Нижегород., Симб. [Слов. Акад. 1898; СРНГ 9: 224]; *жуко'лка* 'черная корова' Кинеш. Костром., 1846. Костром., Переясл. Влад. [СРНГ 9: 224]. Сопоставляется с мар. *škal* 'корова', морд. *skal*, которое связывается с кавказскими языками [Фасмер 2: 65]. Ср. также мокш.: *скал* 'телка' [МРСС: 636], эрз. *скал* 'корова' [ЭРС: 590], удм. *скал* 'корова' [РУС: 382], мар. *ушкaл* 'корова' [см. также Сывороткин 2004: 331–332]. Ср. однако также *жу'ковий*, *жуковой'и* 'очень черный; волосы у ней жыковые' Каргоп., Медвежьегор; *жуковой* – *черный*, как *жук*. Плесец. Сегеж. [СРГК 2: 76].

Некоторые наименования коровы, зафиксированные в аргю, не имеют верифицированных этимологических версий: *алы'нь* 'корова' Арзамас. (Красное) Нижегород., 1850; *алынья* 'корова' Влад., Костром. [Опыт 1852; СРНГ 1: 242]. Яворский полагает, что слово попало в язык местных крестьян из матрайского аргю¹ [Яворский 1850]. Ср. также единицы, представленные в аргю: *алынья*, *олыкша*, *волы'ня*, *олыня во'лыня*, *волыня*, *алынья* Нижегород., *облыря* Ряз., *явлыда* Могилев [Приемышева 2009: 2; см. также Аникин 1: 176]. Следует отметить, что значительная часть такого рода данных представляет собой единицы с многочисленными фиксациями в источниках, рассматриваемых в исследованиях аргю.

Весьма многочисленны в пермско-русской контактной зоне коми данные, которые следует рассматривать в контексте пермского субстрата коми-зырянского типа. Ряд зафиксированных лексем, относится к наименованиям коров по их масти.

Ё'дра 'корова красной масти' Сев.-Двин., 1928; *едру'ха* 'то же' Тотем. Волог., 1902. Сев.-Двин.; *ё'дрый* 'желтый с красным, бурый оттенком (о масти коровы)' Арх., 1852. Волог. [СРНГ 8: 324]. Очень близко фонетически коми *гõрд* 'красный', 'краснота' [КРОЧК: 151].

Рю'дра 'пестрая белоголовая корова' Сольвыч. Волог., 1823 [СРНГ 35: 325]. Вероятно, можно сопоставить с коми диал. *рудов*, *рудол*, *рудо*, *рудгõм*, *рудзео* 'сероватый' [ССКЗД: 324].

Еще одной яркой иллюстрацией арготизма финно-угорского происхождения могут служить наименования лошади. Причем эти данные имеют весьма широкое распростране-

¹ Тайный язык некоторых сел в Нижегородской губернии, крестьяне которых занимались валяльным промыслом.

ние: *ла'вак* 'лошадь' Костром., 1820 [ЯОС]; *лова* Кашин. Твер.; *ловак* Влад офен., Галич, Нерехт. Костром., Углич, Кашин., Калязин, Торопец. Твер., Самарск. Нижегород., Ряз. портн., Калуж. портн., Ряз. нищ., Калуж. нищ.; *ловака* Брянск. Нищ.; *лован*, *ловань* Углич., *ловачиха* 'кобыла' Калуж. портн., Калуж. нищ.; *ловик* 'лошадь' Бежецк. Твер.; *ловяк* Влад. офен., Кашин. Твер., Симб.; *ловячиха* 'кобыла' — Торопец. Торг., Симб. швец. Причем лексические единицы, зафиксированные в торговых аргословах - *ловак*, *ло'вяк*, практически тождественны по форме [Приемышева 2009: 51–92]. Ср. также венг. *ló* 'лошадь', *lovász*, *lovás*, при манс. *low*, *luw*, хант. *law* 'лошадь', общеобско-угор. **luβz*, *luγz* [EWU: 902].

В ряде случаев, сходные материалы, зафиксированные в дистантных ареалах, могут являться единицами не тождественной природы. Как, например, слово *ма'йда* 'молоко', зафиксированное в Кондопожском районе Карелии, представляется людиковско-карельским проникновением; оно зафиксировано в КСРГК, однако не попало в словарь. Кроме того, имеется фиксация единицы *майда* 'молоко' в Тверском регионе: Кашинский, Калязинский уезды, при вариантах *майдака* 'то же' Кашин., *майдоха* Кашин., Калязин. Твер. [Приемышева 2: 150, 557]. Тверские данные зафиксированы в тайных и условных языках, однако на этой же территории имеется смежный прибалтийско-финский континуум – тверские карелы, что дает возможность учета воздействия их языка. Хотя вряд ли следует этот материал напрямую возводить к фин. *maito*, как полагает Фасмер [Фасмер 2: 559], ср. кар. *maido* 'молоко' [KKS 3: 254], кар. твер. *maido* [СКЯП: 154], люд. *maid* 'молоко' [SKES: 328].

Таким образом, диалектные данные и материалы аргослов в этимологическом плане нередко представляют тождественные конечные источники-этимоны, при том, что вхождения их в диалекты и в аргослова могут иметь значительные расхождения.

Список сокращений аргослов и названий районов и областей¹

Брянск. нищ. – брянские нищие;

Влад офен. – владимирские офени;

Калуж. нищ. – калужские нищие;

Калуж. портн. – калужские портные;

Ряз. нищ. – рязанские нищие;

Сокращения названий районов (уездов) и областей (губерний) соответствуют сокращениям, принятым в Словаре русских народных говоров.

Литература

Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания, № 9. М., 1956. С. 56–69.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1. А-Аяюшка. М., 2007. 368 с.

Аквилон Я., Ржевский Д. Слова, употребляемые жителями города Галича и его уезда, собранные учителями тамошнего уездного училища Дмитрием Ржевским и Яковом Аквилонным // Труды ОЛРС. Ч. XX. М., 1820. С. 139–141.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. М.; Л., 1948–1965.

Бондалетов В. Д. Финно-угорские заимствования в русских аргословах. Учебное пособие. Самара, 1992.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования 1981. Свердловск, 1981. С. 3–45.

Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (Н, О, П, Р) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 9. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. С. 209–262.

Громов А. В. Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. М., 2000.

¹ Большинство данных по аргословам почерпнуто из книги М. Н. Приемышевой «Тайные и условные языки в России XIX» Ч. 2: Приложения. СПб.: Нестор-История, 2009. 711 с.

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
- Добродомов И. Г. О мерянском названии коровы (источниковедение и этимология) // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. № 2. С. 83–91.
- Дьячок М. Т. Диалектная лексика в современных русских аргю // Материалы Первой научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 69–72.
- КРОЧК – Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.
- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
- Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб. 2007.
- Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- Попов А. И. Финно-угорские языки и лексика русских говоров // *Studia slavica. A magyar tudományok Akadémia nyelv- és irodalomtudományi osztályának közlemé.* Budapest, 1964. Fasc. 3–4. S. 445–449.
- Приемышева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 1. 544 с. Ч. 2: Приложения. 711 с. СПб., 2009.
- Рут М. Э. К этимологии севернорусских ТЯРЕГА, КЯРЕГА, НИДЕГА, ИНЕГА, КОРЕГА // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 66–68.
- СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Серебренников Б. А. Проблема субстрата // Институт языкознания. Доклады и сообщения, IX. М., 1956. С. 33–56.
- СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.
- СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- СМЯ – Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990–2005. Т. 1–10.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1–48. М., Л., СПб., 1965–2015.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- Сывороткин М. М. Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона. Саранск, 2004. 460 с.
- Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев: Наукова думка, 1985. 207 с.
- Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. I. М., 1997. С. 12–43.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 1, 2. М., 1953–1955.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1999.
- ЭРС – Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачова. М., 1974–2014. Вып. 1–39.
- Яворский М. Этнографические сведения о селе Красном Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Рукопись. 1850 г. // Архив РГО. Разряд XXIII. № 88.

- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10. Ред. Г. Г. Мельниченко.
- EWU – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, 1993.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- Kania S. Słownik argotyzmów. Warszawa, 1995.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5 // LSFU, XVI, 1–5. Helsinki, 1968–1997.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrate in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. 329 s.

Екатерина Владимировна Захарова
*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ТОПОНИМИЯ ВОДЛОЗЕРЬЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОИСКА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Топонимия является уникальным источником информации по истории изучаемой территории, поскольку в силу устойчивости во времени аккумулирует в себе сведения о физико-географических особенностях объектов природного ландшафта, флоре и фауне местности, а также свидетельства о ее насельниках, их языке, хозяйственной деятельности, промыслах и духовной культуре.

Географические названия Водлозерья привлекали внимание исследователей уже в конце XIX – первой половине XX вв. (в работах по языковым контактам А. М. Шегрена, Я. Калимы, М. Фасмера, Э. Тункело, Я. Грота, А. И. Попова, Б. А. Серебренникова и др. в качестве примеров использовался в том числе и топонимический материал обозначенной территории¹; Д. В. Бубрих одним из первых указал на вепские истоки географических названий восточного берега Онежского озера²). Планомерный сбор топонимического материала Водлозерья (и Пудожья в целом) начался лишь во второй половине XX в.: в 1966, 1968 и 1976 гг. студенты Карельского государственного педагогического института, Петрозаводского и Ленинградского государственных университетов во время диалектологической практики записывали и топонимию обозначенной территории³; основной корпус географических названий Водлозерья (ок. 2000 фиксаций), вошедший в состав Научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН и базы данных ГИС «Топонимия Карелии», был собран сотрудниками

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

¹ Kastren M. A. Bemerkungen über Sawolotscheskaja Tsud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. SPb, 1862. S. 86–106; Веcke M. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском ун-те. 1890. Т. VIII. Вып. 1; Соболевский А. И. Названия рек и озер русского Севера // Изв. II отделения русского языка и словесности Академии наук. 1927. Т. 32; Серебренников Б. А. Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР // ВЯ. 1955. № 6. С. 21–23; Серебренников Б. А. О гидронимических формантах -нья, -юга, -уга // СФУ. 1966. № 1. С. 59–66; Kalima J. Einige Russischen Ortsnamen Typen // FUF. 1944. № XXVIII. S. 99; Tunkelo E. A. Über die Ortsnamen Nordrusslands auf -as // FUF. 1953. XXXI. № 1–2.

² Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками. Л.: Наука, 1971. С. 3–22; Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат К-ФССР, 1947. 52 с.; Бубрих Д. В. О древней прибалтийско-финской речи // Изв. Карело-Финской науч.-исслед. базы АН СССР. 1949. № 1. С. 51.

³ Полевые материалы хранятся в Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН и занесены в базу данных ГИС «Топонимия Карелии».

ИЯЛИ КарНЦ РАН во время экспедиции 1984 г. и до сих пор является объектом научных исследований.

Топонимический материал рассматриваемой территории, помимо исконно русского слоя, относящегося к более позднему хронологическому срезу, включает в себя значительный субстратный или дорусский пласт названий (более 35 % от общего количества).

Наиболее детально вепский и доприбалтийско-финский компонент топонимии Пудожья и в т. ч. Водлозерья был проанализирован И. И. Муллонен¹. Отдельные географические названия рассматриваются в книге Г. М. Керта и Н. Н. Мамонтовой «Загадки карельской топонимики»². В статьях Г. М. Керта³ и В. Т. Лескинена⁴, посвященных саамским названиям, в качестве примеров приводятся также топонимические данные с указанной территории. В качестве сопоставительного материала субстратная топонимия Водлозерья указывается в работах А. И. Соболева, а также представителей екатеринбургской топонимической школы – А. К. Матвеева⁵, Н. В. Кабининой⁶, А. А. Макаровой⁷. Прибалтийско-финский пласт субстратной топонимии Восточного Обонежья (частью которого является Водлозерье) и его интеграция в русскую топонимическую систему стали предметом исследования Е. В. Захаровой⁸.

¹ Муллонен И. И. Тайны топонимики Водлозера // Знамя труда. 25.08.1984. С. 4; Муллонен И. И. Географический термин Пуганда в контексте субстратной лексики Пудожья // Актуальные проблемы исторической и диалектологической лексикологии и лексикографии. Вологда, 1988. С. 146–147; Муллонен И. И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 192–197; Муллонен И. И. Древние дороги Обонежья // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии: Материалы международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2003. С. 165–170; Муллонен И. И. «Свое» и «чужое» в контактировании разноязычных топонимических систем Обонежья // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С. 16–17; Муллонен И. И. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 332–348; Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.; Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 242 с.

² Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1976. Изд. 2-е. 1982. Изд. 3-е. 2007. 118 с.

³ Керт Г. М. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 86–92; Керт Г. М. Саамская топонимическая лексика. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 178 с.

⁴ Лескинен В. Т. Семантика карельской гидронимики и некоторые случаи адаптации ее русским языком на территории Карелии // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: тезисы докладов и сообщений, июнь 1965 г. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1965. С. 67–71; Лескинен В. Т. О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 79–88.

⁵ Матвеев А. К. Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье // СФУ. 1965. № 3. С. 207–218; Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976. № 3. С. 58–73; Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 346 с.; Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. 370 с.

⁶ Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во уральского ун-та, 2011. 341 с.; Кабинина Н. В. Народная топонимическая геометрия (на материале названий озер Архангельской области) // Вопросы ономастики. 2013. № 2. С. 60–90.

⁷ Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. 763 с.

⁸ Захарова Е. В. Полукальки в топонимии Восточного Обонежья // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: сб. науч. ст. / под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 122–131; Zaharova J. Itämerensuomalaisia jälkiä Äänisen itärannikon venäläisessä paikannimistöissä // Tutkielmia vähemmistökielistä Jäämereltä liivirantaan / Vähemmistökielten tutkimus- ja koulutusverkoston raportti V. Toim. O. Haurinen, N. Sulkala. Oulu, 2006. S. 30–36; Захарова Е. В. Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья // Труды КарНЦ РАН. № 4. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 185–190; Захарова Е. В. Славянские суффиксы в субстратной топонимии Восточного обонежья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. № 7 (136). Т. 1. Ноябрь, 2013. С. 62–65; Захарова Е. В., Муллонен И. И. Карельский след XVII века в топонимии Восточного Обонежья // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции (14–16 августа 2012 г.) / науч. ред. Н. И. Решетников; сост. Н. И. Тормосова. Каргополь, 2012. С. 146–154; Захарова Е. В. Лексико-семантическая характеристика прибалтийско-финской топонимии Восточного Обонежья // Материалы конференции «Прибалтийско-финские

Водлозерские названия русского происхождения анализируются в ряде статей А. В. Приображенского¹.

В дорусской (субстратной) топонимии исследуемой территории выделяется три основных пласта: 1) древний финно-угорский досаамский, представленный в основном в гидронимах или названиях наиболее крупных водных объектов (р. *Водла*, оз. *Водлозеро*, р. *Вама*, р. *Ундоша*, р. *Сомбома* и др.). Следует отметить, что большинство названий данного типа пока не получило этимологической интерпретации; 2) географические названия саамского типа (р. *Ковда*, ср. саам. *guovdu* ‘средний, находящийся посередине’²; мыс *Кодкут-наволок*, ср. саам. *guot’ko* < **kōtkō* ‘перешеек’, оз. *Янгозеро*, ср. прасаам. **jeņke* ‘болото’ и др.); 3) прибалтийско-финский пласт названий, представленных как в более древней и устойчивой во времени гидронимии, так и в более молодой и изменчивой микротопонимии (оз. *Лагнозеро*, руч. *Лагноручей*, ср. карел. *lahna*, вепс. *lahn* ‘лещ’³; мыс, уг. *Габнаволок*, зал. *Габлахта*, ср. карел. *hoара, hoаба, haаба*, вепс. *hab* ‘осина’; мыс *Литянаволок*, ср. карел. *liete*, вепс. *lete* ‘песок; низкий песчаный берег’ и др.).

Самым обширным субстратным пластом в топонимии Водлозерья является прибалтийско-финский (что свидетельствует о достаточно раннем появлении прибалтийско-финского населения в рассматриваемом ареале и относительно позднем его обрусении). В образовании топонимов данного пласта использовались:

«Ландшафт»: дер. *Коскосалма*, ср. карел. *koski, koški*, вепс. *košk* ‘порог’; зал., уг. *Кивилахта / Кивлахта*, уг. *Кипелда*, ср. карел., вепс. *kivi* ‘камень’; зал. *Сарлахта*, ср. карел. *soari, suari*, вепс. *sar* ‘остров’ и др.

«Флора»: оз. *Лепозеро*, руч., уг. *Лепручей*, ср. карел. *leppä*, вепс. *lep* ‘ольха’; оз. *Гонгозеро*, ср. карел. *honka, hongа*, вепс. *hong* ‘сосна’; зал. *Кижимлахта*, бол., уг. *Кижиммох*, р. *Кижим*, ср. карел. *kiidžin (kiidžimen-)* ‘озерный мох, который использовали для мшения построек’ [Turunen 1946: 201] и др.

языки, культуры и *genius loci*» 7–8 марта 2013 г., посвященной 75-летию юбилею Тийта-Рейна Вийтсо. Тарту, 2013. С. 107–110; Захарова Е. В. Суффиксация как способ адаптации субстратных топонимов к русской топонимической системе Восточного Обонежья // *Материалы XLII Международной филологической конференции 11–16 марта 2013 г. Уралистика* / под ред. доц. Н. Н. Колпаковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 34–39; Захарова Е. В. Вепское прошлое Восточного Обонежья по данным топонимии // *Вепские ареальные исследования / Сб. статей*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 144–155; Захарова Е. В. О некоторых ойконимных моделях Восточного Обонежья // *Вопросы ономастики*. 2014. № 1 (16). С. 34–49; Захарова Е. В. Качественные топоосновы субстратного прибалтийско-финского происхождения в Восточном Обонежье // *Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов*. Петрозаводск, 2014. С. 17–19; Zakharova E. Geographical terms of Finnic substrate origin in the toponymy of Eastern Obonezh’e // *ESUKA – JEFUL Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri / Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics / Special issue Papers from the conference “Finnic Languages, Cultures, and Genius Loci” 7–8 March, 2013*. Tartu. Guest editors Madis Arukask and Eva Saar. Tartu: University of Tartu, 2015. 6–1. P. 75–89; Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Петрозаводск, 2015. 234 с.; Захарова Е. В. Топонимия Водлозерья как памятник нематериального культурного наследия региона // *Научные исследования в заповедниках и национальных парках России: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию юбилею биосферного резервата ЮНЕСКО «Национальный парк «Водлозерский»* (Петрозаводск, 29 августа – 4 сентября 2016 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 79–80.

¹ Приображенский А. В. Славянские элементы в топонимии Водлозерья // *Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2001. С. 290–294; Приображенский А. В. Географическая терминология и топонимия Водлозерья в ареальном аспекте // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000* / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2003. С. 241–251; Приображенский А. В. Сопоставительная характеристика топонимии Водлозерья и Кенозерья // *Культурное и природное наследие Европейского Севера*. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 395–402.

² Здесь и далее значение саамских слов дается по: Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. Helsinki: SUS, 1958. 1236 s.; Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: SUS, 1989. 180 s.

³ Здесь и далее значение карельских слов дано по: Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: SUS, 1968–2005; значение вепских слов дано по: Зайцева М. И., Муллонен М. И. *Словарь вепского языка*. Л.: Наука, 1972. 746 с.

«Фауна»: зал., уг. *Ирлахта*, ср. карел. *hirvi* ‘лось’; мыс *Мегренаволок*, ср. карел. *mägrä*, вепс. *mägr* ‘барсук’; зал., дер., уг. *Реболахта*, ср. карел. *repo, rebo, reboi*, вепс. *reboi* ‘лиса’ и др.

«Квалитативные топоосновы»: о. *Валгостров*, тоня *Валгостровка*, ср. карел. *valkie, valgie*, вепс. *vouged* (< **valged*) ‘белый’; зал., бол., уг. *Везиматка*, ср. карел., вепс. *vezi* ‘вода, водянистый; топкий’ и др.

«Положение объекта в пространстве»: уг. *Перналда*, ср. карел. *perä*, вепс. *pera* ‘отдаленная местность, дальний угол; конец залива’ [ПФГЛК: 71–72]; р. *Ильвама*, р. *Илекса*, о. *Иламоостров*, тоня *Иламъяма*, где основа *Ил-* восходит к приб.-фин. *ylä* ‘верхний’, в последних двух примерах приб.-фин. основа *ylä-* выступает в форме превосходной степени *ylimä-* ‘самый верхний’.

«Человек»: дер. *Вачелово / Вачалово*, ср. карел. *Vatsa, Vatsi, Vatsi, Vatsi(i), Vatsi, Vatsi* – рус. Василий, Вася [Nissilä 1976: 138]; зал. *Канзалахта*, дер., мыс *Канзанаволок*, ср. карел. *kansa* ‘группа людей, народ, семья’, вепс. *kanz* ‘семья’ и др.

«Хозяйственная деятельность и промыслы»: оз. *Кедозеро*, ср. карел. *keto, kedo* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’; оз. *Кимозеро*, ср. карел. *kiima*, вепс. *kim* ‘ток (глухаринный, тетеревиный)’ и др.

«Духовная культура»: уг. *Ижполе*, мыс, уг. *Ижнаволок*, г., дер. *Итогора*, ср. приб.-фин. *hiis(i) / hiije-* < *hiit(e)* ‘леший, черт; священная роща, место жертвоприношений; кладбище; хозяин леса, тролль’ [SSA I: 162], а также ‘перелесок; отдаленное, глухое, наводящее страх место’ [ПФГЛК: 29–30]. В приведенных топонимах, видимо, сохранилась более ранняя семантика лексемы ‘сакральное место’ (постепенно сменившаяся под влиянием христианства на ‘ад; черт; леший; водяной’), поскольку «в Пудожье и Кенозерье православные церкви и часовни ставились в местах с названием *Ижгора, Ижнаволок, Хижгора*» [Березович, Макарова, Муллонен 2015: 198].

Многослойность топонимии данной территории является свидетельством того, что Водлозерье долгое время было зоной этнического смешения и языковых контактов (на это косвенно указывают и переводные топонимы, зафиксированные в средневековых письменных источниках («Дер. на Медвежье наволоке словет на Конде наволоке...») [ПКОП: 174], ср. вепс. *kondi* ‘медведь’; «Дер. на Воронье поле словет в Вариш-палды...») [ПКОП: 175], ср. вепс. *variš* ‘ворона’, *peld, pöud, piitud* ‘поле’), кроме того, согласно данным структурного и лексико-семантического анализа этнолокальная группа водлозеров сложилась в результате обрусения местного прибалтийско-финского населения (подробнее об этом см. [Захарова 2015]).

По данным истории, диалектологии, этнографии, славянское освоение восточного берега Онежского озера происходило в XII–XIV вв., при этом на топонимическом уровне выявляются модели, маркирующие разные – новгородский и т. н. «низовский» московский – колонизационные пути. Ареальный анализ и картографирование субстратного топонимического материала показали, что появление населения (и, соответственно, топонимов) вепсского типа в Водлозерье относится к рубежу I–II тысячелетий н. э., карельская страница в истории указанной территории, очевидно, связана с волной массовых переселений карелов XVI–XVII вв. Отдельные топонимические модели, представленные здесь, тяготеют к более восточным и юго-восточным территориям, указывая на доприбалтийско-финское прошлое края.

Все вышеперечисленное свидетельствует, прежде всего, о транзитном положении исследуемого региона, что объясняется его географическими особенностями – расположением вдоль водного пути, по которому проходили разные этнические потоки, принося свои модели именования.

Несмотря на имеющиеся работы, нельзя утверждать, что топонимия Водлозерья изучена всесторонне, поскольку до сих пор достаточно большое количество субстратных доприбалтийско-финских названий этимологически не интерпретировано (прежде всего, это касается водных объектов). И. И. Муллонен в статье 1984 года «Тайны топонимики Водлозе-

ра», написанной по результатам экспедиционной работы, отмечала: «...к самому древнему пласту топонимов Водлозера относятся имена рек Водла, Илекса, Охтома, Укша. Тезки этих топонимов встречаются на огромной территории, по всему Северу России. Крепко держат они тайну своего происхождения. Не ясно пока, что за народ их оставил, на каком языке он говорил. Разгадка их – задача будущего» [Муллонен 1984]. За прошедшие со времени сбора полевых материалов годы топонимическая наука в Карелии активно развивалась, и из приведенных И. И. Муллонен названий рек только Водла до сих пор остается загадкой, но вопрос о языке народа-создателя древних гидронимов до сих пор не решен. Для этого требуются дальнейшие исследования, которые невозможны без учета физико-географических характеристик объектов, поэтому основной задачей на сегодняшний момент является привязка собранных полевых материалов к топографическим картам и сбор дополнительной информации о называемых объектах.

Так, например, во время экспедиции на Водлозеро летом 2016 г. удалось нанести на карту ряд названий, при этом выяснилось, что облик некоторых объектов изменился: по данным картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, проливы *Железные Ворота*, расположенные между мысом с деревнями Гостьнаволок и Варишпельда и островом Канзанаволок, а также между мысом Куганаволок и островом Ришендема, характеризуются каменистыми берегами. В настоящее время данные объекты представляют собой узкие проливы с поросшими лесом берегами, но с довольно каменистым дном, рельеф которого фиксировался навигационной техникой во время поездки по Водлозеру. Возможно, до возведения плотины на р. Сухая Водла, уровень воды в Водлозере, как и вид объектов, был иным.

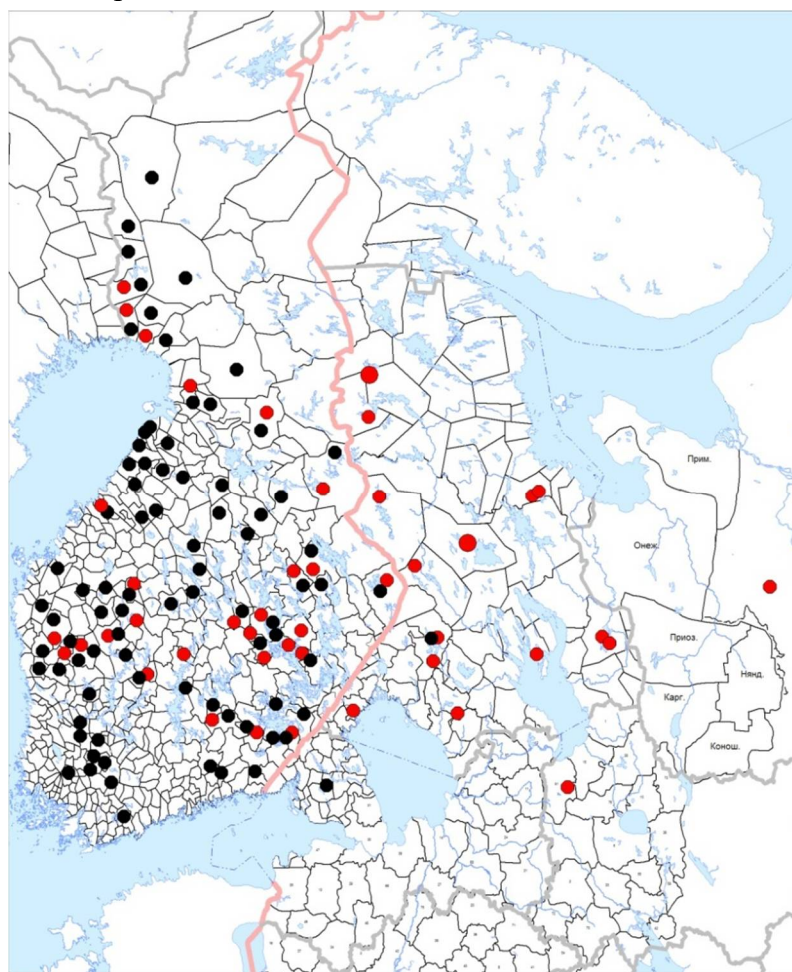

Рис. 1. Ареал топоосновы *Lyly(s)*- / *Люль*-

- – топооснова *Lyly(s)*- / *Люль*- в названиях водных объектов
- – топооснова *Lyly(s)*- / *Люль*- в названиях иных объектов

Удалось соотнести с топографической картой также название острова *Люльостров*, расположенного у дер. Куганаволок, и обозначить данный остров на топонимической карте объектов с топоосновой *Lyly(s)-/Люль-* (Рис. 1). Указанная топооснова восходит

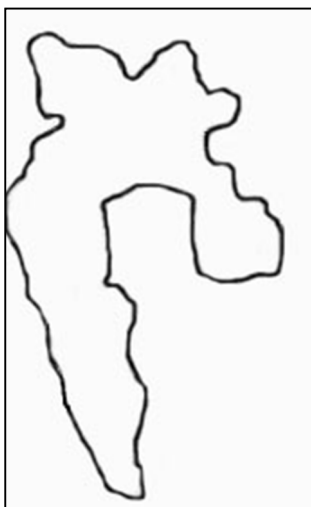

Рис. 2.
Озеро *Lylylampi* (Финляндия, Иломантси)

к прибалтийско-финской лексеме (ср. карел. *lyly* ‘комель, крень; длинная лыжа для левой ноги, изготовленная из косослойного дерева’, вепс. *lül’u* ‘крень, крепкая древесина, которая образуется в стволе хвойного дерева, согнувшегося во время роста’) и метафорически передает *изогнутую* форму объектов (Рис. 2–4). Топонимическая карта показывает, что названия данного типа концентрируются в западной и восточной частях современной Финляндии, при этом указанная топооснова в наименованиях водных объектов (к этой группе также относятся названия островов, мысов, заливов) преобладает в восточной части, что позволяет связать появление топонимической модели *Lyly(s)-/Люль-* на территории Карелии и Архангельской области с оттоком населения из восточной Финляндии. В Карелии и Архангельской области данная модель фиксируется в основном в названиях водных объектов, ср. оз. *Lylyjärvi* (К, Ребол, Емельяновский, Ровкула)¹,

оз. *Lylyvengi* (К, Сегоз, Сяргозерский, Хирвиниemi), о. *Lylysuari* (К, Ухт, Тихтозерский, Хяме), порог *Lylikoski* (К, Ухт,

Тихтозерский, Хяме), зал. *Lylylakši* (К, Ухт, Вокнаволоцкий, Вокнаволок), оз. *Люлезеро* (К, Сорок, Лапинский, Ендогуба), р., уг. *Люлярека* ~ *Люлезрека* ~ *Люля* ~ *Кевот* (К, Сорок, Лапинский, Ендогуба), мыс *Lylyniemi* (К, Петров, Лубосалмский, Соймигора), о. *Люльостров* (К, Пуд, Канзанаволоцкий, Гумарнаволок), о. *Люльостров* (К, Пуд, Куганаволоцкий, Большой Куганаволок), оз. *Люль* (А, Плес, Обозерский, Обозерский) и др. Кроме того, на карте проявляются пути распространения модели, маркирующие маршруты к Белому морю и в Заволочье (такие же пути характерны и для ряда других топонимических моделей, что подтверждает тот факт, что, переселяясь на новые территории, население приносило с собой и

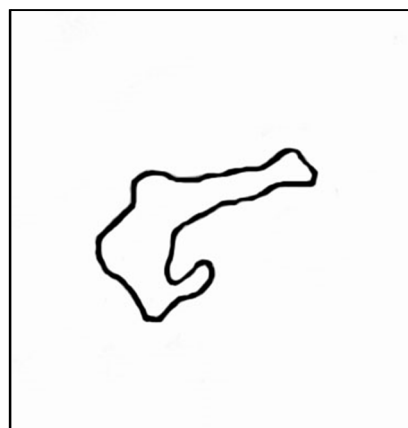

Рис. 3. Остров *Люльостров* (Карелия, Пудожский район)

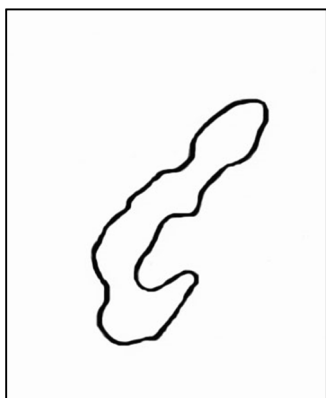

Рис. 4. Озеро *Люль* (Архангельская область, Плесецкий район)

модели именования географических объектов).

Примечательно, что и сами пути (прежде всего, водные), вдоль которых происходило освоение северных земель, помечаются названиями с дорожной семантикой. Так, в топонимии Водлозерья зафиксировано несколько субстратных моделей для обозначения волоковых участков дорог. Ряд топонимов с основой *Матк-* / *-матка* (зал., дер. *Маткалахта*, зал. *Везиматка*, уроч. *Путиматка*, бол., зал. *Тимматка*, уроч. *Лаусматка*) восходит к прибалтийско-финскому периоду освоения края, ср. карел. *matka*, *matk*, вепс. *matk* ‘путь, дорога, расстояние, переход, волок’. Основа *Ухт-* с фонетическим вариантом *Охт-* (р. *Ухтинжа*, оз. *Ухчинжа*, зал. *Утилахта* / *Утялахта*, р. *Нижняя* / *Верхняя Охтома*, о., дер. *Охтомостров*, зал. *Охтомлахта*, порог *Охтомпорог*, оз. *Верхнее* / *Нижнее Охтомозеро*) реконструируется в финно-

¹ Административно-территориальная привязка по территории Республики Карелия дается согласно положенному в основу структуры Научной картотеки топонимов ИЯЛИ и ГИС «Топонимия Карелии» Списку населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 года); по Архангельской области – согласно современному административно-территориальному делению, положенному в основу структуры картотеки Топонимической экспедиции УрФУ.

угорских языках в виде **ukti* со значением ‘дорога, волок’ [Sammallahti 1988: 537]. Наличие нескольких семантически идентичных моделей в одном ареале дает основания возводить их к разным языковым источникам, а значит, и к разному времени функционирования. Дальнейшая разработка вопросов, связанных с выявлением и картографированием топонимов с дорожной семантикой, сопоставлением разноязычных и разновременных моделей именования географических объектов, реконструкцией древних путей Водлозерья кажется весьма перспективной.

В 1991 г. территория Водлозерья стала частью Национального парка «Водлозерский», одной из основных задач которого является сохранение, изучение и возрождение историко-культурного наследия этой своеобразной и во многом уникальной территории Русского Севера [<http://vodlozero.ru/ru/cultura/>]. Географические названия Водлозерья, заключающие в себе определенный этноисторический контекст, представляют наравне с природным разнообразием, архитектурой, фольклорной традицией Водлозерья особую ценность, являются своеобразными памятниками нематериального культурного наследия территории.

В условиях нарастающих тенденций забвения исконной топонимии, замещения ее современными названиями (ср. зафиксированные в экспедиции 2016 г. топонимы в окрестностях д. Куганаволок: о. *Врангеля*, зал. *Японское море* и др.), а также распространения в сети Интернет некорректных этимологий для ряда местных топонимов актуальной становится проблема сохранения, изучения и грамотного использования географических названий, вызывающих живой интерес как у гостей Парка, так и у местных жителей.

Одним из видов практического приложения топонимических исследований должна стать разработка рекомендаций для гидов-экскурсоводов и сотрудников Национального парка «Водлозерский», где содержались бы основные сведения о топонимии края, разработка топонимических карт и издание словаря топонимов Водлозерья.

Сокращения

Названия языков и диалектов

вепс. – вепсский
карел. – карельский
прасаам. – прасаамский
приб. – фин. – прибалтийско-финский
саам. – саамский

Названия географических объектов

бол. – болото
г. – гора
дер. – деревня
зал. – залив
о. – остров
оз. – озеро
р. – река
руч. – ручей
уг. – угодье
уроч. – урочище

Названия районов

А – Архангельская область
К – Карелия
Петров – Петровский район
Плес – Плесецкий район
Пуд – Пудожский район
Ребол – Ребольский район
Сегоз – Сегозерский район
Сорок – Сорокский район

ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

ГИС «Топонимия Карелии» – Географическая информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии»

Литература и источники

Березович Е. Л., Макарова А. А., Муллонен И. И. «Демонологические» названия в русской и субстратной топонимии Русского Севера и Карелии (на материале основ Черт- и Hiisi-) // *Linguistica. LV / Slovanski jeziki v stiku z neslovanskimi: diahroni onomastični pogled = Slavic/Non-Slavic language contact in the area of diachronic onomastics* / [uredil Silvo Torkar]. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete = Presses scientifiques de la Faculté des Lettres, 2015. P. 187–206.

Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финский топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Петрозаводск, 2015. 234 с.

Муллонен И. И. Тайны топонимики Водлозера // *Знамя труда*. 25.08.1984. С. 4.

Официальный сайт Национального парка «Водлозерский». URL: <http://vodlozero.ru/ru/cultura/> (дата обращения: 03.11.2016).

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // *Материалы по истории народов СССР*. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: / подг. к печ. А. М. Андрияшев; под ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930.

ПФГЛК – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. 162 с.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koronen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: SUS, 1968–2005.

Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita*. № 1. Helsinki: SUS, 1976. S. 43–172.

Sammallahti P. Historical phonology of the Uralic languages // *The Uralic languages. Description, history and foreign influences* / ed. by D. Sinor. Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1988.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. I–III. Helsinki: SKS, 1992–2000.

Turunen A. *Lyydiläismurteiden äännehistoria*. I. Konsonantit. Helsinki: SUS, 1946. 338 s.

Денис Викторович Кузьмин

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ИМЕНОСЛОВА У КАРЕЛОВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ*

Общее

Карелоязычные варианты христианских имен все еще ждут своего исследователя, хотя целый ряд наблюдений в этой области был сделан известным финским ономастом Вильё Ниссиля. В начале 1940-х годов Ниссиля совершил несколько поездок в южные части бывшей Олонецкой губернии, где он собирал топонимический и антропонимический материал, главным образом, на территории проживания собственно-карелов и карелов-людиков. Результатом этих поездок стали статьи и исследования, в которых рассматривалась в т. ч. и ка-

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

релоязычная антропонимия [Nissilä 1943, 1947, 1967, 1973]. Кроме него данную проблематику затрагивали в своих работах такие видные финские ученые как Кустаа Вилкуна (Kustaa Vilkuuna) и Яло Калима (Jalo Kalima), а также некоторые другие исследователи. Однако обобщающего исследования по этой теме так и не появилось. Можно также отметить, что карельская христианская антропонимия привлекалась часто в качестве сопоставительного материала при изучении финской антропонимии, а также в разноплановых топонимических исследованиях.

Подобная ситуация наблюдалась и в Советском Союзе, где в исследованиях по топонимии, рассматривалась в том числе и карелоязычная антропонимия. При этом в 1960–1970-х годах и ранее большинство исследований основывалось, как и в Финляндии, на данных письменных источников, а не на полевых экспедиционных материалах. В бывшем СССР и в современной России карельская антропонимия представлена, например, в работах Александра Попова, Войтто Лескинена, Нины Мамонтовой, Ларисы Ругоевой, Ирмы Муллонен, Ольги Карловой, а также некоторых других исследователей. И. И. Муллонен, например, исследуя топонимию территории Карелии, обращала внимание в ряде статей на субстратные названия, в основе которых реконструируются личные имена карелов. Единственным исследователем, который специально занимался карелоязычной антропонимией, является Ольга Карлова. Основные научные интересы исследовательницы связаны, прежде всего, с изучением дохристианских личных имен, а также прозвищ и неофициальных фамилий карелов. В то же время в своих статьях, а также в неопубликованной кандидатской диссертации, исследовательницей уделяется внимание и христианским личным именам карельского населения. Таким образом, и на этой стороне границы обобщающего труда по карельским христианским именам до сих пор не существует. Тем самым, вопросы, связанные с фонетической адаптацией русских имен карелами, структурой заимствованных имен, их вариативность и распространенность на разных территориях, остаются до сих пор плохо изученными.

Приход христианства в Карелию и Финляндию

После принятия христианства традиционный ономастикон прибалтийских финнов существенно обновился. По мере распространения христианской веры дохристианские личные имена карелов стали постепенно выходить из употребления, а их место заняли имена христианских апостолов и святых. Таким образом, можно констатировать, что церковные личные имена составляют на сегодняшний день во всех прибалтийско-финских языках самую большую группу имен.

Первоначально круг христианских имен в разных частях христианского мира был более или менее общим, поскольку осуществлялся культурный обмен, сопровождающийся заимствованием имен и составлением жизнеописаний святых. Однако к середине XI века происходит конфессиональное разделение церкви на Римско-католическую на западе и Православную на востоке, после чего пополнение каждого ономастикона идет своим путем [Суперанская 1998: 9].

Новые христианские имена в ряде случаев могли, видимо, закрепляться в качестве крестильных в среде прибалтийских финнов достаточно рано, поскольку самые ранние следы присутствия знаков в виде креста в погребальных памятниках фиксируются в Финляндии, например, уже в X веке [Vilkuna 1990: 14]. Данный факт свидетельствует о начальном этапе знакомства местного населения того времени с христианской культурой. Можно также отметить здесь, что наиболее ранние христианские термины (*pappi* ‘поп’, *risti* ‘крест’, *pakana* ‘язычник’, *raamattu* ‘библия’) являются в прибалтийско-финских языках достаточно ранними славянскими заимствованиями, что свидетельствует, в том числе, о том, что все они были усвоены прибалтийскими финнами при посредничестве восточной ветви христианской церкви. Таким образом, можно думать, что раннее христианское подвижничество началось, видимо, задолго до того, когда появляется первое письменное свидетельство о крещении карелов в первой трети XIII века.

Принятие христианства на Руси произошло в конце X века. По мере распространения и укоренения новой религии на новгородских землях в XI–XII веках, восточная христианская церковь стала, видимо, проводить целенаправленную миссионерскую деятельность и в среде прибалтийских финнов – эстонцев, вепсов, ижоры и карелов. Тем не менее, ранние проявления христианской деятельности могли повлиять только на незначительную, главным образом, высшую прослойку средневековой карелы – или на так называемую родоплеменную знать, в то время как основная масса древнекарельского населения еще долгое время оставалась языческой, особенно на отдаленных от средневековых центров территориях. Стоит все же отметить, что возможные следы, указанной выше православной миссионерской деятельности, обнаруживаются достаточно далеко от карельских территорий, в т.ч. и во внутренних частях современной Финляндии, например, в Хяме. В окрестностях поселения Войпала прихода Сюсьмя найден, например, клад, предметы которого датируются периодом не позднее середины XI века. Помимо серебряных монет в нем находился также серебряный крест с карельской орнаментацией [Vilkuna 1990: 15].

Александр Мусин предполагает, что в условиях военного союза карельского племенного объединения с новгородским государством, который проявляется в совместных военных походах, происходило начальное знакомство карелы с христианской Церковью и культурой, что подготовило акт крещения в 1227 году. Возможные археологические свидетельства такого знакомства – проникновение на территорию Северо-Западного Приладожья христианских древностей XI–XII веков [Мусин 1997: 252]. Несомненно, распространению христианских идей способствовали в немалой степени и торговые контакты. В более позднее время становление православия происходит в контексте христианского расселения и земледельческой колонизации.

Первыми конкретными следами распространения христианской веры и тем самым влияния христианства на мировоззрение жителей древнекарельских территорий может являться изменение системы похоронного обряда, начиная с XI века, когда на смену могилам с захоронениями по обряду трупосожжения появляются могилы с захоронениями по обряду трупоположения¹. Изменяется ориентация захоронений с севера на юг на принятую в христианстве ориентацию с запада на восток, а также среди погребальных вещей появляются нательные крестики и другие предметы с христианской символикой. Например, в могильнике в окрестностях Кекомяки (приход Каукола) часть могил, начиная с XII века, частично носит уже христианский характер. Здесь, например, нательный крестик обнаружен на шее у четырех погребенных мужчин.

Рис. 1. Фибула из Кекомяки

В одной из могил обнаружена серебряная фибула с надписью Ave Maria GT (см. рис. 1), а также серебряная пластинчатая фибула с изображением девы Марии в восточной традиции. Кроме этого, в составе погребального инвентаря присутствует серебряная подвеска, а также цепедержатели с мотивами² креста. Кресты-тельники и иконы на шее умерших могут быть свидетельствами того, что погребенные были людьми крещеными [Kirkinen 1981: 274–275].

Среди находок, обнаруженных в погребениях присутствует значительное количество вещей, происхождение которых указывает на связи с новгородскими землями, в числе которых фиксируются и христианские символы. Нательные крестики, а также подвески с христианской символикой обнаружены в Сакколе, Кауколе и Хийтоле. Круглые серебряные выпуклые фибулы с изображением креста в восточном стиле найдены в окрестностях Суотниemi (Кякисалми), Коверила (Каукола), Тиури, Килполанмяки (Хий-

¹ Археолог Светлана Кочуркина (КарНЦ РАН) не связывает эти изменения с приходом христианства. Появление же христианских могил на территории средневековой карелы она относит к середине XIII века (устное сообщение).

² По мнению С. И. Кочуркиной, мотив креста здесь не связан с христианской культурой (устное сообщение).

тола), Сипилянмяки (Саккола). Фибула, найденная в Суотниemi, датируется, например, XI веком¹. Христианская орнаментика присутствует и среди находок из могильника Тууккала (Миккели), который близок по составу вещей погребениям Карельского перешейка [Кочкуркина 1982: 69]. Находки предметов христианского культа в регионе свидетельствует, таким образом, о знакомстве в той или иной степени местного населения с христианской культурой.

Акт крещения 1227 года свидетельствует о самом начале церковной истории на карельских землях, и предполагает, видимо, начало официального поступательного продвижения христианской культуры в среду карелов.

Для части карельского населения крещение не было, по всей вероятности, абсолютно добровольным актом. На это опосредованно указывают, например, записанные В. И. Немировичем-Данченко у карелов в 1877 году народные предания, которые повествуют о неких железных людях, которые облили кровью землю карелов и крестили их силой в христианскую веру [Немирович-Данченко 1877: 430].

После крещения в центральных частях региона начинает, очевидно, формироваться церковно-административная структура погостов, хотя достаточной информацией о характере христианского процесса в этот период в регионе мы пока не располагаем. Можно, например, говорить о том, что первичная церковная структура погостов существовала на территории административных центров средневековой корелы уже к 20-м годам XIV века. О ней мы впервые узнаем из текста Ореховецкого мирного договора 1323 года, согласно которому Швеции были переданы три корельских погоста Яски, Эвряпя и Саволакс. В то же время, самое раннее письменное сообщение, в котором упоминается церковь на территории Корельской земли в Кюлолакшском погосте, относится только к 1395 году [Жуков 2013: 78]. Новгородская берестяная грамота № 278 (дат. 1363–1382) сообщает также о дьяке Филиппе, возможно, проживавшем в Кюлолакшском погосте [ПИОК: 82]. В данной грамоте упомянуты крещенные карелы – Захарий и Микита Еванов. В грамоте 403 (XIV в.): крестильное имя Марк; а в грамоте 249 (рубеж XIV/XV веков) (1396–1422): Микулин человек Микита и Стенька Киреев сын [ПИОК: 82–83, 86]. Кроме этого поход карелов на реку Оулу в 1377/78 году возглавлял воевода Иван Валит [ПИОК: 50–51]. В то же время становление полноценной церковной погостной организации в регионе относится, видимо, только к концу XV века.

Здесь можно отметить, что упомянутые в договоре погосты – Яски, Эвряпя и Саволакс – находились на важнейшем торговом пути региона – по реке Вуоксе и озеру Саймаа, что позволяет думать о том, что Новгородское государство именно здесь достаточно рано установило свою власть и идеологический контроль [Корпела 2003]. Можно полагать, что часть населения в центральных частях погостов была крещена к началу XIV века, хотя остается не вполне ясным, насколько это население все же было охвачено церковной культурой. О процессе христианизации древнекарельского населения косвенно свидетельствуют фамилии православного происхождения, фиксируемые среди восточно-финского населения в середине XVI века. В это время в ряде населенных мест количество родов с одинаковой фамилией было уже значительным, а это предполагает, что их общий предок, от имени которого та или иная фамилия образовалась, мог проживать, видимо, на рубеже XIV–XV веков. Это, в свою очередь, дает возможность полагать, что факт крещения предков некоторых восточно-финских родов в православную веру мог состояться еще в XIV веке.

Возможно, формирование погостной церковно-административной структуры можно увязывать с периодом последней трети XIII века, когда происходит окончательная смена типа государственного подчинения корелы: от союзническо-конфедеративных отношений к вассалитету Новгородской республики, особенно после похода князя Дмитрия Александровича на корелу в 1277/78 году. Свидетельствует об этом в т.ч. и факт появления политико-государственного понятия земля в отношении территории, заселенной средневековой корелой. Наименование Корельская земля зафиксирована впервые в связи с началом военного конфликта между Новгородом и Швецией в 1293 году. Под термином земля подразумевалась

¹ С. И. Кочкуркина считает, что найденная фибула относится к периоду рубежа XII–XIII веков (устное сообщение).

в Средние века, прежде всего, подвластная государственная территория и ее власть [Жуков 2013: 93]. Таким образом, с 70-х годов XIII века можно начать говорить о вхождении карельских территорий в сферу полноценных государственных интересов Новгорода, который до этого контролировал земли средневековой карелы в незначительной степени. В это же время происходит и установление официальной местной администрации центральных районов и, видимо, системы погостов. Здесь можно также отметить, что в XII–XIV вв. у карелов шел интенсивный процесс становления этноса из разрозненных групп местного прибалтийско-финского населения, и появление церковных погостов, несомненно, способствовало этнической консолидации карелов.

Первые погосты в южной части современной Карелии появились к середине XIII века на землях средневековых вепсов, в Посвирье и на Олонце, а также у русских и вепских крестьян-переселенцев на Заонежском полуострове, который, как известно, является древнейшим очагом пашенного земледелия в Карелии. Предполагается, что начальный этап освоения Заонежского полуострова новгородцами и древними вепсами относится ко второй трети XIII века, как раз во время становления Обонежского ряда. В середине XVII века в Толвуйском погосте на востоке Заонежского полуострова олонецким воеводой проводился обыск в погосте и под присягой было опрошено все взрослое население погоста. Выяснилось, что со времени основания погоста и возведения церкви в Толвуде – «лет с четыреста» [Православие в Карелии: 31]. Таким образом, можно полагать, опираясь на это сведение, что погост с церковью в Толвуде возник около середины XIII века. Не исключено, что именно с новгородскими поселенцами на эти земли пришло и православие. Исследование текста Обонежского ряда и сведений летописей за то время также показало, что налог (десятина) с погостов на Олонце и в Посвирье стала поступать Дому Святой Софии в Новгород с конца 1250-х годов, когда эти земли были отданы республикой новгородскому князю в кормление [Жуков 2000: 44].

Выше уже было отмечено, что влияние христианской церкви стало усиливаться в средневековой Карелии, начиная с XIII века. Это было связано, в том числе, и с тем, что укрепление Новгородом государственной власти в Приладожье происходило через поддержание православного христианского миссионерства. В Карелии, например, в XIV веке помимо Валамского монастыря, был основан целый ряд других монастырей и пустыней, которые на начальном этапе представляли собой небольшие скиты. Часть из них получила развитие в XVI–XVII веках. На территории северо-запада современной России их появлению способствовали, видимо, и военные действия между Новгородом и Москвой в 80-х годах XIV века, когда было сожжено 24 монастыря, монахи которых были вынуждены искать для себя новые места проживания или уединения. Речь идет о походе 1386–1387 великого князя Дмитрия Донского во главе коалиции владимирских князей на Новгород. Можно думать, что свою роль сыграло также распространение в конце XIV–XV веках с Балкан в восточную Европу, в том числе и на Русь, христианского мистического мировоззрения, именуемого исихазмом [Korpela 2004: 196] (от др.-греч. ἡσυχία, ‘спокойствие, тишина, уединение’). Результатом этого стало, например, появление на Руси целого ряда скитов и пустыней, образованных подвижниками православной веры. Таким образом, подвижничество монахов и постепенное продвижение монастырями христианства в среду прибалтийских финнов являлись характерной чертой православной церкви в последние века Средневековья. Военного продвижения или крестовых походов в целях религиозного приобщения к христианству язычников, как это было на западе, на новгородских землях, по крайней мере, официально - не осуществлялось.

В 1478 г. карельские земли вместе с новгородскими вошли в состав Российского централизованного государства, и именно с этого периода можно говорить о том, что христианство более или менее крепко становится на ноги на территориях расселения карелов. Однако в грамотах новгородских архиепископов Макария и Феодосия 1534 и 1548 годов сообщается о подверженности населения на территориях Обонежской и Вотской пятин сильным языческим пережиткам, а также о необходимости изживания языческой обрядности. Упоминается, например, что после рождения детей местное население сначала «призывает арбуев или знахарей, которые дают детям «местные дохристианские» имена, а только после этого идут

к православным священникам» [ПИОК: 60-64, 67–72]. Несмотря на убедительность описанных пережитков А. Мусин предлагает воспринимать смысл этих грамот в историко-культурном контексте. Указанные огрехи, по его мнению, являются не столько проявлением язычества или двоеверия среди местного населения, сколько как особенностями христианской культуры этих территорий. А. Мусин также полагает, что обличительный пафос новгородских архиепископов следует понимать исключительно в контексте ликвидации новгородских «вольностей и обычаев», которые проявлялись, в том числе, и в определенной терпимости в отношении дохристианской культурной традиции. Когда же на покоренные Москвой новгородские земли начинает распространяться влияние московской церковной культуры, то ее проводники, выходцы из московского монашества и епископата, требуют нивелировки местных традиций под московский образец [Мусин 1997: 261].

В заключение можно отметить, что в течение многих столетий у карелов наблюдается удивительная способность впитывать извне различные культурные влияния и импульсы и перерабатывать их в соответствии с потребностями местной карельской культуры и языка. Не является исключением в данном случае и карельская антропонимия. После принятия православия в 1227 году карелами было усвоено множество новых христианских имен, которые со временем получили значительное количество народных разговорных форм, трансформировавшись в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами карельского языка. Ниже в таблице, мы можем видеть бытующие или бытовавшие ранее в среде карельского населения народные разговорные варианты, образованные от канонического имени **Иван**. Звездочкой отмечены формы имени, для которых реконструировано происхождение на основании параллельно существующих в карельском языке вариантов:

Čonkku	Čonsku	D'ava	D'ukki	Iba	Ibi
Ibo	Ibu	Ibukka	Iha*	Ihannus	Ihanus
Ihanti	Ihoi*	Ilibo	Ilikka	Ilikki	Iin'a
Iipi	Iipoi	Iippi	Iipu	Iiputti	Iissu
Iitti	Iiva	Iivačču	Iivakka	Iivakko	Iivana
Iivari*	Iivatta	Iivatti	Iivi	Iivikki	Iivo
Iivoi	Iivu	Iivukka	Iivukki	Iivuli	Iivuška
Iivutti	Iivvučči	Iintu	Iipa	Iipitti*	Iipka
Iipoi	Iippi	Iippo	Iipu	Iisoi	Iišoi
Iši*	Išu	Iššukki*	Išukka	Išukki	Išukku
Iušoi	Iutti*	Iiva	Iivačču	Iivakko	Iivan'oi
Ivančča	Ivanti*	Iivanuška	Iivaške	Iivaški	Iivaško
Ivašši	Ivoi	Iivukki	Iianne	Iianus* (док.)	Iivana
Iavana	Iepukki	Iionne	Iionnsku	Iiovana	Iiuhana*
Iuho	Iiuka*	Iiukki	Iiuko	Iiuppi*	Iiuška
Iuško	Iiussi	Iiušši	Iiuvia	Iiuvakka*	Iiuvana
Iuvani	Iiuvo	Iiuvoi	Iiöčy	Iivan'a	Iivan'ka
Ivan'kka	Ivan'kossu	Ivan'n'u	Ivan'oi	Ivan'u	Ivan'uša
Ivan'ušku	Iivana	Iivanča	Iivanču	Iivani	Iivankka
Iivanni	Iivannu	Iivanoi	Iivan'a*	Iivantka	Ii'evana*

Литература и источники

Жуков А. Ю. Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XIII–XV вв.) // Православие в Карелии: мат-лы Респ. науч. конф. (24–25 октября 2000 г.) / ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск, Петрозав. гос. ун-т, 2000. С. 40–47.

Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск, 2013.

Корпела Ю. Государственная власть и христианизация в Приладожье в Средние века // Православие в Карелии: материалы 2-й Междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск, Изд-во КарНЦ РАН, 2003. С. 44–52. [Электронный ресурс] URL: <http://refdb.ru/look/1784718-pall.html>

Кочкуркина С. И. Древняя Карелия. Л., «Наука», 1982.

Мусин А. Е. Становление православия в Карелии (XII–XVI вв.) // Рябининские чтения – 1995: междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера: сб. докл. / ред. Афанасьева А. И. и др. Петрозаводск, 1997. С. 242–262.

Немирович-Данченко В. И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб., Изд-во М.О. Вольфа, 1877.

ПИОК – Письменные известия о карелах / сост. С. И. Кочкуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. Петрозаводск, 1990.

Православие в Карелии – Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999.

Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. Москва, 1998.

Kirkinen H. Kalevalainen Karjala ja kristinusko // Karjala I, Portti itään ja länteen / toim. metropoliitta Ambrosius, M. Naario, Y.-P. Mäkinen, I. Lehmusvaara. Hämeenlinna, Arvi A. Karisto Oy, 1981. S. 259–279.

Korpela J. Viipurin läänin historia II: Viipurin linnaläänin synty. Lappeenranta, Karjalan kirjapaino, 2004.

Vilkuna, Kustaa. Etunimet. Keuruu, 1990.

Мария Владимировна Кошелева

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ДИСТРИБУЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ –ТА/-ДА В І ИНФИНИТИВЕ ВЕПСКИХ ДВУХОСНОВНЫХ ГЛАГОЛОВ

В зависимости от характера основы, к которой присоединяется показатель инфинитива, в вепском синхронном языкознании инфинитивы принято разделять на три группы [Зайцева 2002: 23]. К первой группе относятся инфинитивы с показателем *-da*, которые принято называть одноосновными. Как видно из названия, у этих глаголов всего одна гласная основа, которая выступает в любой форме при глагольном формообразовании. Основа, которая находится перед показателем инфинитива, всегда оканчивается на гласный звук (*a, ä, u, o, i*), например: *sada* 'получать', *varastada* 'ждать', *lugeda* 'читать', *sanuda* 'говорить', *ujuda* 'плавать', *palada* 'гореть', *eläda* 'жить', *vedada* 'вести', *pidada* 'держат', *nimitada* 'называть', *pipkutada* 'курить', *libuda* 'подниматься', *veda* 'нести', *rigehtida* 'спешить', *voida* 'мочь', *kadehtida* 'завидовать', *sidoda* 'вязать', *kadoda* 'пропадать', *löda* 'бить', *nevoda* 'советовать', *valada* 'наливать'.

Такие глаголы как *sada, löda, toda, veda, möda*, в которых выделяется сейчас только гласная основа, были исторически двухосновными и входили в одну группу с глаголами *mända* 'идти', *tulda* 'приходить', *panda* 'класть', *olda* 'быть', *kulda* 'слышать'. В последних уже в прибалтийско-финское праязыковое время произошло образование согласных основ с выпадением гласной *-e* в тех формах, где присоединявшийся к основе грамматический показатель образовывал слог. К таким формам относится и инфинитив. В вепском языке они

со временем пополнили группу двухосновных глаголов, которая сформировалась в результате вепсской синкопы гласной второго слога.

Вторая группа имеет *-ta* в качестве показателя инфинитива. С синхронной точки зрения ее принято рассматривать как группу глаголов, имеющих две гласные основы – долгую и краткую. Инфинитив здесь выступает как форма с краткой гласной основой. Инфинитивы этой группы называют одноосновными в вепсском языке, однако исторически они являются двухосновными, при этом инфинитивный показатель *-ta* присоединялся в них к согласной основе. Таких глаголов достаточное количество в вепсском языке: *kirjoita* 'пестреть', *varjoita* 'охранять', *kabaloita* 'пеленать', *kaita* 'беречь', *ahavoita* 'везть', *adivoita* 'угощать', *ozaita* 'отгадать', *čiraita* 'шипеть', *kumaita* 'опрокинуть', *kirgouta* 'окликнуть', *löuta* 'находить', *torata* 'драться', *tabata* 'поймать', *kogota* 'собирать', *erigata* 'отстать', *kozita* 'сватать', *semeta* 'сеять', *opeta* 'учить', *el'geta* 'понимать', *rubeta* 'приступать', *lüheta* 'коротать', *pideta* 'удлинять', *lūkäita* 'ударить', *paimita* 'пасти', *väta* 'играть', *leta* 'лестать', *teta* 'знать' и т. д.

В третьей группе глаголов в инфинитиве, в отличие от вышеперечисленных групп, перед его показателем в современном вепсском языке выступает согласная основа. Такие глаголы называются двухосновными, а показателем инфинитива может выступать как *-da*, так и *-ta*, например: *kucta* 'звать', *tacta* 'бросать', *riičta* 'раздевать', *kacta* 'смотреть', *ličta* 'запихивать', *rouhta* 'грызть', *jauhta* 'молоть', *tehta* 'делать', *rehkta* 'трясти', *voukta* 'просыпать', *käskta* 'приказать', *laskta* 'опустить', *nolda* 'лизнуть', *kül'mda* 'замерзнуть', *nagrda* 'смеяться', *painda* 'нажимать', *olda* 'быть', *vihmda* 'дождить' и т. д.

В данной статье ставится задача выяснить, чем может быть обусловлен выбор варианта показателя инфинитива, насколько он последователен и чем объясняются исключения из общего правила. Как свидетельствует большой ряд примеров, выбор показателя определяется качеством последнего согласного основы.

Общее правило состоит в том, что следом за основой, оканчивающейся на глухой согласный, выступает глухой вариант инфинитивного показателя *-ta*: *amp̄ta* 'стрелять', *samp̄ta* 'гасить', *ripta* 'висеть', *jok̄sta* 'бежать', *käsk̄ta* 'приказывать', *pesta* 'мыть', *kar̄sta* 'обрубать', *läht̄ta* 'отправляться'; если же основа оканчивается на звонкий согласный, за ней следует показатель *-da*: *nold̄a* 'лизнуть', *hold̄a* 'заботиться', *kuld̄a* 'слушать', *kül'm̄da* 'мерзнуть', *nagr̄da* 'смеяться', *ver̄da* 'ложиться', *pur̄da* 'кусать', *vihm̄da* 'дождить', *pain̄da* 'нажимать'.

В родственных языках, например, финском и карельском большинство приведенных выше глаголов являются одноосновными, с гласной основой. Это т.н. глаголы первого типа, в финском в них используется показатель *-a/-ä*, восходящий к праязыковому **-da*: фин. *astua* / вепс. *astta* < **astu+da+k*, *lypsää* < **lypsä+ä+k*, *lähteä* < **lähte+ä+k*, *kutsua* < **kutsu+da+k*, *ampua* < **ampu+da+k*, *katsoa* < **katso+da+k*, *istua* < **istu+da+k*, *siirtää* < **siirtä+ä+k*. Вепсская дистрибуция, т. е. разделение глаголов с праязыковым **-da* на две группы (*-ta* и *-da*), сложилась после того, как в вепсском языке произошло выпадение гласной второго слога в случае, если первый слог был исторически долгим или закрытым: *ostta* 'покупать', *čapta* 'рубить', *poltta* 'жечь', *pirta* 'рисовать', *antta* 'давать', *kucta* 'звать', *kacta* 'смотреть', *jauhta* 'молоть', *seišta* 'стоять', *lähtta* 'отправляться', *putta* 'попадать'. Это явление затронуло все вепсские диалекты, и в силу этого может считаться общевепским или довепским, т. е. произошедшем на стадии бытования единого вепсского праязыка, еще не разделенного на диалекты. В то же время оно хронологически считается явлением более позднего порядка, чем прибалтийско-финская гласная основа и, соответственно, выступавший с ней в связке праязыковой показатель **-da*: *ostta* < **osta+ta+k* > **osta-+da+k* (> фин. *ostaa*) > вепс. **ost-+da+k* > *ost-ta* 'купить'.

В результате вепсской синкопы гласной второго слога историческая гласная основа преобразовывалась в согласную, и последняя согласная фонема основы оказывалась в непосредственном соседстве с показателем инфинитива **-da*. На стыке морфем происходила ассимиляция: после звонкой согласной инфинитивный показатель приобретал вид *-da*, а после глухой преобразовывался в *-ta*. Подчеркнем еще раз, что это явление является общевепским и пронизывает все вепсские диалекты.

Будучи последовательной, вепсская синкопа, тем не менее, имеет некоторые исключения, напрямую связанные с формой первого инфинитива.

В ряде слов произошло сохранение гласной *u* (*ii*) во втором слоге, если первый слог был долгим и закрытым. Это такие глаголы как: *laihtuda* 'худеть', *johtuda* (*mel'he*) 'прийти на ум', *gäduda* 'замёрзнуть', *liūduda* 'найтись', *kastuda* 'намочнуть', *lebduda* 'раскручиваться' и т.д. Чем вызвана такая ситуация?

На неё в своё время обратил внимание Э. А. Тункело, предложивший два возможных объяснения. Из них он отдаёт предпочтение аналогии с трёхсложными глаголами с основой на *-u*, в которых произошло выпадение гласной во втором слоге, в результате чего они преобразовались в двухсложные: *näl'ktuda* 'проголодаться' < **nälkäntüδäk* > **näl'ktu-δak* > *näl'ktuda*, *vanhtuda* 'постареть' < **vanha-tu-δak*. Гласный *u*, оказавшийся во втором слоге, в действительности был первоначально в третьем. Источником аналогии могли послужить и относительно новые образования с основой на *-u*, например *len'duda* 'облениваться', *gol'duda* 'обеднеть', восходящие к русским основам [Tunkelo 1946: 721–722].

Другая возможная причина сохранения *u* в двухсложной основе, отмеченная Тункело в качестве дополнительной, на самом деле может быть основной и носить универсальный характер. Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что речь идёт о непереходных глаголах. Не исключено в связи с этим, что конечный гласный основы *u* стал восприниматься как знак рефлексивности глагола, то есть как словообразовательный суффикс¹. Он служит для различения транзитивных и интранзитивных глаголов: *kastuda* 'намочнуть' и *kastta* 'намочить'.

Неслучайно, если такой необходимости в различении переходных и непереходных образований нет, конечный гласный *u* из основы может выпасть: *ampta* 'стрелять' < **ambu-δak*, *putta* 'оказаться' < **puutu-δak* < **puuttu-δak*. Известно, что морфонологизация нередко объясняет исключения из фонетических закономерностей, закрепляя исторический облик морфемы. В случае с фонетически незакономерным сохранением *u* произошла, очевидно, именно такая морфонологизация. Вывод подтверждается подобным же отступлением от синкопы *u* в других словообразовательных элементах, например, в диминутивном суффиксе *-ut*, где *-u-* сохранился во втором слоге при первом долгом и закрытом: *lapsuded*, *vöhut*, *tehut*; в показателе II причастия (*jänuded*, *kounuded*).

При этом в сохранении *-u-* в инфинитивах нет строгой последовательности, в говорах зафиксированы *ripta* и *rippuda* 'висеть', *sampta* и *sambuda* 'гаснуть', *päzda* и *päzuda* 'выходить' – очевидно, по причине того, что интранзитивность этих глаголов не ощущалась в полной мере носителями говоров. Для нормированного вепсского языка приняты варианты с сохранившимся гласным *-u-* второго слога.

В контексте дистрибуции показателей *-ta* и *-da* в зависимости от глухой или звонкой основы требует объяснения глухой облик показателя, выступающего в третьем слоге после основы, завершающейся на сонорный согласный звук: *ombelta* 'шить', *kumarta* 'кланяться', *iimbärta* 'обходить', *kundelta* 'слушать', *andelta* 'давать', *vedelta* 'водить' и др. Из приведённых выше примеров видно, что правило двухсложных основ в этом случае не работает.

При этом в вепсских диалектах существует ареальная дистрибуция: глухой вариант показателя представлен в северных и средних говорах, а звонкий (или восходящий к звонкому) в южных и переходных: в переходных говорах – *ombelda*, *pidelda*, *ujelda*, в южных – *andōda* (из **andouda* < **andelda*), *pidōda*, *ujōda*. В средневепсском говоре с. Ладва бытуют оба варианта, что, видимо, свидетельствует о контактах с ареально смежными переходными говорами с закономерным *-da*. Следы подобного двойного употребления были отмечены в своё время А. Генетцем и в олонекском наречии карельского языка: в то время как в большинстве говоров ис-

¹ Рефлексивный суффикс *-u/-u* встречается в самостоятельном употреблении в финских говорах: *antaun* 'сдаюсь', *jakaun* 'разделяюсь', *lyöttäun* 'ударяюсь', *sekaun* 'вмешиваюсь'. Также его можно встретить в глаголах, утративших рефлексивную семантику: *astua*, *asua*, *kysyä*, *liikkua*, *sammua*, *syntyä*, *tarttua*, *väsyä*, *ampua*, *istua* и др. *-u-* выступает также в качестве составного элемента современного рефлексивного суффикса *-utu-* / *-uty-* [Hakulinen 1968: 222–223].

пользуется звонкий вариант *-da* (*kävelda, turmelda*), в сямозерском говоре зафиксированы *ajelta, kävelta* [Genetz 1884: 97]. Такое варьирование наблюдается и в людиковском языковом ареале: в говоре с. Мунозеро *lendelta, lugeskendelta*, а в Тивдии – *lendeldä, lugeskendelda*. Представленная фонетическая особенность касается, прежде всего, фреквентативных глаголов с основой на *-ele-*, таких как *kävelta* 'гулять', *ombelta* 'шить', *ridelta* 'спорить', *kundelta* 'слушать', *tacelta* 'бросать', *sirdelta* 'передвигать', *lendelta* 'летать' и т. д.

Вариант *-ta* следует, очевидно, признать более поздним – как противоречащий универсальной фонетической закономерности, так и в силу того, что он покрывает только часть вепсского языкового ареала. Для его объяснения Э. А. Тункело предлагает аналогию, источником которой выступают инфинитивы с закономерным *-ta* после сонорного [Tunkelo 1946: 62–64], например: *kumarta* 'наклонять' < **kumarta + ta + k* > *kumart̃tak* > *kumarta, kabarta* 'обнимать' < **kaparta + ta + k* > *kabart̃tak* > *kabarta, ümbäarta* 'окружать' < **ümpäarta + ta + k* > *ümbärt̃tak* > *ümbäarta, vihel̃tä* 'свистеть' < **viheltä + tä + k* > *vihelt̃täk* > *vihel̃tä, amurta* 'черпать' < **amurta + ta + k* > *amurt̃tak* > *amurta, nolalta* 'лизнуть' < **nolalta + ta + k* > *nolalt̃ta* > *nolalta, puzerta* 'выжимать' < **puzerta + ta + k* > *puzert̃tak* > *puzerta*. Это относительно большая группа глаголов, в нее входят, в частности, т.н. моментативные глаголы, которых в вепсских говорах немало. В данном случае «закономерность» глухого *-ta* вызвана тем, что еще в праязыковое время произошла утрата последнего гласного из основы, вследствие чего согласный *-t-* основы и *-t-* из показателя инфинитива оказывались рядом и образовывали геминату *-tt-*. Последняя закономерно в ситуации закрытого слога переходила в ослабленную геминату *-t̃t-*, преобразуясь затем в одиночный *-t-*. Иначе говоря, элемент *-ta* на самом деле включает в себя не только показатель инфинитива, но и финальный согласный основы.

Следует заметить, что исключением являются только трёхсложные глаголы с основой на *-ele-*; в четырёхсложных глаголах общее правило сохраняется, и после сонорного согласного следует звонкий показатель *-da*: *tuleskel-da – tuleskele-n* 'ходить', *taboitel-da – taboitele-n* 'ловить', *ozoitel-da – ozoitele-n* 'гадать', *semendel-da – semendele-n* 'сеять', *tervehTEL-da – tervehtele-n* 'приветствовать' и т. д.

Подводя итоги, нужно сказать, что выбор показателя инфинитива *-da, -ta* осуществляется в вепсских двухосновных глаголах по общему фонетическому правилу, которое состоит в том, что следом за основой, оканчивающейся на глухой согласный, выступает глухой вариант инфинитивного показателя *-ta*, если же основа оканчивается на звонкий согласный, за ней следует показатель *-da*. Разделение глаголов с праязыковым **-da* на две группы (*-ta* и *-da*), сложилось после того, как в вепсском языке произошло выпадение гласной второго слога в случае, если первый слог был исторически долгим или закрытым. При этом, однако, это правило стало обладать исключениями. В ряде слов произошло сохранение гласной *u* (*ü*) во втором слоге при первом долгом и закрытом, причиной чего могли послужить аналогия или морфонологизация. Исключением является и глухой облик показателя, выступающего в третьем слоге после основы, завершающейся на сонорный согласный звук, что также можно объяснить аналогией, источником которой являются инфинитивы с закономерным *-ta* после конечной звонкой согласной основы.

Стоит отметить, что в ходе создания вепсской письменности в 1980–2000 гг. её авторы стремились к определенной унификации, что могло вступать в отдельных случаях в противоречие с живыми диалектными вариантами, тем более, что и в диалектах, как в любом разговорном языке, нет единства.

В ходе дальнейшей работы будут проанализированы закономерности образования других групп инфинитивов в вепсском языке с целью выявления условий для закрепления в них звонкого и глухого варианта показателя. При этом планируется рассмотреть как диалектный срез, так и уровень нормированного вепсского языка.

Литература

- Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Петрозаводск, 2002.
Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, 1884.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoriaa. Helsinki, 1946.

Евгений Валентинович Каракин

Петрозаводский государственный университет,

г. Петрозаводск

ПЕЙОРАТИВНАЯ И ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В ТВЕРСКУЮ ОБЛАСТЬ)

Переселение карелов в Тверскую область

В настоящее время карелы проживают на территории различных регионов Российской Федерации, в том числе в Тверской области, а также в Финляндии. Согласно переписи 1897 года, на территории нынешней Тверской области насчитывалось около 117500 карелов, в то время как на территории современной Карелии только – 79000. По переписи населения 1926 года число карелов в Тверской области выросло до 140500, а в Карелии их численность достигла 101000.

На территории Тверской области карелы проживали в ее западной части около Вышне-го Волочка, на территории бывшей Новгородской губернии, в Валдайском уезде, а также на северо-востоке – на Весьегонских землях. В основном ареале расселения тверских карелов в центральной части современной Тверской области в 1960-е годы 70% населения территории составляли именно карелы. Всего здесь проживало около 40000 человек. Некоторое количество карелов проживало также и в Зубцовском районе, на юге Тверской области. В XX веке начался процесс обрусения карелов, и во многих деревнях карельский стал языком общения, главным образом, пожилых людей.

Исследователи полагают, что на территории современной Тверской области насчитывалось около 900 карельских поселений, жители которых являлись, прежде всего, выходцами из Корельского уезда. Сразу после подписания Столбовского мирного договора 1617 года карелы начали покидать места своего проживания. Это движение заметно активизировалось в 30-х годах XVII века. Есть сведения, что к 1636 году из Корельского уезда бежало уже более 2000 карельских семей, а к 1650 году их число достигло 25000 человек. В дозорной книге 1630 года отмечается, например, что в Бежецком уезде поселилось 954 карельских семьи. В этом же источнике есть информация о том, когда и откуда семьи прибыли, а также какое имущество карелы привезли с собой. Опять же, ссылаясь на этот источник, можно утверждать, что прибыли они именно из Корельского уезда. Сообщается, что часть из них приехала сюда в 1617 г., однако основная масса переселилась во время военных действий 1656–1658 годов и неудачной попытки Москвы вернуть утраченные карельские земли. В то время большая часть Корельского уезда значительно опустела. В Кирьяжском погосте (совр. Куркиёки) численность коренного карельского населения до войны составляла 50,9%, а после войны только 6,4%. Всего Корельский уезд покинуло в те годы более 4100 семей. Основными причинами переселения стали: разница в вероисповедании карелов и финнов, высокие налоги, которыми Швеция обложила население, ограничения в ведении торговли, а также целый ряд других причин. Всё это стало тем толчком, который подтолкнул карелов на поиски лучшей и стабильной жизни за пределами своей родины в Приладожье [Virtaranta 1961: 29–47].

Исследование тверских говоров карельского языка

Одним из первых на территории Тверской Карелии побывал историк, археолог и этнограф Петер Теодор Швиндт, который летом 1882 года с группой студентов в течение месяца собирал у тверских карелов лексический и этнографический материал. Им было записано более 5000 тысяч лексических единиц (5067) и составлен небольшой словарь. В след за ним летом 1895 года Виктор Алава и Густав Карьялайнен совершили также поездку к тверским карелам. Алава собирал фольклор, а Карьялайнен занимался сбором лексики. В ходе

экспедиции было собрано более 10000 лексических единиц, некоторые с примерами и подробными пояснениями.

В довоенный период самый значимый вклад в сбор лексики тверских говоров внес исследователь карельского языка Юхо Куёла (Иван Лазарев) (1884–1963). Летом 1912 и 1913 гг. ему удалось зафиксировать около 15000 словарных единиц. В 1912 году Куёла собирал материал в западном ареале проживания тверских карелов. В восьми деревнях, находящихся на территории семи волостей, им было записано порядка 6000 карточек. Летом 1913 года исследователь собирал материал, главным образом, в северо-восточной части будущей Тверской области, в Вёсьегонском уезде. В результате этой экспедиции языковой материал пополнился 8500 карточками. Большим подспорьем для Юхо Куёла при сборе материала было то, что он сам являлся носителем карельского языка, а также владел русским языком [KKS: 15–24].

В послевоенные годы (1957–1984) изучение и сбор продолжил известный финский исследователь Пертти Виртаранта. Результатом его работы явились такие издания как «Tverin karjalaisten entistä elämää», «Kauas läksit karjalainen», «Tverinkarjalaisista nimistä». Его полевые материалы содержат 260 часов магнитофонных записей. В то же время он был редактором первых трех томов «Словаря карельского языка», который содержит около 10000 лексических единиц, собранных вышеупомянутыми исследователями на территории Тверской области [Virtaranta 1986: 5].

Позже работа по сбору лексического материала велась также в Советском Союзе, основу её заложил А. А. Беляков, который составил словник будущего словаря тверских говоров и записал первые материалы для картотеки. Его работу продолжили В. Е. Злобина, К. В. Манжин, В. П. Федотова и А. В. Пунжина. В результате многолетней и кропотливой работы в 1994 году увидел свет словарь тверских говоров карельского языка, составителем которого являлась А. В. Пунжина. Словарь содержит около 17000 словарных статей. Основной лексический материал собран на территории современного Максатихинского, Рамешковского, Спировского, Лихославьского, а также в западной части Вёсьегонского района [Пунжина 1994: 3].

Материал из других районов проживания тверских карелов представлен в словаре спорадически. Этим и обусловлен наш интерес к сбору лексического материала в ареале проживания карелов в Сандовском, Молоковском и восточной части Вёсьегонского районов. Материал вышедшего словаря отражает, прежде всего, материальную и духовную культуру тверских карелов. Однако можно отметить, что в нем представлена также отчасти и обценная лексика (напр., прозвища, ненормативные слова и выражения). В то же время в силу своей социальной табуизированности далеко не вся, бытующая в тверских говорах, лексика подобного типа нашла отражение в словаре 1994 года.

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), один из ярчайших российских лингвистов и основатель Казанской лингвистической школы, в предисловии к новому, исправленному и дополненному изданию словаря В. И. Даля отмечает, что в словарь необходимо ввести и бранную лексику, поскольку она является неотъемлемой частью живого языка. По этому поводу он пишет следующее: «... полная лексикографическая объективность требует внесения в серьезный словарь «живого языка» так называемых «неприличных» слов, «сквернословий», «ругательства», «мерзостей площадного жаргона». Лексикограф не имеет права урезать и кастрировать «живой язык». Раз известные слова существуют в умах большинства народа и беспрестанно выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, не только являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету, но тоже весьма охотно прибегающие ко всякого рода «ругательствам» и «сквернословиям». Нередко именно в «неприличных» словах и выражениях сохраняются очень древние формы и синтаксические обороты. Переход значений и семасиологическое «творчество» проявляются одинаково в области «приличия» и «неприличия». Резюмируя, он отмечает: «... как из песни слова не выкинешь, так и из словаря живой речи нельзя выкинуть даже тех слов, которые режут ухо. Мы не вправе переделывать русский язык, мы не вправе скрывать из него то, что в нём действительно есть и что в нём бьется интенсивною жизнью» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 236–237].

С мнением этого выдающегося лингвиста можно полностью согласиться, поскольку его размышления в полной мере относятся как к пейоративной, так и к обценной или ненормативной лексике карельского языка.

Пейоративная и обценная лексика тверских говоров

В данной статье будет рассмотрен пласт карельской лексики (прозвища или ‘обзывки’, бранные и обценные слова и обороты речи), который широко бытовал и по сей день бытует в среде карельского населения Тверской области, однако, как уже отмечалось выше, в силу своей табуизированности только частично заносился в словари. Часть нашего материала носит пейоративный или бранный характер, часть – это лексика обценного характера. В ряде случаев эти пласты лексики являются взаимопересекающимися, хотя и не полностью идентичными. Ряд лексем употребляется в переносном значении в качестве негативных наименований, прозвищ-обзывок, иногда относительно грубых, находящихся на грани пейоративной и обценной лексики. Однако вся эта пейоративная, бранная и обценная лексика представляет, по нашему мнению, большой интерес для исследователя. Отметим также, что в основу данной статьи положены экспедиционные материалы, собранные автором в полевых условиях у карелов Тверской области в 2014–2016 гг.

Касаясь современной языковой ситуации, заметим, что в целом ряде деревень Тверской области среди людей среднего и пенсионного возраста ещё достаточно много носителей карельского языка, которые свободно общаются на родном языке, и тем самым карельскую речь ежедневно можно слышать в повседневной жизни в некоторых деревнях исследуемого ареала. В среде молодого поколения людей, говорящих на карельском языке, в разы меньше, хотя неоднократно в ходе экспедиций встречались также и молодые люди, хотя в полной мере и не говорящие, но понимающие карельскую речь.

В период с 2014 по 2016 год нами проводился сбор лексического и топонимического материала в Весьегонском, Сандовском и Молоковском районах Тверской области. Сама идея по сбору обценной лексики появилась во время экспедиции 2014, когда при опросе местного карельского населения стала попадаться лексика, ранее не фиксируемая в словарях карельского языка. Сбирать данный материал было относительно легко в связи с тем, что среднее поколение в своей речи использует часто русские бранные слова и наряду с ними и карельские, которые, видимо, уже не воспринимаются слишком грубыми. В то же время нами было замечено, что в некоторых случаях информанты, употребляя в своей речи бранные выражения, не знают уже первоначального значения некоторых слов, входящих в обценный посыл. В качестве примера можно привести такие выражения как, *mäne kazin lulluh, mäne jyhäh* ‘иди к чёрту’. Никто из информантов, даже пожилых, уже не помнит, что значили слова *lullu* и *jyhä*. Можно думать, что они первоначально обозначали половые органы человека или животного.

В говорах тверских карелов фиксируется значительный пласт заимствований из русского языка. Это обусловлено многовековым проживанием карелов в окружении русскоязычного населения Тверской области. Исследуемая нами лексика не является в данном случае исключением. Здесь мы можем видеть как простые по составу слова, а также и сложные, в которых одним из компонентов является русское заимствование. Для иллюстрации приведём несколько примеров:

простые:

bajari ‘человек, отлынивающий от грязной работы’; *bledi* ‘женщина недостойного поведения’; *bludn’a* ‘вороватый человек’; *buzot’ora* ‘скандалист, дебошир’; *čigana* ‘обманщик, хитрый человек’; *čortta* ‘чёрт, чертяка’; *juavoli* ‘дьявол’; *zmeja* ‘змеюка (о человеке)’; *vibl’adka* ‘внебрачный ребёнок’

сложные:

kul'tašorka 'человек с деревянной ногой' (букв. культя + нога); *gluhoikando* 'глуховатый человек' (букв. глухой + пень); *gorban'okka* 'нос с горбинкой' (букв. горб+нос); *hevonzada* ср. *mäne hevonzadah* 'пошёл ты ...' (букв. лошадь + зад); *kartofkan'okka* 'нос картошкой' (букв. картошка + нос); *krivoišorka* 'косопалый' (букв. кривой + нога); *laiskaborva* 'лентяй' (букв. ленивый + боров; *luapottin'okka* 'с большим носом' (букв. лапоть + нос); *trubkakero* 'заядлый курильщик' (букв. трубка + горло); *tupoibokko* 'тупой, ничего не умеющий человек' (букв. тупой + баран).

По нашим наблюдениям, основную часть обценной лексики составляют всё же исконные слова, в числе которых встречаются, правда, ранние заимствования из русского языка, бытующие и в других ареалах карельского расселения за пределами Тверской области. Они также представлены простыми и сложными по составу словами:

простые:

kondie 'самодур' (букв. медведь); *nagračču* 'пустосмешка'; *toikko* 'надоедливый, непоседливый'; *pah(a)lane* 'негодник хулиган, нечистая сила'; *šöššö* 'грязнуля'; *buhmu* 'молчун'; *kielövä* 'болтун'; *sotona, juavoli, kehno, toikko, koido* 'чёрт, чертяка'.

сложные:

lehtirebo 'хитрец' (букв. лист + лиса); *šavuharakka* 'болтливый' человек (букв. дым + сорока); *šuurimakukko* 'капризный' (букв. закрытый пирог с крупяной начинкой); *pakšupiä* 'ленивый' (букв. толстый + голова); *pölyvärči* 'бестолковый' (букв. пыльный мешок); *tuhmatukku* 'образина, уродина' (букв. некрасивый + куча); *riähkätukku* 'грешник' (букв. грех + куча); *šuurityrä* 'мужчина с большим пенисом'; *tuhmakettu* 'неказистый, невзрачный' (букв. некрасивый + кожа); *valehkurgi* 'враль' (букв. ложь + журавль); *pitkän'äppi* 'вороватый человек' (букв. длинный + щепоть); *ilošana* 'проказник' (букв. радость, веселье + слово); *vezišuu* 'болтун' (букв. вода + рот); *puoliterä* 'полудурок' (букв. половина+остриё).

Для систематизации исследуемого пласта лексики нами предлагается следующая классификация, основу которой составляют наименования лиц с подчеркнута отрицательными характеристиками:

1) 'глупый':

houkka ср. *houkka-II'ka* 'Илья-дурачок'; *houkkapäivälline* 'дурак'; *huvpakko* 'дурак'; *puoliterä* 'полудурок' (букв. половина+остриё); *töhmäkkä* 'простак'; *lullu* 'дурачок'; *löllö* 'человек со странностями', 'недалёкий'; *vähämielilline* 'слабоумный человек', 'глупый'; *tollo* 'глупый человек, болван';

2) 'подлый, ничтожный человек':

huijutoin päiväkkö 'бесстыжая рожа'; *perželoukko* (букв. 'задний проход'); *guada* 'гадина'; *tarhalakko* 'негодник'; *löttö* 'пакостливый человек' (букв. лягушка); *pagana* 'ничтожество' (бук. поганый);

3) 'гулящий человек':

bledi, huora, kurva, l'arva 'гулящий человек или человек с непристойным поведением'; *lekku* 'гулящий человек' от глагола *lekkuo* 'качаться; гулять; заниматься любовью'; *lekkulauda* 'гулящий' *lekkulauda*; *lekuššoi, lekkuja* 'гулящий человек'; *leviepräkkö* 'гулящая женщина' (букв. широкая+вульва); *longavittu* 'гулящая женщина' от *longalleh* 'быть немного приоткрытым'; *kärvävittu* 'гулящая женщина' (букв. гон + вульва; *šuora* 'распутный человек'; *tyttömuagari* 'бабник' (букв. девушка + любитель);

4) 'негативный внешний вид человека':

mol'u 'маленький человек, коротышка' (букв. малёк, маленькая рыбка); *taigina* 'полный человек' (букв. квашня (кадушка; тесто); *hoikkaperže* 'тонкозадый' (букв. тонкий + задница); *hoiski* 'тонкозадый' (от *hoikka* 'тонкий'); *humalariugu* 'о высоком' (букв. шест, по которому вьётся хмель); *kondiri* 'здоровый' (от *kondie* медведь); *leviepränä* 'толстозадый' (букв. широкий + задница или вульва); *ložieperže* 'толстозадый' (букв. толстый + задница); *ložietordo* 'о полном' (букв. толстый как бочка); *pakšuperže* 'толстозадый' (букв. толстый + задница); *pakšuturba* 'мордастый' (букв. толстый + морда); *pin'a* 'маленький'; *pitkäpr'uasa* 'высокий человек'; *pitkäpr'iasla* 'высокий человек' (букв. длинный + часть изгороди от стол-

ба до столба, приспособление из продольных жердей для сушки сена); *mul'u* 'лысый'; *pitkäriugu* 'высокий человек' (букв. длинный + жердь); *stuku* 'человек без ноги';

5) 'манера речи':

börö 'хрипун'; *kröhiskö* 'хрипун'; *mörö* 'крикливый'; *raviesko* 'крикливый';

6) 'вредные привычки':

halletuš 'пьяница, обжора' (используется для описания чрезмерного потребления чего-либо); *humalabrängy* 'пьяница'; *humalabreška* 'пьяница'; *juomari* 'пьяница'; *juomariško* 'пьяница'; *juomaribokko* 'выпивоха' (букв. пьяница + баран); *juomarimokko* 'выпивоха' *trubkakero* 'заядлый курильщик' (букв. трубка + горло); *tabakkakero* 'заядлый курильщик' (букв. табак + горло); *viinačylky* 'пьяница' (букв. + семенная головка, коробочка льна; мякина после, лузга после обмолота головок);

7) 'зоонимические прозвища (использование наименования животного или части тела животного в переносном значении)':

jänis 'трус' (букв. заяц); *koira* 'баловник' (ср. также *laiskakoira* 'лентяй' (букв. ленивый + собака); *ročči* 'грязнуля' (букв. свинья); *šiga* 'грязнуля' (букв. свинья); *joršši* 'ершистый' (букв. ёрш); *kurgi* 'тощий человек' (букв. журавль); *lehmä* 'женщина с большой грудью' (букв. корова); *rebo* 'хитрый человек, лизоблюд' (букв. лиса); *važa* 'слабый, немощный' (букв. телёнок); *mol'u* 'маленький человек, коротышка' (букв. рыбёшка); *hämähikki* 'о не выпавшемся человеке' (букв. паук); *märgävaža* 'увалень' (букв. новорожденный телёнок); *jalkašorka* 'хромой' (букв. нога + нога животного); *udaret* 'большая грудь' (букв. вымя):

8) 'женские половые органы, половые органы самок животных': *lullu*, *pillu*, *prökkö*, *präkky*, *pränä*, *vittu*;

9) 'женские, детские половые органы': *pränä*;

10) 'мужские, детские половые органы': *kalku*, *kokka*, *muna*, *tyrät*; *n'appu*, *n'un'n'u*, *bil'ku*;

11) 'обсценные послы и выражения'.

Отметим, что обсценный посыл – это такая часть бранной фразеологии, которая выражает пожелание зла, неудачи и стремление избавиться от кого-либо или чего-либо. Большинство собранных нами выражений имеют единую модель: глагол в императиве + существительное. Кроме того, мы включили сюда ряд других выражений, в составе которых используется бранная лексика:

hyppiä hebozenvittuh 'иди к чёрту' (букв. лошадь + вульва); *mäne hevonnvittuh*, *mäne hevolla vittuh* 'иди к чёрту' (букв. лошадь + вульва); *mäne präkkyh*; *mäne hevonzadah* 'иди к чёрту' (букв. лошадь + зад); *mäne jyhäh* 'иди к чёрту'; *mäne munah*, *mäne munalla piäh* 'иди к чёрту' (ср. *munapiä* 'головка пениса'); *mäne šie kazinlulluh* 'иди к чёрту'; *mäne hukanladvah* (букв. волк + вершина дерева или растения);

12) 'другие выражения':

ei ni munua maha / tiijä 'ничего не умеет/ не знает'; *yhtä munua* 'без разницы; ерунда (например говорит одну ерунду)'; *missä munašša olit?* 'где тебя черти носили?'; *uglan taguana pölyvärčillä jobnittu (stegnitty, hoivattu, töpšätty)* 'пыльным мешком за углом стукнутый, ударенный, прихлопнутый' (о чудаковатом или глуповатом человеке); *hevonperžettä* 'ничего не сделано (в ответ на вопрос что сделано?)'; *viärä n'appu pränäššä oigenou* 'говорят тому, кто что-либо неправильно сделал, но можно исправить' (букв. кривой пенис в вульве выпрямится).

Обсценная лексика встречается и в фольклорных текстах, в том числе, в широко бытующих на территории Тверской Карелии частушках. Ранее частушки в данном ареале исследователями фиксировались неоднократно, а в 1989 вышел в свет сборник эстонского исследователя Тиита Кукка «*Vesjegonskin karjalaisten tästuškoja*», который содержит 160 частушек. Частушка – это относительно молодой жанр фольклора, и в России она появилась во второй половине XIX века. Проживая в окружении русскоязычного населения, карелы переняли этот жанр у русских и исполняли частушки на русском языке. Но позднее, наряду с русскими песнями, постепенно стали появляться и варианты частушек на карельском языке [Kukk 1989: 72].

Зафиксированные нами частушки, содержащие обсценную лексику, можно разделить на три группы:

1) Частушки, бытующие параллельно как на карельском, так и на русском языках:

Istu tyttö gorazella	Сидит девочка на горе
Kaivo präkkyö orazella	Ковыряет шилом в п...де.
Kaivo, kaivo, tyttöne,	Ковыряй, ковыряй девочка
Parembi rubieu vittune .	Лучше будет ц...ка.

2) Частушки, исполняемые только на карельском языке:

Bor'hina on kyläne,	Деревенька Борихино,
Keskikyläne stolane,	Стол посреди деревни,
Stolazella luzikka,	На нём ложка лежит,
Mäne munah , mužikka.	Пошёл в ..., мужик.

Aivok(k)uziin ikkunalla	Раненько под окном
Mušta kana kloikottau,	Кудахчет черная кура,
Mäne munah , brigadiira,	Пошёл в ..., бригадир,
Miula muata tahottau	Не мешай-ка мне спать.

3) Частушки, исполняемые на русском языке с вкраплениями карельских обценных слов:

Я иду большой дорогой,
Пряккя прямо на меня,
Как бы не было бы **тюри**,
Пряккя съела бы меня.

Подводя итог, заметим, что рассматриваемую лексику ни в коем случае нельзя игнорировать, так как она является неотъемлемой частью живого языка. Данный пласт карельской лексики на сегодняшний день остаётся мало изученным и постепенно выходит из употребления. В то же время ещё есть реальная возможность продолжить работу по ее сбору и изучению.

Можно также отметить, что собранный материал в некоторых случаях важен и полезен с точки зрения интерпретации некоторых карельских и восточно-финских фамилий. Так, например, в разных частях карельского ареала бытует уличная фамилия Раккане, Раккани. Можно предположить, что в её основе лежит зафиксированная нами лексема *rak-kaine* с переносным значением 'строгий, суровый человек' (букв. 'мороз'). В свою очередь, прозвище *huttupada* 'любитель поболтать' (букв. 'чугунок для каши') могла лечь в основу фамилии Huttune, Huttuni, которая также представлена на территории проживания карелов. Для интерпретации фамилии Kettune, Kettuni можно обратить внимание на лексему *tuhmaketti* в значении 'несуразный, неказистый человек'. Однако данный вопрос требует отдельного исследования.

Продолжением данной работы может стать словарь, представляющий обценную лексику, бытовавшую и по сей день бытующую на территории проживания карельского этноса, в том числе и на территории Тверской области.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. Москва: Издательство Академии наук СССР. М., 1963.

Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.

KKS – Karjalan kielen sanakirja, 1. Helsinki, 1968.

Kukk T. Vesjegonskin karjalaisten tsastuškoja. Helsinki, 1989.

Virtaranta P. Kauas läksit karjalainen. Porvoo, 1986.

Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo-Helsinki, 1961.

Virtaranta P. Tverinkarjalaisista nimistä. Helsinki, 1992.

Юлия Валерьевна Литвин

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

НОВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАРЕЛОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В КОНДОПОЖСКИЙ РАЙОН)*

Становление карельской этнографической школы пришлось на послевоенные годы, когда в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН был начат регулярный и целенаправленный сбор этнографических материалов под руководством Р. Ф. Тароевой, позже Ю. Ю. Сурхаско. Безусловно, этнографические сведения собирались и ранее: сначала силами российских и финляндских путешественников и бытописателей – достаточно вспомнить публикации Н. И. Березина, М. А. Круковского, Н. Ф. Лескова, В. Н. Майнова, И. В. Оленева, И. К. Инха, С. Паулахарью, затем благодаря экспедиционным выездам фольклористов и языковедов сформировавшегося Карельского научно-исследовательского института. Однако работа по систематическому, комплексному изучению и описанию этносов Карелии, их материальной и духовной культуры началась достаточно поздно.

Статьи И. Ю. Винокуровой и К. К. Логинова посвящены исследовательским интересам, научному пути, биографии первых известных карельских этнографов Р. Ф. Тароевой и Ю. Ю. Сурхаско [Винокурова, Логинов 2009а, 2009б]. В 2015 г. вышла в свет публикация С. А. Минвалеева, посвященная изучению Р. Ф. Тароевой конкретно карелов-людиков [Минвалеев 2015]. Полевые дневники экспедиций 1950-х гг. содержат информацию преимущественно по материальной культуре карелов: сведения о специфике поселений и жилищ, занятиях (в том числе, корабельничестве и сплавных работах), средствах передвижения, орудиях труда, одежде, пищевой культуре. Однако велись отдельные записи по карельской обрядности, в частности, родильной [Минвалеев 2015: 137].

С начала 1960-х гг. на территории Карелии Институтом этнографии совместно с Институтом языка, литературы и истории стали проводиться исследования по семье и семейному быту лесных и сельскохозяйственных рабочих Карелии.

Этносоциологические обследования карельского сельского и городского населения были проведены в 1969 и 1972 гг. под руководством Е. И. Клементьева. Материалы массового опроса позволили определить влияние различных факторов на изменение социально-культурных характеристик населения, установить тенденции в развитии языковых процессов, изменение культурных ориентаций, интенсивность проявления этнического самосознания и т. д. [Клементьев, Кожанов 1988; Клементьев, Кожанов 2000].

Изучению духовной культуры карелов посвящены работы А. П. Конкка, в поле зрения которого оказались также вопросы специфики праздничной культуры, народного календаря и религиозно-мифологических представлений карелов [Огнева, Конкка 2013; Конкка 2014; Конкка 2015 и т. д.].

В целом, информацию об обрядах жизненного цикла карелов, к числу которых относится и родильный, можно почерпнуть преимущественно из работ Ю. Ю. Сурхаско, Р. Ф. Тароевой, А. П. Конкка, Е. И. Клементьева. Отдельные сюжеты, связанные с семейными обрядами, также представлены в публикациях Н. А. Лавонен, Л. И. Ивановой, В. П. Мироновой, Н. А. Пеллинен, Т. В. Пашковой, А. С. Степановой и других исследователей.

В данной статье представлены некоторые новые сведения по родильной обрядности карелов с учетом трансформации их повседневности и быта в первые послевоенные десяти-

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы «Очерки по этнографии народов Карелии. Карелы. Вепсы. Русские» (№ 0225-2014-0015), при поддержке Программы ОИФН РАН «Вепсы и карелы в евразийском полиэтничном пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей».

летия. Следует отметить, что в основе публикации лежат материалы, полученные в ходе экспедиции в Кончезерское и Петровское сельские поселения Кондопожского район Республики Карелия в 2016 г. Обращает на себя внимание на специфика обследованных населенных пунктов. Прежде всего, это зона проживания карелов-людиков (субэтноса карелов), у которых выявлен значительный вепсский субстрат. В настоящее время в большинстве населенных пунктов проживают дачники, которые лишь в летнее время приезжают на родину, тогда как большую часть года проводят в Петрозаводске.

Сформировавшая основные исследовательские подходы, карельская этнографическая школа опиралась на сведения от населения, родившегося на рубеже XIX–XX вв. В полевых тетрадях мы находим описание комплекса родильной обрядности, сведения об изменении социального статуса женщины после родов, способы магической защиты ребенка и матери, информацию о временной изоляции женщины в первые дни или недели после родов. Большинство респондентов, с которым общаются современные исследователи, – это люди, родившиеся в конце 1930 – начале 1950-х гг. Их детство и юность, а в случае научного интереса автора данной статьи – фертильный возраст – пришлись на послевоенный период.

Действительно, в 1920–1930-е гг. многие женщины рожали под наблюдением свекрови или повивальной бабки, а посещение роженицы акушеркой все еще оставалось событием для крестьян. Так, в 1923 г. участковый врач из Паданского уезда рассказывал проверяющему инспектору, что если кто и осмеливался позвать за помощью, то на определенных условиях: «Ты уж, матушка, – просила крестьянка акушерку, – приходи к нам по вечеру, как стемнеет. Да не бери ты, пожалуйста, с собой евтой сумочки, а так – положи в подол свой инструмент, да иди. А то по сумочке сразу люди сгадаются, и баба не разродится» [Алимов 1923: 4]. Сохранение в тайне времени начала родов, согласно традиции, было одним из условий их благополучного протекания. Мать и новорожденный находились в пограничном, переходном состоянии, а, значит, были уязвимы для любого магического воздействия (сглаза и порчи). Традиция рожать вне дома сохранялась и в 1930-е гг. Одна из моих собеседниц 1939 г.р. рассказывала: «А родилась я вообще в поле. Мама не успела дойти (*смеется*) (...). Сельский совет дал подряд заготовить дрова – такие вот жерди, тонкие дровишки метровые для каких-то нужд деревни. Бабушка Наталья (...) говорит: “Ничего, Мотинька, очень даже полезно поработать, что легче потом родишь, легче родишь”» [ФА № 3795]. Этот отрывок иллюстрирует также сохранявшийся в конце 1930-х гг. традиционалистский дискурс. По народным представлениям, быстрому разрешению от родов способствовала тяжелая физическая работа, которой занимались крестьянки вплоть до начала схваток. Подобные обстоятельства нередко приводили к рождению ребенка вне дома – во время полевых работ, на рыбалке, в дороге.

Благодаря расширявшейся сети фельдшерско-акушерских пунктов и родильных отделений в послевоенные годы, просвещению населения, сокращалось число неожиданно начавшихся во время полевых и производственных работ родов. Государственная политика в области материнства и детства привела к постепенному перемещению практик родовспоможения из домашней сферы в специализированные учреждения. Однако роды никогда и нигде не были чисто биологическим явлением – они всегда представляют собой явление социальное и культурное (см. напр.: [Байбурин 1993; Jordan 1980: 1; Browner and Sargent 1996: 219–221]). Согласно исследованию Е. А. Белоусовой, к медикам (акушерам, гинекологам, неонатологам) по наследству от повивальных бабок перешла часть их функций, которая находила выражение в различных формах взаимодействия матери и врача [Белоусова 2014]. Младший медперсонал и акушерки (особенно если роженица была знакома с врачом) оказывали не только экспертную помощь, но и психологическую поддержку беременным женщинам и молодым матерям – традиционные для повивальных бабок функции. Народные способы лечения частично были восприняты представителями официальной медицины и включены в их практику. Согласно экспедиционным материалам, некоторые приемы народной медицины, направленные на поддержание здоровья матери и ребенка, сохранились в родильных отделениях. Следующий способ избавления от плача ребенка рекомендовала одной из моих собе-

седниц медсестра родильного отделения Петрозаводска: «Вот тетя Валя мне рассказала, что надо в рот взять водички, ребенок на руке, на руку [проливаешь воду] через [дверную] ручку (...). Потом водичкой этой по солнышку (движение рукой по часовой стрелке – Ю. Л.) ребенку глазки [протираешь]. И спать» [ФА № 3795].

Предложенный медсестрой метод должен был обеспечить защиту новорожденного от сглаза. Схожие обряды, связанные с проливанием воды в сакральных местах (дверной порог или дверной проем), фиксировались на всей территории Карелии в XIX в. В первый раз ребенка поливали водой, пропущенной через решетку. Второй раз его поливали у входа в подпол и третий – на пороге избы при открытых дверях [Конкка 2003: 388].

Мать одной из моих собеседниц занималась альтернативным лечением детских болезней. Акушерки могли рекомендовать ее методы молодым матерям:

— Вот, расскажите, если, например, та же пуповая грыжа, вот что делать?

— Так. Нужно, во-первых, пойти к врачу, чтобы вам поставили диагноз точный. Потому что бабушка всегда [делала]. Вот фельдшерский пункт у нас. Там просто фельдшер всегда говорила: «Идите к бабушке Моте (мать собеседницы – Ю. Л.)». И всё. Ребенку никаких операций, не надо никаких. Надо ребенка наладить [ФА № 3795].

Причем в некоторых случаях отношение к подобным практикам могло оставаться нейтральным со стороны медицинского персонала:

— В деревнях же раньше жили местные бабушки (...). Вот как, к ним обращались, чтобы ребенка как-то лечить?

— Да, сглаз снимать, сглаз снимать. Эти грыжи детские. Ребенок если беспокоится очень, дак считали, что это грыжа внутренняя какая-то. К бабулькам обращались, да.

— А как к этому относились акушерки, медсестры?

— Ну, как относились?.. Говорили, что только не злоупотребляйте. Только чтоб все натуральное было. На растительном масле что-то готовили, натирали. Думаем, ну ладно, пусть [ФА № 3796].

Вместе с тем существовало негласное правило, по которому ряд недугов лечили только врачи:

— А вот с какими случаями точно не советовали идти к бабушке, а уж разбирались сами врачи?

— Ну вот, например, всё раньше говорили: «Ой, ребенок плачет, головку закатывает – родимчик». Родимчик. «Никакого родимчика, – говорю, – это недостаток витамина D». Давайте на улицу, на солнышко, и витамин D назначали, потом он уже появился у нас. Никаких родимчиков. Потом с переломами. Вернее, вот ребенок упадет. «Ой, растяжение, растяжение», – [говорили]. Делали массаж, растирали – те же тут бабульки. Говорим: «Пока снимков не сделаем, никаких этих... потому что можно навредить» [ФА № 3796].

Установление своеобразной границы в лечении связано с процессом расширения научных знаний, одновременно с которым происходило сужение сферы применения альтернативных способов для лечения женских и детских болезней.

В полевых тетрадях экспедиций 1950-х гг. сохранились сведения о бытовании в первую половину XX в. обрядов, связанных с захоронением плаценты и пуповины младенца, ритуальным омовением матери и ребенка в бане и, в целом, использование бани как пространства для лечения болезней. Также некоторые информанты вспоминали о традиции временной изоляции женщины на срок от 3 до 40 дней [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 29, д. 44, 49]. Женщины, родившие в 1950–1960-е гг., уже не рассказывали о манипуляциях с пуповиной младенца и плацентой, во многих интервью баня уже лишена сакральных функций, а о традиции временной изоляции вспомнила только одна женщина. Вместе с тем следует учитывать, что отсутствие данных сведений на обследованной территории может быть связано с расположением населенных пунктов вблизи г. Петрозаводска и г. Кодопоги и влиянием городской светской культуры.

Отсутствие достоверных средств ранней диагностики беременности приводило к тому, что женщины продолжали случайно узнавать о своем положении, как правило, в связи с

проявлениями токсикоза или изменением пищевых предпочтений: «Вот она в садике. Придет, чай пьет без сахара. Говорим: “Томка, чего без сахара чай пьешь? Опять залетела?” Как залетит – так сахару не надо» [ФА № 3796].

После известия о беременности начинались попытки угадывания пола ребенка. Данная традиция является частью проектирования его образа, в том числе гендерного. Это первый вопрос, адресованный женщине после родов, и первое что сообщают акушерки. Половая идентификация – определение, которое ребенок получает в этом мире прежде всего [Щепанская 1994: 21]:

— И как пытались определить [пол ребенка]? Какие способы были раньше?

— Ну вот какой взгляд: если взгляд острый, будет девочка; если неострый – мальчик (*улыбается*). Если симпатичное лицо к концу беременности, будет мальчик. Если не симпатичное, будет девочка... Вот по таким вот способам. Это, всякие тут, посмотришь на женщину, скажешь, что, наверное, у Вас девочка будет» [ФА № 3796].

Несмотря на признание этого и других визуальных способов определения пола ребенка ненадежными (что неоднократно подчеркивали в беседах сами женщины), они активно практиковались родственниками, медицинским персоналом и матерями.

Поскольку роды переместились в стены медицинских учреждений, в послевоенные годы сформировался новый «советский» родильный обрядовый комплекс, который, тем не менее, учитывал локальные традиции. Впервые рожавшая женщина чаще всего не знала установленных в заведении порядков. Одна из моих собеседниц вспоминала, что находясь в предродовом отделении, не знала, как облегчить боль во время схваток. Только пришедшая знакомая акушерка подсказала ей один из способов: «Она мне быстро волосы марлей замотала, научила, что вот железная кровать, матрасик узенький – специально это все, что можешь взяться за эти железяки на кровати и, как на лодке тянуть, когда боли начинаются» [ФА № 3795].

Обряды перехода, связанные с рождением, предусматривали изменение социального статуса матери в зависимости от пола ребенка, что зафиксировано в народной лексике карелов. Если до рождения ребенка замужнюю женщину называли молодухой, молодицей (с.к. *morsien*, ливв. *tučoi*, люд. *tučoi*), то после рождения ребенка она становилась бабой (с.к. *akka*, ливв. *akku*, люд. *akk*) [Литвин 2016]. Причем в некоторых карельских деревнях ее продолжали именовать молодухой до рождения девочки. В результате последнего экспедиционного выезда не удалось обнаружить сохранение этой традиции. Причина подобной трансформации не в последнюю очередь связана с изменением модели гендерной возрастной стратификации в советский период, со сменой традиционных жизненных сценариев населения. Этнолокальные способы маркирования нового социовозрастного статуса женщины сменил иной способ, не имеющий этническую привязку. Так, после родов теперь к женщине могли обращаться «мамочка», включая медицинский персонал. Бывшая акушерка рассказывала:

— А было ли такое, что до родов к женщине обращались по имени. А после родов ее или мамочкой называли, или по отчеству?

— Не, по отчеству не называли, а мамочкой называли. Скажешь: «Мамочки, как дела? Как ваши детки?»

Новоиспеченные родители учатся переопределять себя через отношение к ребенку. Этнограф Т. Б. Щепанская в одной из публикаций так описывала свой опыт материнства: «По-новому организуется мир предметов и мир людей... Близкие получают новые “титулы”: мою маму все теперь зовут бабушкой, сестру – тетей, меня, конечно, мамой... Для общения со мной окружающие как бы вступают в мой концентрический мир...» [Щепанская 1994: 24].

Сохранился обычай посещения роженицы дома и новорожденного с подарками, что в традиционной культуре является одним из этапов социализации – признания ребенка и матери сельским коллективом. Состав подарков изменился в связи трансформацией повседневности населения. Так, например, вместо отрезков ткани чаще дарили готовую детскую одежду. Однако принцип отбора подарков оставался прежним – дефицитные и необходимые в быту

вещи (продукты, фрукты, одежда для ребенка, посуда и т.д.). Данная традиция проиллюстрирована, в частности, в следующем отрывке из интервью:

— А навещать роженицу ходили женщины?

— Да. Даже ходили с блюдом, с блюдом ходили (...). Обязательно клалось какое-то полотенчишко: домашнее ли – для ребенка ли, для нее (матери – Ю. Л.), махровое ли там. Какое было. Полотенчишко, кусок материала, если родилась девочка. Для девочки кусок материала для подушки на наволочку или для сорочки для матери. Это вот поклала. И потом, остальное – съестное.

— А что там?

— Там крупу, яички – что было в доме. Ведь раньше в магазин мало за чем ходили, всё дома растили, всё дома было. Теперь мы кладем сладости, да фрукты, да всякое. Вот это называлось идти с блюдом [ФА № 3787].

Карелки, чей детородный возраст пришелся на 1960–1970-е гг., вспоминали о традиции внесения ребенка в дом и укладывании его на стол, обычно свекровью. Однако ответить на вопрос о целесообразности такого ритуала они не смогли. Вместе с тем стол в народных представлениях карелов уподоблялся церковному престолу, алтарю. Он был неизменным элементом всех праздничных обрядов и повседневных застолий; местом, за которым ежедневно собиралась вся семья, за него приглашались и предки во время поминальных дней [Лавонен 2000: 14]. Одна женщина вспомнила, что раньше перед внесением ребенка нужно было трижды опустить его на порог дома (квартиры), после чего следовало в воздухе «сделать кресты» ольховым прутиком, т.е. перекрестить пространство дома.

Согласно народным представлениям карелов, мать выступала главной защитницей ребенка от угроз внешнего мира, нечистой силы, особенно в первые месяцы его жизни. До года ребенок считался особенно подверженным сглазу или порче. В целях магической защиты лишь некоторые матери рассказывали о традиции не показывать ребенка посторонним (срок варьировал от 2 до 3 месяцев), а при выходе на улицу покрывали их лицо тканью или использовали сажу, которой рисовали ребенку на лбу крест (вариант – наносили сажу за уши), прикалывали булавку к пеленкам и к подолу своей одежды. Большинство опрошенных нами женщин ответили, что знают о подобных способах, но не использовали их на практике.

Во время экспедиции был записан ряд средств народной медицины для лечения новорожденного и поддержания здоровья матери: заговор от *пупочной грыжи*; заговор от *родимчика*, за которым мог скрываться целый спектр заболеваний; избавление от *щетинки* – жестких коротких волосков на теле с помощью теста или шелковой ткани. Для женщины свекровь или местные знахарки рекомендовали использовать в гигиенических целях водный настой сенны или ромашки, слабый раствор марганцовки.

Полученные в ходе экспедиции 2016 г. материалы и их предварительный анализ показали, что обряды жизненного цикла, связанные с рождением (равно как и обряды вступления в брак) подверглись наибольшей трансформации. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в населенных пунктах, расположенных рядом с городами. Расширение сети родильных отделений, рост числа профессиональных медицинских работников и грамотности населения, безусловно, оказали воздействие на традиционный родильный обрядовый цикл, вытеснили его элементы, необходимые в традиционной деревне. Вместе с тем, следует говорить не об исчезновении, а об адаптации обрядов жизненного цикла в новых условиях.

Сокращения

НА – Научный архив Карельского научного центра РАН;

ФА – Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Литература и источники

Алимов. В дебрях Карелии (путевые заметки) // Красная Карелия. 24 апреля 1924. № 94. С. 4; 1933. С. 4.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб: «Наука», 1993.

Белюсова Е. А. Современный родильный обряд [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/belousova-e-a/sovremennij-rodilnij-obryad/3>

Винокурова, Логинов 2009а – Винокурова И. Ю., Логинов К. К. Юго Юльевич Сурхаско. Страницы творческой и личной биографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири (Сборник статей памяти Юго Юльевича Сурхаско). Гуманитарные исследования. Вып. 2. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 8–16.

Винокурова, Логинов 2009b – Винокурова И. Ю., Логинов К. К. Роза Федоровна Никольская (Тароева) // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 170–174.

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Л.: «Наука», 1988.

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1960–1980-е годы. Историко-социологические очерки. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000.

Конкка А. П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск: Петрозаводский гос. университет, 2003. С. 386–414.

Конкка А. П. Карельская традиция ряжения и связанная с ней терминология // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/publ.php?id=13644&plang=r>

Конкка А. П. На плечах Большой Медведицы: карельские заговоры и магические действия на поднятие лемпи // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 136–145.

Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов. Петрозаводск: Периодика, 2000. 173 с.

Литвин Ю. В. Родильная обрядность и институт материнства в карельской культуре (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию КарНЦ РАН (г. Петрозаводск, 24–27 мая 2016 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 378–381.

Минвалеев С. А. Погребально-похоронная обрядность карелов-людиков (по материалам первой этнографической экспедиции Р. Ф. Тароевой) // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 104–112.

Огнева О. В, Конкка А. П. Праздники и будни: карельский народный календарь (Puhät da arret: karjalaine rahvahankalendari). Изд. 2-е, исп., доп. Петрозаводск: «Verso», 2013. 336 с.

Щепанская Т. Б. Мир и миф материнства: Санкт-Петербург, 1990-е гг. (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15–27.

Browner C. H., Sargent C. F. Anthropology and Studies of Human Reproduction // Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method. Ed. Sargent, Carolyn F. and Johnson, Thomas M. Westprt. London, 1996. P. 219–234.

Jordan B. Birth in Four Cultures: A Crosscultural Investigation of Childbirth in Yucatan, Holland, Sweden and the United States. Montreal, 1980.

Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН), ф. 1, оп. 29, д. 44, 49. Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН (ФА) № 3787, 3795, 3796.

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Республика Карелия является многонациональным субъектом Российской Федерации, в котором проживают представители более 130 национальностей при значительном численном доминировании русских. По длительности исторического проживания и хозяйственно-экономического освоения края к коренным народам Карелии относятся карелы, вепсы и русские. В национальной структуре населения (по данным переписи населения 2010 года): русские составляют 82,2%; карелы – 7,4%; белорусы – 3,8%; украинцы – 2,0%; финны – 1,4%; вепсы – 0,5%; другие национальности – 2,7%. Коренное население – карелы и вепсы – имеют свой язык и письменность.

За последние несколько десятилетий прибалтийско-финские народы Республики Карелия оказались в сложной демографической ситуации, выразившейся в беспрецедентном сокращении их численности, вызванном нарастающими процессами ассимиляции. В настоящее время языки финно-угорских народов Карелии – карелов, вепсов и финнов – в силу исторических, политических, демографических и других причин несут большие утраты. В Республике Карелия карельский и вепсский языки являются автохтонными языками. По данным переписи 2010 года в Республике Карелия, карелы насчитывали 45570 человек, что составило 7,4% (в 1989 г. численность карел – 10%). Владение карельским языком указали 16876 человек, т. е. 37%. По сравнению с 1989 г. к 2010 г. число владеющих языком сократилось на 13,8%. Число вепсов в 2010 г. насчитывало 3423 человека, что составило 0,6% от общей численности населения Республики и только 26,8% из них владеют национальным языком. По сравнению с данными 1989 года численность вепсов сократилась на 2531 человека [Карелиястат].

Большая часть населения, владеющая карельским или вепсским языками – представители старшего поколения. Молодежь практически не говорит на родных языках. Среди молодежи от 18–29 лет – карельский язык считают родным только 4%. Представители поколения (35–40 лет), как правило, на языке сами не говорят, возможно, понимают некоторые фразы или слова. Для представителей среднего поколения (40–55 лет) национальные языки были языками детства, но в силу обстоятельств (переезд в город, учеба в школе и т. д.) их языковая биография, связанная с родным языком, оборвалась. Следовательно, уже для их детей вепсский язык перестал быть основным языком общения.

Почти полностью оказался разрушенным механизм передачи языковой традиции. Семья утратила лидирующую роль в этом процессе, в связи с чем особое значение в сохранении, развитии и использовании карельского, вепсского и финского языков приобрели государственные и общественные институты – учреждения образования, культуры, средства массовой информации, национально-культурные организации. Очень важно, чтобы в процессе развития карельского, вепсского и финского языков свое достойное место заняла школа, ведь именно школа является основным социальным институтом, влияющим на формирование личности. А молодежь является наиболее подвижной, адаптивной и одновременно инновационной частью общества. Именно молодежь является носителем социальных перемен и инноваций, быстро и остро реагирует на изменение социально-экономической и социально-политической ситуаций.

Что касается истории преподавания финно-угорских языков, то начале 1990 годов воссоздается письменность и начинается преподавание в школах и высших учебных заведениях. В 1989 году преподавание языков уже велось в 11 школах РК. Наибольшее число уча-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России «Роль человеческого капитала: новые экономические теории – современные вызовы» (0224-2015-0003).

щихся изучавших национальные языки наблюдалось в конце 1990 – начале 2000 гг. Но уже к 2009/2010 гг. число изучающих языки сократилось до 1657 человек в 33 школах, по сравнению с 2001/2002 учебными годами, когда было 2596 учащихся в 55 школах. Небольшая положительная динамика началась в 2010–2011 гг., когда, наиболее распространенный карельский язык изучался в 11 муниципальных районах РК (Беломорском, Кемском, Калевальском, Кондопожском, Лоухском, Медвежьегорском, Муезерском, Олонецком, Прионежском, Пряжинском, Суоярвском и 2-х городских округах: Петрозаводском, Костомукшском). Наибольшее число учащихся, изучающих карельский язык, проживали в Олонецком национальном районе. Положительная динамика числа изучающих карельский язык наблюдалась и в Пряжинском национальном районе [Kovaleva, Rodionova 2013].

Одновременно активизировались процессы возрождения финно-угорских языков и в других сферах. На карельском и вепсском языках издаются газеты, журналы и книги, выходят теле- и радиопрограммы, возрождаются национально-культурные традиции коренных народов, активно работают общественные объединения, началась подготовка специалистов со знанием карельского, вепсского и финского языков в вузах Карелии.

Начиная с 2000 г. был реализован ряд республиканских целевых программ, в рамках которых проводились различные мероприятия, направленные на поддержку социально-культурных функций карельского, вепсского и финского языков, сохранение и популяризацию традиционной культуры, укрепление института карельской и вепсской семьи. Основной целью вышеперечисленных мероприятий являлось содействие этнокультурному развитию коренного русского населения Карелии, историко-культурного наследия Поморья, Пудожья и Заонежья и этнокультурному развитию карелов, вепсов и финнов Республики Карелия, сохранение их языков и культурного наследия. Отмечается и особая роль школы в сохранении национальных языков и культур. Главный акцент был сделан на подготовку педагогических кадров, расширение сети образовательных учреждений с финно-угорским компонентом образования, укрепление их материально - технической базы, разработку учебников и учебных пособий. Таким образом, на 2003–2005 годы более 40 образовательных учреждений на конкурсной основе получили статус образовательных учреждений с этнокультурным компонентом образования, т.е. включили карельский, вепсский, финский языки в учебные планы. В 2014–2015 учебном году карельский, вепсский и финский языки изучали 6979 обучающихся в 47 общеобразовательных организациях в 13 муниципальных образованиях Республики Карелия [Об основных направлениях].

Помимо обучения самим языкам необходимо уделять внимание преподаванию истории Финляндии и Карелии, обрядам, традициям и народным ремеслам коренных народов Карелии. Важным является наличие внеклассной работы и нетрадиционных методов обучения.

Приобщение детей к национальному языку и культуре необходимо начинать с дошкольного возраста. В настоящий момент карельский язык изучается в дошкольных учреждениях шести муниципальных районов (Калевальском, Муезерском, Олонецком, Прионежском, Пряжинском, Суоярвском) и в двух городах – Петрозаводске и Костомукше. По количеству детских дошкольных учреждений, в которых изучают карельский язык, лидируют Олонецкий и Пряжинский районы. В Калевальском и Муезерском районах, а также в Костомукше дети изучают собственно карельское наречие, в остальных районах республики, в том числе в Петрозаводске – ливвиковское. Малыши приобщаются к культуре, традициям, обычаям карельского народа через языковые, игровые занятия, сказки, песни, танцы, праздники, экскурсии. В некоторых дошкольных образовательных учреждениях и школах созданы карельские горницы, где выставлены экспонаты национальной одежды и утвари. В Калевальском, Олонецком, Пряжинском районах используется опыт проведения «языковых гнезд», когда ребенок погружается в языковую среду и начинает усваивать язык сначала пассивно, потом уже и активно использует его в речи. Проводятся летние этнокультурные лагеря, где дети разных возрастов погружаются в языковую среду на определенное время. В некоторых школах работают кукольные театры на карельском языке, различные конкурсы, целью которых является пропаганда национальной культуры и родного языка [Ковалева, Родионова 2009: 35–39].

Помимо учреждений системы образования большую роль в сохранении национального языка, культуры и традиций играют учреждения культуры и этнокультурные центры. Предполагается, что сеть этнокультурных центров, может выступить как один из ресурсов развития территории через сохранение, развитие, продвижение культурных традиций, языка коренных народов. На сегодняшний день в районах Республики Карелия уже функционируют 10 этнокультурных центров [Стратегия].

В рамках межрегионального проекта¹ изучались вопросы развития молодёжных инициатив и стимулирования молодёжного движения. Для реализации мероприятий были проведены круглые столы на тему «Перспективы развития поселения и возможности развития молодёжных инициатив», где были осуществлены опросы по оценке условий жизнедеятельности в поселении. Также в рамках проекта были организованы деловые игры в виде социологического опроса с учащимися 9–11 кл. «Молодёжные инициативы на селе».

Всего было опрошено 111 человек, в процентном соотношении по классам (8 класс – 3,6%, 9 класс – 44,1%, 10 класс – 22,5%, 11 класс – 29,7% респондентов). По половому распределению было опрошено 39,6% юношей и 60,4% девушек.

На вопрос «Какими языками, и на каком уровне Ты владеешь?» в поселениях, где преобладающее число жителей карелы - знание карельского языка отметили 29,2% учащихся, из них около 39% общаются на карельском в семейном кругу и с другими жителями поселения, 50% читают и пишут со словарем, свободное владение отметили только 11,5% опрошенных учащихся. В вепских поселениях знание национального вепского языка отметили 18,2% учащихся, из них свободно владеют и общаются в семейном кругу только 5,6% учащихся, значительная доля лишь читают и пишут со словарем – 88,9%. Финский язык знают только 3,4% опрошенных.

Хочется обратить более подробное внимание вопросам поддержки национальных языков и культуры малочисленных коренных народов на примере некоторых сельских поселений Республики Карелия.

Поселок Вешкелица – старинное карельское село в Суоярвском районе, 65% населения которого – карелы. Сегодня Вешкелица – это центр Вешкельского сельского поселения, с численностью чуть более 600 человек [Лободанова 2013]. Знакомство с языком начинается с детского сада; вопросы национальной культуры включены в школьную программу, где изучение карельского языка является обязательным предметом и ведется в школе с 1 по 11 класс; на уроках труда изучают национальную вышивку и кулинарию.

Активно поддерживается развитие родного языка и этнокультурным центром «Вешкелюс». На базе Центра функционирует фольклорный коллектив, детская и взрослые театральные группы, ставятся постановки на карельском языке. Возрождено старинное ремесло – ткачество. Очень много для сохранения культуры и народных традиций делает фольклорный коллектив «Ивушки» – восстановлены старинные обряды сватовства, помолвки, свадьбы, поются песни, ставятся спектакли. В поселке работает общественная организация этнокультурных традиций карелов «Родной очаг», для которой ключевым является сохранение традиций, культуры и языка.

Становится традиционным фестиваль национальной культуры и традиций «Мы в Карелии живем – мы добрые соседи», проходят мастер классы по различным направлениям: карельскому танцу, выпеканию калиток, «Карельские игрища». С 2006 г. жители села принимают активное участие в краеведческом конкурсе «Вешкельские знатоки», проводимого библиотекой. С 2010 г. возрожден престольный праздник – Покров. В 2012 г. в Вешкелице появилась своя иллюстрированная энциклопедия, где собрана информация об истории, культуре, традициях, природе, языке и людях села.

¹ Проект «Расширение прав и возможностей женщин и молодежи коренных народов в Российской Федерации» при финансовой поддержке Межрегиональной общественной организации «Информационно-образовательная Сеть коренных народов «Львовраэтьлан», при содействии в Республике Карелия – Карельской региональной общественной организации «Молодёжный информационно-правовой центр коренных народов «Невонд».

Поселок Ильинский – старинное (450 лет) и самое крупное поселение Олонецкого района. Это место компактного проживания карелов, где карелы от общей численности населения составляют более 60%. Так как район национальный, карельский язык изучают все учащиеся, преподавание ведется с 1–4 класс и с 5–8 класс. В 8 классе был назначен урок карельского, но родители не поддержали это начинание, и его перевели в факультатив.

Раньше дети были погружены в языковую среду с детского сада: были организованы семейные группы, обустроена «карельская горница», но при переходе на новую систему оплаты труда и объединения со школой все значительно сократилось. Большую роль в работе с молодежью по изучению национального языка и культуры играет Дом культуры. Активисты выходят с различными мероприятиями в школу, созданы мастер-классы по вязанию и шитью вещей с национальным орнаментом. Создан мини-дворик, куда можно прийти отдохнуть всей семьей вместе с детьми. Работает женский клуб, поддерживающий карельский язык, танцевальный коллектив и фольклорный ансамбль для взрослых, обсуждается возможность существования подобного танцевального кружка и для детей с изучением национальных танцев, а также идея создания музея карельской культуры, где были бы представлены национальная одежда олонечких карелов, их быт и культура.

Поселок Кончезеро – поселок в Кондопожском районе, который является местом коренного проживания карелов-людиков. Кончезерская школа и школа в Спасской Губе – единственные национальные школы в Кондопожском районе, карельский язык преподается с 1 класса. При Центре культуры и досуга создан взрослый национальный хор. В Кончезерской средней школе работает музей, по мнению экспертов, оказывающий большую помощь в преподавании уроков при изучении истории села, быта и языка коренного населения. Руководителем музея и по совместительству библиотекарем разработана авторская программа «Большая история – маленького села Кончезеро», ведется исследовательская и поисковая работа, собрано много документального материала и экспонатов. Но, к сожалению, для дальнейшего продолжения работы музеем необходимо официальное подтверждение статуса школьного музея и отдельное помещение.

Поселок Эссойла – центр Сямозерья, исконное население которого карелы-ливвики. Дети начинают знакомство с карельским языком с детского сада. В школе изучаются карельский и финский языки: в начальной школе за счет дополнительного образования, в старшей школе по программе, но количество часов уменьшено до 1 часа в неделю. Активно поддерживается карельский язык Домом культуры. Организованы курсы карельского языка отдельно для взрослого населения и для детей. Для проведения уроков карельского языка для детей была разработана и выпущена специальная книга, по которой был создан мультфильм, работает детский карельский театр, ставятся постановки на национальном языке. Совместно со школой проводятся фестиваль карельской поэзии, дни карельской письменности, в рамках которых проходят конкурсы чтецов на карельском языке, где участвуют дети из детского сада и школы.

В **Шелтозерском и Рыборецком поселениях** коренное население – вепсы. В школах данных поселений ведется преподавание вепского языка с 1–9 класс, и многие дети в 9 классе выбирают его для итоговой аттестации. Для старшеклассников есть факультатив. Сформировано объединение «языковое гнездо» – для детей дошкольного возраста с углубленным изучением вепского языка, где дети постоянно слышат вепскую речь. Учащиеся школ активно участвуют в олимпиадах и различных конкурсах. Шелтозерская СОШ совместно с Шелтозерским музеем могла бы стать Центром по поддержке сохранения и преподавания национальных языков, а также сохранения культуры коренных малочисленных народов [Программа].

В Шелтозере на базе библиотеки создан культурно-досуговый центр, где проходят занятия кружков, собирается литературная студия, работает дом ремесел. В селе имеется детская музыкальная школа, взрослый и детский вепские хоры. Детский вепский хор сейчас располагается на базе социально-культурного центра, и сюда для проведения занятий раз в неделю приезжает специалист из Петрозаводска.

Одной из основных проблем этнопоселений, как и в целом сельских населенных пунктов, является миграция молодежи. Наиболее мобильная часть населения, молодые семьи, выпускники школ уезжают из поселений, тем самым, ведя ко все большей потере национального компонента в поселениях. Среди тех, кто не собирается возвращаться после учебы, преобладает мнение, что у поселения нет будущего, более 44% имеют пессимистичный взгляд на будущее территории, считая, что перспектив развития нет, и ничего не изменится, и, тем не менее, 36,1% респондентов считают, что поселение *будет развиваться*. Прежде всего, развитие своего поселения учащиеся связывают с развитием сельского туризма – 26,3%, развитием национальной культуры – 20%.

Туризм может стать одним из перспективных направлений регионального развития, так как коренные малочисленные народы являются носителями уникальной культуры и системы хозяйствования. Этнокультурное наследие: традиционный уклад и тип хозяйствования, народные музыкальные инструменты, говоры и диалекты, обряды, праздники являются важным фактором развития туризма. Развитие туризма способно смягчить социальные проблемы (снижение социальной напряженности, повышение самозанятости населения) и выступить реальным фактором сохранения культурных традиций, ремесел и воспроизводства природного и культурно-исторического потенциала территории. Можно сформулировать следующие направления развития этнотуризма:

1. Экскурсионные программы в местностях, сохранивших особенности традиционных форм хозяйствования, культурной жизни и обрядов.
2. Фольклорные праздники и фестивали.
3. Актуальной формой возрождения традиционных ремесел и промыслов и распространения продукции являются ярмарки, возможно совмещение их с фольклорными фестивалями или народными праздниками.
4. Сохранение самобытной архитектуры. Создание этнодворов на основе этнокультурных центров и этноприродных парков.
5. Вовлечение туристов в интерактивный процесс: театрализованные представления, ролевые игры [Урванцева 2012: 52–55].

В целом экспертами были выделены следующие основные приоритетные направления по сохранению и развитию языков, культуры и традиционного образа жизни коренных народов Республики Карелия:

- сохранение и развитие карелов и вепсов как самобытных этносов;
- обеспечение подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавателей дошкольного, среднего и профессионального образования;
- государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере межнационального (межэтнического) сотрудничества, сохранения и защиты самобытности, культуры, языков и традиций коренных народов;
- государственная поддержка изучения, сохранения, развития и популяризации карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия;
- введение обязательного изучения карельского и вепского языков в национальных районах, а в приграничных районах необходимо изучение финского языка. Введение ответственности изучения языков в системе образования. По мнению респондентов для развития национального компонента в образовательной системе (детские сады, школы) необходима финансовая поддержка республиканского правительства, доплаты к заработной плате специалистам, преподающим на национальных языках, разработка учебников и необходимой методической литературы, увеличение числа часов, отведенных преподаванию этнических языков, организация внеклассной работы, изучение языков через проникновение в языковую среду и культуру (игры, танцы, фестивали, мастер-классы, экскурсии);
- развитие народных промыслов и ремесел в целях увеличения занятости населения, в том числе на селе, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов;

- поддержка мероприятий патриотического характера, способствующих формированию духовно-нравственной атмосферы взаимоуважения народов Российской Федерации и иных этнических общностей, проживающих в Республике Карелия;
- развитие этнографического и культурно-познавательного туризма в Республике Карелия, содействие созданию объектов инфраструктуры этнотуризма: этнопарков, этнодеревень, этнокультурных центров, центров межнационального сотрудничества;
- организация и проведение этнокультурных мероприятий, способствующих популяризации культуры и искусства народов Российской Федерации и иных этнических общностей, проживающих в Республике Карелия;
- содействие развитию волонтерского (добровольческого) движения в сфере сохранения культурного наследия, включая реставрацию культурных ценностей;
- поддержка научных исследований, научно-популярных публикаций, пропаганда создания произведений литературы, искусства, кино и телевидения, интернет-продукции, что может содействовать популяризации традиционной культуры, укреплению института карельской и вепсской семьи, поддержке социально-культурных функций карельского, вепсского и финского языков.

Литература

- Карелиястат – Карелиястат. Данные всероссийской переписи населения 2010 // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default.
- Ковалева С. В., Родионова А. П. Проблемы изучения и сохранения карельского языка в современных условиях в Республике Карелия // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции (Секция Уралистика). СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 35–39.
- Лободанова И. Вешкелица – там, где песни пахнут хлебом // ТВР-Панорама. 10.04.2013. № 15 (1093).
- Об основных направлениях – Об основных направлениях, результатах деятельности Министерства образования Республики Карелия в 2014 году и задачах на 2015 год // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://minedu.karelia.pro/Otchet_o_deyatelnosti.
- Официальный интернет-портал Республики Карелия «Карелия официальная» // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=7227>.
- Программа – Муниципальная целевая программа «Развитие образования в Прионежском муниципальном районе в 2011–2015 гг.». Утверждена Решением XI сессии II созыва Совета Прионежского муниципального района от 21.06.2011 г. № 17.
- Стратегия – Стратегия национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Республики Карелия от 13 ноября 2015 года № 699р-П // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=15131>.
- Урванцева Н. Г. Фольклорно-этнографическое наследие как фактор развития туризма (на примере Республики Карелия) // Северные туристские дестинации как доминанта развития туризма Северо-Западного региона. Роль туристского наследия в развитии туристских дестинаций. Труды III Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. С. 52–55.
- Kovaleva S. V., Rodionova A. P. Karelian language in the educational system in Republic of Karelia // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, № 7(27), 2013. <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/7201321>.

ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ: ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУР

Елена Григорьевна Соини

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ФИНЛЯНДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Памяти Евгении Ивановны Амосенковой

Максим Горький (настоящее имя Алексей Максимович Пешков) был, пожалуй, самым верным и восторженным певцом Финляндии. Он часто ездил в Финляндию, переписывался с Аксели Галлен–Каллела, его произведения переводились на финский язык, а спектакли по его пьесам шли в Национальном театре в Хельсинки. Подобно Я. К. Гроту и С. П. Дягилеву, М. Горький много сделал для сближения русской и финской культур. Именно по его инициативе в Петрограде в 1917 году открылась выставка финского искусства, в издательстве «Парус» вышел сборник финляндской литературы, редактором которого он был вместе с Валерием Брюсовым.

Тема «Горький и финны» достаточно хорошо исследована как в России, так и в Финляндии. Несомненно, самым талантливым и исчерпывающим рассказом о восприятии финнами творчества молодого Горького является раздел в книге Э. Г. Карху «Очерки финской литературы начала XX века» [Карху 1972: 11–154]. Там же дана библиография критической русской и финской литературы о пребывании Горького в Финляндии. Наша задача несколько иная. Часто говоря о любви русского писателя к Финляндии, исследователи почти ничего не пишут о том, что же привлекало Горького в Финляндии. Что он, собственно, любит? И выдержала ли эта любовь проверку временем?

Горький – один из немногих русских прозаиков, создавший образ Финляндии и финнов в художественном произведении. В самом своем значительном четырехтомном романе «Жизнь Клима Самгина», написанном в 1925–1936 годах, он посвятил Финляндии немало страниц. Не забывая, что авторское определение произведения – повесть, будем, однако, пользоваться термином роман, как это принято в современном литературоведении: «Жизнь Клима Самгина», – пишется в «Истории русской литературы» 2014 года, – это идеологический роман в самом высоком смысле этого слова, раскрывающий насквозь идеологизированную жизнь общества в XX в.» [Егорова и др. 2014: 223].

Описывая посещение Климом Самгиным нижегородской всероссийской выставки, Горький обращает внимание своего героя на то, как «не торопясь шагали хмурые, белесые финны, строителя трамвая и фуникулеров в городе» [Горький 19: 518]. Несомненной удачей писателя стали образы финских женщин. Причем Горький постоянно противопоставляет в них позитивное и негативное. Порой образ женщины соединяется с образом Финляндии. Чистота, уют, простота, – все, что Горький связывает с образом героини, он связывает и с Финляндией.

Когда смертельно заболел отец Самгина, Клим не столько огорчился – отец был «человеком хорошо забытым», – сколько обрадовался возможности съездить в Финляндию. Там он встречается с Айно, второй женой отца, и проникается к ней большой симпатией. Айно напоминает Климу его мать в молодом возрасте. «Но не это сходство было приятно в подруге отца, а сдержанность ее чувства, необыкновенность речи, необычность всего, что окружало ее и, несомненно, было ее делом, эта чистота, уют, простая, но красивая, легкая и крепкая мебель и ярко написанные этюды маслом на стенах» [Горький 19: 163]. Антипод Айно – ее сестра Христина. Она описана явно карикатурно, «точно вырезанная из гранита, серая женщина» [Горький 19: 161] с ворчливым голосом и угловатыми движениями, «каменным» лицом. На фоне «каменного лица» Христины, Айно «очень стройная, с четкими формами, в пенсне на вздернутом носу» показалась Климу приятной. Ему нравилось ее сдержанное поведение на похоронах отца, ее костюм, ее забота о детях: «Айно шла за гробом одетая в чер-

ное, прямая, высоко подняв голову, лицо у нее было неподвижное, протестующее <...>. Клим почувствовал желание нравиться ей» [Горький 19: 164].

Аино разрешает Климу остаться посмотреть Финляндию. И вот Клим знакомится с Финляндией – Горький переходит почти к свободному стиху, описывая северную страну, но-стальгически вспоминая свои поездки двадцатилетней давности. Возникает образ «пасынков... природы», фраза, уцелевшая в памяти из какой-то книжки: «Вот я в самом сердце безрадостной страны болот, озер, бедных лесов, гранита и песка, в стране угрюмых пасынков природы» [Горький 19: 165].

Тут же писатель разрушает этот книжный стереотип: «Но здесь, среди болот, лесов и гранита, он видел чистенькие города и хорошие дороги, каких не было в России, видел прекрасные здания школ, сытый скот на опушках лесов, видел, что каждый кусок земли заботливо обработан, огорожен и всюду упрямо трудятся, побеждая камень и болото, медлительные финны» [Горький 19: 165]. Горький даже пробует некоторые слова писать по-фински.

Клим замечает чувство собственного достоинства финнов, их уверенность и меланхоличность. Но прежде всего Клим потрясен финским трудолюбием: «Ему нравилось, что эти люди построили жилища свои, кто где мог или хотел, и поэтому каждая усадьба как будто монумент, возведенный ее хозяином самому себе» [Горький 19: 165].

Климу приятна финская тишина. Тишина, безмолвие, молчаливость – опять стереотип, типичный для образа Финляндии в русской поэзии, особенно XIX века. Причем стереотип порой негативный, но у Горького финская тишина не была похожа на «тишину пустоты и усталости русских полей. Царила в стране Юмала (Юмала – Jumala – Бог [фин.] и Укко (Укко – бог ветра в финской мифологии. – Е. С.) серьезная тишина <...>, она казалась тишиной спокойной уверенности коренастого, молчаливого народа в своем праве жить так, как он живет» [Горький 19: 165].

Горький показывает своего героя Клима не только хорошо знающим «Калевалу», но способным в современности увидеть «эпические фигуры героев Суоми, борцов против Хииси и Лоухи, стихийных сил суровой природы, ее Орфея Вайнемейнена, сына Ильматар, которая тридцать лет носила его во чреве своем, веселого Лемникейнена (Лемминкяйнена. – Е. С.) – Бальдура финнов, Ильмаринена, выковавшего сампо, сокровище страны. «Вот этот народ заслужил право на свободу», – размышлял Самгин...» [Горький 19: 166].

Клим называет финнов гостеприимными, прямодушными, а главное, знающими свою страну, «точно книгу стихов любимого поэта» [Горький 19: 177].

Образ Аино Горький рисует с явной симпатией не только как хорошей и миловидной хозяйки, но и умной, трудолюбивой и, опять же, уверенной женщины. Она смела и самостоятельна в суждениях, позволяет себе включиться в мужской спор с критикой: «Это очень сытые мысли, мысли сильных людей» [Горький 19: 170].

У Аино есть свое кредо, ей понятен смысл ее жизни, и этот смысл в труде: «Надобно очень много работать и накапливать, чтобы у всех было все... Слабые люди очень дорого стоят и мешают. Когда у вас две мысли, – одна лишняя и вредная. У русских – десять мыслей и все – не крепки. Птичий двор в головах, – так я думаю» [Горький 19: 170].

Однако писатель не делает ее идеальной. Аино – хитра. «Ловко устраивается в жизни, а уют ее комнат «холоден и жестковат».

Описанную в романе «Клим Самгин» нижегородскую художественно-промышленную выставку Горький посетил сам, где впервые встретился с живописью А. Галлен-Каллела и других финских художников. На писателя произвели впечатление полотна Пекки Халонена, Ялмара Мюнстерельма, Ээро Ярнефельта, а творчеству А. Галлен-Каллела молодой Горький дает отрицательную оценку в своем репортаже в «Нижегородском листке»: «Говорю категорически, что какого-нибудь нового искусства и вообще искусства в работах Галлена я не увидел и уверен, что его там и нет...» [Sykijainen 1978]. Напротив, к картинам Э. Ярнефельта «Горе» и «Пожога» он отнесся благосклонно, чувствуя, как «горит сердце художника любовью к своей суровой стране и к людям ее – хмурым, печальным, утомленным борьбою...» [Шумский 1940: 77]. Однако вскоре познакомившись с А. Галлен-Каллела,

Горький становится его другом. Они вместе участвуют в создании антиправительственного журнала «Жупел», вышедшего в 1905 году, переписываются, гостят друг у друга. Именно Галлен-Каллела Горький посылает статью «О Финляндии» и пишет в 1907 г. письмо, в котором призывает через художника всех финнов не бояться революционеров и не забывать, что «враг финна – не русский, а враг русского – дом Романовых» [Горький 24: 22].

В статье «О Финляндии» Горький создает образ финнов как людей, знающих, что такое хорошо развитая демократия и культура: «Они кажутся царю врагами, потому что пользуются конституцией, которой присягали все его предки и он сам, они неприятны, видимо, и потому, что отказываются пить водку, они враждебны русской полиции и шпионам потому, что не позволяют в своей стране произвола и насилия, не допускают арестов русских беглецов, наконец, они культурны...» [Горький 24: 520].

А. Галлен-Каллела был организатором литературных вечеров Горького в Хельсинки в 1906 году и даже оформлял обложку для рассказа «Товарищ». А когда в 1916 году кроме готовящегося «Сборника финляндской литературы» Горький задумывает издать сборник финского фольклора, он опять обращается к Галлен-Каллела¹:

«27.XI.1916.

Петроград.

Дорогой Галлен!

Я очень рад, что ты горячо одобрил идею перевода на русский язык финских рун, и я тебе за это очень благодарен. Я думаю, что все люди в детстве должны получить возможность взаимного знакомства с душами всех наций, всех народов, которые живут на земле. И, может быть, став взрослыми, они не будут очень враждебны к другим народам. Будут относиться к ним с большей симпатией, и не будут лишать их свободы. Я хочу, чтобы человечество стало более честным и просвещенным. Такова моя профессия.

Я тебя очень прошу проиллюстрировать одно из этих сказаний. Это долг столь великого художника, как ты, перед детьми. И я уверен, что тебе удастся это сделать. Гонорар за это будет такой, какой ты запросишь, и немедленно тебе его пришлют. Желаю тебе доброго здоровья, дорогой Галлен. Наилучшие пожелания тебе и твоим детям. Мария посылает свой привет. Спасибо большое за фотографию твоего портрета, который мне очень приятен уже по тому, что сделан тобой.

До свидания.

Максим Горький». [Gallen-Kallela arkisto. Перевод с франц.]

Галлен-Каллела, поддерживая идею перевода, отказывается иллюстрировать сборник, но предлагает Горькому своего ученика Хуго Симберга (художника, ставшего в Финляндии более популярным, чем его учитель). Горькому эта идея нравится, он соглашается, соглашается и Хуго Симберг. В новом письме к Аксели Галлен-Каллела Горький, зная сложный творческий характер художника, утешает его, называет одним из величайших художников человечества:

«[начало] 1917

Аксель Галлен.

Мой дорогой друг!

Без сомнения, я понимаю причины твоего отказа иллюстрировать сказания и совсем не сержусь на тебя за это. Я улыбался, читая твои слова, в которых ты выражал свое опасение, что тебе не удастся выразить свои идеи в творчестве. Если даже ты будешь продолжать распылять свой талант на разные вещи, дорогой друг, потому что ты жаден до работы, знай, что тебе уже удалось создать большие произведения, и поэтому у тебя нет никаких основа-

¹ Это письмо и все последующие письма М. Горького, приведенные в данной статье, приводятся по рукописи, хранящейся в Финляндии в Архиве музея А. Галлен-Каллела с разрешения доктора Кирсти Карвонен-Каннас. Впервые были опубликованы в статье В. Г. Бондаренко «Горький и Галлен» // Литературная Россия. 24 марта 1978 г. С. 4–5. Совместно с заведующей кафедрой иностранных языков ПетрГУ Е. И. Амосенковой мы участвовали в подготовке переводов с французского к этой публикации. Учитывая труднодоступность публикации, приводим текст писем полностью.

ний бояться подобных вещей. Ты один из величайших художников человечества, и это большое удовлетворение и утешение в наши печальные дни знать, что твой гений говорит по-прежнему и что ты испытываешь творческие муки. Я тебя благодарю за то, что ты представил мне господина Хуго Симберга. Я знаю этого художника, и я бы хотел, чтобы он согласился иллюстрировать прекрасные сказания Финляндии. Но окажи мне услугу, попроси его согласиться сделать эту работу, попроси его, мой друг, от моего имени. И я ему, конечно, сам напишу. Гренлунд, вероятно, скоро нам пришлет серию заказных переводов. Дело это уже продвигается, как ты можешь видеть.

Я твердо верю, что люди могут быть братьями друг другу. Пусть придет тот день, когда все живущие не будут причинять зла друг другу и не будут лишать других прав на свободу.

Обнимаю тебя, мой друг, мои наилучшие пожелания твоей жене и тебе. Мария шлет вам сердечные пожелания.

Максим Горький». [Gallen-Kallela arkisto. Пер. с франц.]

Сборник финского фольклора с иллюстрациями Хуго Симберга и переводом г. Гренлунда издать не удалось. Но «Сборник финляндской литературы», к большому счастью русских и финнов, увидел свет в начале 1917 года. Осуществилась и еще одна идея Горького – в апреле 1917 года открылась выставка финского искусства в Петрограде. Горький очень хотел, чтобы Галлен-Каллела принял в ней участие хотя бы одной картиной:

«29. III. 1917.

Петроград

Аксель Галлен
Гельсингфорс

Мой дорогой друг!

Выставка финского искусства в Петрограде скоро открывается. Это прекрасная интересная выставка, но ты - самый большой художник. Галлонен и Энкель, вы не представлены на ней ни одной работой. Эта выставка имеет очень большое значение. И я тебя очень прошу послать хотя бы одну картину с помощью моего друга Николая Буренина, который передаст тебе это письмо. И также я прошу тебя рекомендовать его Галлонену и Энкелю!

До свидания, дорогой друг. Я хотел бы тебя вскоре увидеть.

М. Горький». [Gallen-Kallela arkisto. Перевод с франц.]

Художник картин не прислал, предоставив место на выставке более молодым собратьям по кисти: Юхо Риссанену, Тьюко Саллинену, Микко Ойнонену, но приехал в Петроград сам с сыном Йормой и остановился у Горького.

Эта выставка имела большой успех, о ней много писали, был устроен торжественный прием, в почетный комитет входили знаменитые русские художники, из Финляндии приехали Магнус Энкель, Вилле Валлгрэн, композитор Роберт Каянус.

На открытии выступил В. Маяковский, а Горький сказал тогда по-фински: «Eläköön Suomi! Rakastan Suomi!». Предисловие к каталогу выставки написал также Горький. Возможно, это его самое яркое, самое возвышенное слово о Финляндии, слово-пророчество, слово-завещание. Ведь следующая выставка финских художников будет организована лишь после Великой Отечественной войны.

М. Горький выразил не столько свое отношение к финской живописи, сколько воспел жизненную силу финского народа, победу человеческого труда, любовь финнов к своей земле.

«Финляндия, – страна гранита и озер, такая маленькая, бедная, такая хмурая, но – я не знаю страны, которая возбуждала бы у меня более нежное чувство любви, более глубокое уважение, чем она, Суоми!

Нигде я не вижу с такой ясностью, не чувствую с такой убедительной силой величие человеческого духа, всепобеждающую мощь разумного труда.

Среди болот, среди озер, на кусках неплодотворной земли, затерянной в камнях, под бесстыдным гнетом русской монархии, цинически убивавшей все стремления к свободному творчеству, – финны, молчаливые, упрямые люди, в течение нескольких десятков лет умели

создать все, что необходимо для культурного государства, все, чем может гордиться человек – науки, искусства, промышленности.

Нигде, – говорю я, – не возникала культура при условиях более тяжелых. Казалось бы, что на этой бедной земле нет места прекрасным цветам, что среди серых скал под печальным небом не расцветет душа человека, и не победит воля его сопротивления природы, скупой дарами.

Но человек победил. Его творчество, его труд осуществили почти невозможное. Его мощная воля ограничила бедную каменную землю и на короне, которой украшена наша планета – Суоми одна из лучших драгоценностей.

Я уверен, что всякий, кто хочет ясно представить себе красоту труда человеческого – должен внимательно вдуматься в то изумительное напряжение воли к жизни, которое обнаружил народ Суоми» [Горький 1917: 2–3].

Одним из ярких событий 1920-х годов в русско-финских культурных отношениях было обращение М. Горького к финскому народу по организации помощи голодающим ученым в Петрограде. 24 марта 1921 г. он пишет открытое письмо А. Галлен-Каллела. Это письмо было напечатано в финляндских газетах и передано по финляндскому радио. Осенью 1921 г. Горький по пути в Германию на несколько дней остановился в Финляндии, в Хельсинки. Этот визит мало был похож на первые поездки М. Горького в Финляндию. Но все-таки в гости к русскому писателю пришел Эйно Лейно с томиком своих стихов, Горький побывал в Хельсинкском университете на заседании комиссии по оказанию помощи русским ученым. Но в 1923 г., когда Горький хотел вернуться через Финляндию, ему было отказано даже в транзитной визе.

Литература

Горький 19 – Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 19. М., 1953. 548 с.

Горький 24 – Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 24. М., 1953. 576 с.

Горький А. М. [Финляндия] Каталог выставки финского искусства. Петроград, 1917. С. 2–3.

Егорова Л. П., Фокин А. А., Иванова И. Н. и др. История русской литературы XX века. Первая половина. Кн. 2. Под общ. ред. Л. П. Егоровой. М.: Флинта, 2014. 935 с. [Электронный ресурс]

Карху Э. Г. Очерки финской литературы начала XX века. Л.: Наука, 1972. 400 с.

Шумский А. М. М. Горький и финский народ // На рубеже. 1940. № 5–6. С. 77.

Gallen-Kallela arkisto // Gallen-Kallelan museo.

Sykiäinen R. Gorki ja Suomi // Neuvosto-Karjala. 1978. No 65, kesäkuu 4 pñä.

Марина Владимировна Пекшиева

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ФИНСКИЕ ГЕРОИ И ТЕМА ОГНЯ В «САЛАМАНДРЕ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Произведение «Саламандра» В. Ф. Одоевского мы исследуем уже достаточно давно, и до этого уже рассматривались такие темы, как финская музыка, символ благосостояния Сампо, финская природа, внешность и характер финнов и т. д., и на этот раз мы остановимся на теме огня в этом произведении. «Саламандра» – это романтическая повесть, поэтому герои здесь существуют в двух мирах – реальном и фантастическом. Сначала рассмотрим огонь в более близком нам мире, в реальной действительности. В своем исследовании мы будем также определять огонь по качеству, делить на добрый огонь, приносящий пользу, творящий добро и злой, наносящий удар, лишаящий счастья и стабильности.

Финляндия – холодная страна, поэтому в каждом финском доме того времени есть печь, которая обогревает жилище. Начинается повесть с того, как финка Гина, жена старого Руси, просит добавить дров в печку. Огонь в очаге – это не только тепло, это также оживляющий свет в хижине. Пока автор словами старика Руси рассказывает нам финскую легенду о Сампо, его близкие отдыхают, греются у огня, беседуют.

Финская легенда повествует о Северной войне, борьбе Петра I с Карлом XII, битве между русскими и шведами. Конечно, война не возможна без огня: «...от наковальни брызнули искры, зажгли серу и селитру и опалили короля рутцов (шведов – прим. автора). Король бросился в море, чтоб потушить огонь; царь за ним...», «...тщетно заклинает их король, тщетно обсыпает красным угольем, с кораблей дышит бурный ветер, свивает в облако горючую селитру и палит короля и всю землю рутцийскую» [Одоевский 1988: 249–250]. Здесь относительно каждой воюющей стороны огонь представляет собой «свою», добрую и одновременно «чужую», злую силу.

В повести «Саламандра» финка Эльса становится колдуньей, так как ещё в детстве она обрела дар ясновидения благодаря огню. Ч. Ледбитер, изучающий ясновидение, говорит, что детям, у которых чувствительные родители, повезло. Такие дети знают «мир гномов и фей, настоящей дружбы с животными и птицами, деревьями и цветами, живого сочувствия всем проявлениям природы – мир более свободный, менее скудный и гораздо более реальный» [Ледбитер 2004: 112]. И некоторые из таких детей не теряют своих способностей и переносят их остатки во взрослую жизнь. То есть мы можем предполагать, что ясновидение – это отчасти хороший дар, это часть колдовства, а колдунов в Финляндии считали знахарями [Ненонен 1994: 65].

Дед Руси передаёт колдовской дар внучке, чтобы узнать о судьбе пропавшего без вести на войне сына. «Почти силою старик подвёл её к огню и посадил на обрубок», «Эльса билась, чтоб вырваться из рук старика, но тщетно...» [Одоевский 1988: 252–253]. Эльса видит, что приключилось с её отцом на войне. Такой огонь приносит информацию, он добрый, от него становится спокойнее на душе у героев. С другой стороны, такой огонь будет потом вызывать у Эльсы приступ, он забирает силы, сводит с ума, уводит в другой мир. При виде огня Эльса хочет воссоединиться со своей сестрицей Эльсой-Саламандрой, живущей в огне.

Пастор предупреждает финна Якко, что Эльса «подвержена чему-то похожему на падучую болезнь» [Одоевский 1988: 265]. Находясь в России, в болезненном состоянии Эльса разговаривает с лекарем-немцем по-немецки, хотя никогда не знала этого языка. Когда огонь гаснет, девушка успокаивается. Лекарь упоминает о том, что «...пироманция, или гадание огнем, была известна и древним и производила у них подобные явления...» [Одоевский 1988: 281]. По М. Ненонену, именно сумасшествие могло вызвать подозрение в колдовстве. Черты характера, внешний вид, болезненность, отказ ходить в церковь, истеричность или эпилепсия относились к симптомам, по которым причисляли к колдунам [Ненонен 1994: 41–42].

Полная луна также оказывает на Эльсу влияние: «... в гостиной Зверева затопили огромную шведскую печку <...> тень от окошек, освещенных полною луною, резко обозначалась на торцевом полу; две нагоревшие свечи стояли на столе и колебались от движения воздуха; все эти роды освещения мешались между собою <...> лицо её разгорелось; локоны повисли на глаза; лунный свет широкою полосой ложился на её белое платье; она трепетала всем телом, как пифия на очарованном треножнике» [Одоевский 1988: 278]. По Д. Тресиддеру, луна – это «символ женского начала», она символизирует «целомудрие, непостоянство, изменчивость» [Тресиддер 2001: 204]. Мысль о том, что полная луна вызывает безумие, пришла из Рима, так произошло слово «лунатик». Для психологов луна – это субъективизм, интуиция и эмоции, а также изменение настроения [Тресиддер 2001: 206–207].

Эльса-Саламандра в фантастическом мире, в огне просит реальную Эльсу бежать в родные края, и здесь речь идет о луне как символе родины: «На берегах Вуоксы люди не совратят тебя, там сосны и утесы безмолвны, луна светит своей живительной силой и духотворит грубое тело, там в лучах луны, в потоках пламени мы сольёмся весёлым хороводом, облетим всю землю, и вся земля для нас будет светла и прозрачна» [Одоевский 1988: 279–280].

В «Саламандре» В. Ф. Одоевский через огонь доверяет познать истину финским героям. Если Эльса связана с огнём через приступы и болезнь, то Якко становится алхимиком, и они с графом ставят опыты, чтобы получить золото и разбогатеть. У огня много значений, это «божественная энергия, очищение, откровение, преображение,

возрождение, духовный порыв, искушение, честолюбие, вдохновение, сексуальная связь» [Тресиддер 2001: 246]. Огонь для финна Якко – это мечта, надежда, благодатная субстанция.

Интересно, что с одной стороны, Одоевского интересовала алхимия, и это, казалось бы, никак не связано с финской темой, но, с другой стороны, поиск и получение золота напрямую соотносится у писателя с Сампо. Эльса-Саламандра, находясь в фантастическом мире, в огне, именно так называет сокровище, которое они хотят получить из печи. Получается, что здесь одно вытекает из другого, и поэтому нам важно вспомнить, что представляет собой алхимия, а также, откуда и как в «Калевале» появляется на свет Сампо.

Что касается алхимии, то ее понимают «как путь к духовному совершенству», ее также «характеризуют как стиль жизни и тип человеческого поведения» [Андреева 2006: 36]. Как известно, маг Архиппа Неттестгеймский призывал думать не о буквальном смысле исканий алхимиков, а искать их принцип в нас самих – в нас живёт дух, который в состоянии творить чудеса. Парацельс писал, что алхимия – это «магический процесс», в который погружается искатель, «как в сказочный мир» [Головин 1998: 293]. С помощью этого процесса он ищет ответы на вопросы для самого себя. Золото алхимиков считалось символом внутренней перемены, – «просветлённой и спасённой души» [Головин 1998: 214–215]. Целью алхимии было получение именно «золота философов», благодаря поискам и обретениям. «Золото для алхимиков было знаком нетленности души и ее способности свечения» [Головин 1998: 215].

М. А. Турьян говорит, что «фантастическая Саламандра воплотилась в финской девушке, которая сама является носителем сверхъестественного, инстинктуального, сверхчувственного познания вещей и явлений» [Турьян 1978: 196]. Именно с её помощью Якко открывается тайна, «хоть он и предал подругу детства и изменил земле своей...», но «он был рождён на берегах Вуоксы и также отмечен в детстве знаком причастия таинству» [Турьян 1991: 320]. «Ты наш, – говорила ему Эльса, – и должен быть нашим» [Одоевский 1988: 310].

Одному Якко не найти золото, «чудный пурпуровый камень, семя металлов, эликсир от всех болезней» [Одоевский 1988: 307]. От огня нельзя отходить ни на минуту, это забирает у финна все силы. Сидя перед очагом, он думает об Эльсе, и, когда он засыпает, она является «бедному чухонцу» во сне: «...он видел берег Вуоксы, слышал шум иматрских порогов; Эльса была перед ним во всей своей красоте; она склоняла голову на грудь Якко, целовала его; ее кудри обсыпали его лицо...» [Одоевский 1988: 307].

С помощью алхимии в фантастическом мире Одоевский соединяет то, что невозможно соединить в реальном. В обычном мире Якко в определённый момент теряет свои идеалы, смысл жизни, становится беден и имеет проблемы с женой. В фантастическом мире или в мире мечты всё может быть наоборот. Там финны Якко и Эльса страстно любят друг друга, там нет рамок приличий, существующих в реальном мире, нет общественных идеалов. В этом мире герои Одоевского обретают финское сокровище Сампо и ощущают родство своей крови. Там Якко готов умчаться домой, на Иматру.

Что касается саламандры, то это знак стихии огня, а огонь – это метафора, описывающая самого Бога. Саламандра, «отображает сознание огня с его бесконечной подвижностью и непостоянством» [Куклев 2006: 355]. Й. К. Ихалайнен пишет, что в скандинавском мире богом огня считался Локи. Он был непредсказуемым и сложным по характеру. С одной стороны, он был помощником, как огонь на кухне, с другой стороны – коварный, как лесной пожар. Локи мог также менять свою форму. Он мог быть дымом, платком, рыбой, птицей, мошкой или лосем [Ихалайнен 1999: 33]. Эльса-Саламандра, на наш взгляд, подобна скандинавскому богу: она меняет свою форму, помогает Якко обрести Сампо, и она в то же время очень опасна.

Вспомним, что в «Калевале», где «фольклорная эстетика сложно переплетается» «с идейно-эстетическими представлениями эпохи романтизма» [Карху 1989: 279], и на которую опирался в «Саламандре» В. Ф. Одоевский, есть руны об огне. Важно, что финское сокровище Сампо появляется из огня:

Вот кователь Илмаринен,
славный мастер вековечный,
опустил в огонь припасы,
положил поковки в пламя.
Он к мехам рабов поставил,

самых сильных – у горнила [Лённрот 1998: 109].

В другой руне огонь упал на землю и причинил много бед. Я. К. Грот в своём пересказе и первом переводе «Калевалы» русским читателям пишет, что колдунья Лоухи спрятала его в озере, где он был проглочен щукой. Вяйнямейнен и Илмаринен вылавливают щуку, разрезают её, огонь вырывается наружу и сжигает большую часть земли, но его удаётся унять льдом и холодом Похьелы [Грот 1898: 137–138]. Здесь огонь только опалает щёки и руки кузнецу Илмаринену:

Чем огонь я успокою,
чем я пламя обуздаю,
сделаю его безвредным,
безобидным, безопасным,
чтоб не лютовал так долго,

чтоб не жёг меня так сильно? [Лённрот 1998: 514]

В. Я. Петрухин пишет, что в финской мифологии в некоторых заговорах героям Вяйнямейнену и Илмаринену удаётся добыть огонь при помощи пёстрых змей [Петрухин 2003: 102]. И в славянской мифологии существовал змеевидный демон, «наделённый антропоморфными чертами» [Мифологический словарь 1991: 409]. Саламандра способна жить в огне, как говорили древние; в средневековой магии она была «духом огня» и «символом философского камня» [Мифологический словарь 1991: 476]. Думается, что пёстрая змея или огненный змей с саламандрой чем-то похожи, особенно, когда нужно представить их в связи с огнём, хотя в то же время стоит заметить, что у самих финнов, как говорит М. А. Турьян, ссылаясь на финскую фольклористку П. Л. Раусмаа, нет устных рассказов о подобных саламандрам существах [Турьян 1978: 189].

Итак, с огнем в произведении Одоевского мы встречаемся на протяжении всего повествования. В итоге огонь убивает героев, но при этом соединяет, ставит на один уровень. Огонь – это, как известно, и созидательная и разрушительная сила, это преображение и очищение. В этой статье мы посмотрели, что есть огонь в финском жилище, огонь на войне, как он влияет на состояние человека, как, благодаря алхимии, финские герои получают «свое» Сампо, и в связи с этим мы вспоминаем «Калевалу», Илмаринена и его символ благосостояния.

Литература и источники

Андреева В., Ровнер А. Алхимия // Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Астрель: АСТ, 2006. С. 35–41.

Головин С. Символы алхимии / Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. // Энциклопедия символов / пер. с нем. Г. Гаева. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 291–306.

Грот Я. К. О финнах и народной поэзии. 1840 / Я. К. Грот // Труды Я. К. Грота. Из скандинавского и финского мира. СПб, 1898. С. 100–148.

Карху Э. Г. Финская литература: Литературы Скандинавских стран и Финляндии / Э. Г. Карху // История всемирной литературы в 9 томах. Т. 6. М.: Наука, 1989. С. 277–281.

Куклев В. Огонь // Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Астрель: АСТ, 2006. С. 355–356.

Ледбитер Ч. Ясновидение. Сны / Ч. Ледбитер. М.: Изд-во «Профит Стайл», 2004. 173 с.

Лённрот Э. Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Э. Лённрот; пер. с фин. Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск: Карелия, 1998. 584 с.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. 736 с.

Одоевский В. Ф. Повести и рассказы / В. Ф. Одоевский. М.: Худож. лит., 1988. 382 с.

Петрухин В. Я. Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. М.: Изд-во Астрель, 2003. 464 с.

- Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. М.: Фаир-Пресс, 2001. 448 с.
- Турьян М. А. Странная моя судьба / М. А. Турьян. М.: Книга, 1991. 398 с.
- Турьян М. А. Эволюция романтических мотивов в повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» / М. А. Турьян // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 187–206.
- Ihalainen J. K. Tuli / Aaltonen T., Ihalainen J. K. Tampere, 1999. 80 s.
- Nenonen M. Synnin palkka on kuolema / Nenonen M., Karvinen N. Otava, 1994. 287 s.

Ирина Сергеевна Маташина

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ОСОБЕННОСТИ ШВЕДОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ФИНЛЯНДИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Вплоть до XIX века шведский язык являлся языком культуры, языком интеллигенции. Подъем финского национального самосознания и другие изменения, в том числе либеральные реформы Александра II, привели к переустройству сложившейся ситуации.

Языковой вопрос долгое время являлся предметом споров и обсуждений в финском обществе, стал «водоразделом», выявляющим политические воззрения тех или иных групп. В это же время, помимо внутригосударственных коллизий, ситуацию осложняла начавшаяся в 1890-х гг. политика русификации, продолжившаяся и в начале XX века. Все это привело к росту антироссийских настроений, идей сепаратизма. Непокойная обстановка не могла не отразиться на интеллектуальной жизни страны.

Рубеж XIX и XX веков привнес изменения в положение финских шведов, поэтому созданная ими литература развивается по особому пути. Конечно, творчество каждого писателя индивидуально. Однако все они имели общую историю и находились в одинаковых социальных, политических, экономических условиях, хотя и по-разному к ним относились. Финский ученый Томас Варбуртон отмечает, что шведоязычная литература Финляндии периода начала XX века была «привязана к национальной среде» [Warburton 1984: 13], то есть характеризовалась гомогенностью. Ее создатели принадлежали, в основном, к среднему классу и повествовали о нем же.

Исторически основная часть шведоязычного населения Финляндии составляла верхушку общества, обладавшую значительными привилегиями по сравнению с финноязычными гражданами. Однако новый статус финского языка как языка официального, государственного, в совокупности с политикой русификации, ознаменовал факт наличия двойного давления на позиции шведоязычного населения. Итальянский исследователь Массимо Чиараволо отмечает важность происходившей в то время быстрой индустриализации страны, которая «вызвала массовое переселение из глубинки в города и на побережья, что привело к финнизации тех районов, которые традиционно были шведоязычными» [Warburton 94]. Описывая особенности шведоязычной литературы Финляндии периода рубежа веков, исследователи отмечают свойственное писателям ощущение «беспочвенничества» [Ciavolo 2014: 31]. Однако далеко не у всех представителей новоявленного меньшинства восприятие новой действительности было пессимистичным.

Несмотря на одинаковые внешние условия и общность позиций по ключевым вопросам, шведоязычные писатели и другие деятели культуры по-разному видели свою роль в историческом процессе.

Как пишет Э. Г. Карху, в финноязычной литературе начала XX века может быть выделено три основных направления: неоромантическое, реалистическое и направление пролетарской литературы [Карху 1990: 74]. При анализе шведоязычной литературы выявляется, что аналогичное разделение едва ли актуально. Томас Варбуртон выделяет литературу среднего класса, повествующую о жизни в городе, и описания деревенской жизни. Последние,

чаще всего, носят «этнографический» характер, за редким исключением в них можно найти психологическую глубину. Направление рабочей шведоязычной литературы исследователи не выделяют и пишут, что она существует «только лишь в виде отдельных экземпляров» [Warburton 1984: 16] (к примеру, Э. Г. Карху называет имя Аллана Валлениуса [Карху 1990: 266]).

Тематическому разделению шведоязычной литературы соответствует территориальное. Описание народной жизни было в большей степени свойственно писателям, проживавшим в прибрежных районах Финляндии. [Warburton 1984: 16]. Чаще всего они сами были выходцами из крестьянских или рабочих семей. Соответственно, жители городов воплощали в произведениях свое окружение. Вплоть до появления первых писателей-модернистов шведские литераторы придерживались реалистического направления изображения действительности, вектор которого был задан еще в 1880-х годах Карлом Августом Тавастшерной. Будущее финско-шведской части населения представлялось туманным, и даже в такой сплоченной среде не могло быть единственного мнения на этот счет. Дискуссии о возможном развитии событий часто велись на страницах литературных журналов.

Одним из оплотов традиционных взглядов являлся в то время журнал «Finsk Tidskrift», политика которого заключалась в сохранении «шведского» начала в культуре. В противовес позиции редакции писатели, видевшие будущее в выходе за пределы национализма, противостояния финского и шведского языков, объединились для издания нового журнала. Он увидел свет в 1902 году и получил название «Euterpe» (эвтерпе).

Описывая деятельность «эвтерпистов», исследователь Стефан Нюгорд называет несколько ключевых слов: «Европа, прогресс, просвещение и космополитизм» [Nygård 2011: 30]. Опираясь на культурные новости из Швеции, Франции и Германии, члены редакции ставили перед собой цель «с помощью литературы противостоять национальной изоляции и работать над европеизацией финской культуры», внедрять изменения в духовную жизнь сограждан. [Nygård 2011: 30]. В центре их внимания был общеевропейский культурный контекст, с которым они желали познакомить свою публику.

Члены «Эвтерпе» предлагали вариант активного преодоления затруднительного для финских шведов положения через осознание своей связи с иностранными интеллектуальными достижениями. Наиболее ярким литературным проявлением воззрений «эвтерпистов» стало раннее творчество Бертеля Грипенберга (1878–1947 гг.).

Приверженцев позиции активного противостояния двойному давлению на финских шведов объединял также отказ от религиозных воззрений, но он был присущ далеко не всем писателям начала XX века. Томас Варбуртон выделяет группу «этиков», к которой относит женщин-писательниц (например, Сигрид Бакман). Исследователь отмечает, что именно им было свойственно выражение христианских ценностей или «неких религиозных представлений на христианской основе» [Warburton 1984: 145], разительно отличавшихся от скептицизма иных современных им интеллектуалов. Также к «этикам» примыкают Ярл Хеммер и Альфред Фалер, которых Т. Варбуртон называет «впитавшими жизнь, свободными и опьяненными чувствами романтиками» [Warburton 1984: 156].

Наконец, в финской шведоязычной литературе начала XX века выделяется еще одна группа писателей, взгляды которых на настоящее и будущее были весьма своеобразными. К ним относятся такие авторы, как Туре Янсон, Ричард Мальмберг (известный под псевдонимом Густав Альм), Хенрик Хильден, Хеннинг Сёдерйельм, и другие. В шведоязычных источниках их называют «dagdrivare», что буквально переводится как «бездельник, лодырь». Понятие «дагдриваре» отчасти соотносится с термином «фланёр», но не совпадает с ним полностью. В отечественном литературоведении перевод понятия «дагдриваре» еще не утвердился, поэтому мы будем употреблять термин «праздношатающиеся», который не содержит негативной коннотации. «Дагдриваре» – специфически финское явление, поскольку герои этой группы писателей, а именно финские шведы, не по своей воле, вынужденно оказываются в стороне от наполненной событиями жизни. Герои, созданные финскими авторами, испытывают тоску по активной, деятельной жизни, но не могут найти себе достойного

применения. Поэтому сочетание мировоззрения фланёров и ощущения потери корней, родины в творчестве «дагдриваре» является специфическим явлением, оформившимся в уникальных социальных условиях Финляндии. Характерной общей чертой у данной группы писателей является позиция пассивного сопротивления внешним обстоятельствам. Среди писателей группы «дагдриваре» исследователи особо выделяют Рунара Шильдта (1888–1925 гг.), который, в отличие от своих братьев по цеху, не писал романов, ограничиваясь менее масштабными жанрами. В 1912 г. он выпустил свой первый сборник из шести новелл – «Все побеждающий Эрос» («Allt segrande Eros»), в котором нашли отражение типичные пессимистические сюжеты. В то же время достоинством новеллистики Р. Шильдта признается «полифонизм», поскольку «мы слышим много голосов и встречаем разные точки зрения, в отличие от типичного романа этого направления, где молодой герой или антигерой постоянно занят поиском самого себя» [Ciaravolo 2014: 102].

Резюмируя сказанное, отметим: литература Финляндии начала XX века строилась на основе разнообразных представлений авторов о настоящем и будущем страны и мира, но развивалась одновременно на двух языках. Вследствие этого были созданы две сосуществующие, но не сводимые к единой парадигме группы произведений. Литература на финском языке, пройдя этап стремительного развития, явила современникам многих удивительно одаренных авторов, прославивших свою родину. Шведоязычные писатели также не оставались в стороне от бурно развивающейся общественной жизни, однако их позиции, несмотря на общие исходные условия, характеризовались кардинальными различиями. Некоторые авторы считали необходимым приобщиться к мировой культуре и вести для этого активную деятельность, другие занимали позицию стороннего и выжидающего наблюдателя. Большая часть писателей обращала внимание на события, происходящие в городах, однако некоторые искали подлинных преемников финско-шведского наследия в провинции. Тем не менее, общим эмоциональным фоном их творчества стало осознание кардинальных перемен, которое из общественной жизни сублимировалось в творчестве и направляло шведоязычную литературу Финляндии к новому витку развития – появлению модернизма.

Литература

Карху Э. Г. История литературы Финляндии XX век. Л.: Наука, 1990. 607 с.

Ciaravolo Massimo Storstaden och flänören som finlandssvenskt problem. Runar Schildt, Arvid Mörne och Erik Grotenfelt [Электронный ресурс] *Flänörens världsbild. KVHAA Konferenser* 84. Stockholm, 2014. P. 93–106. Режим доступа: https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/900175/50139/Schildt_M%C3%B6rne_Grotenfelt.pdf (дата обращения 31.08.2016)

Nygård Stefan. Från Euterpe till Argus. Kulturkosmopolitism i det tidiga 1900-talets Finland [Электронный ресурс] // *Ögonen upp! : Nya Argus första sekel*. Helsingfors : Garantiföreningen för Nya Argus r.f. 2011. P. 29–46. Режим доступа: <http://www.kolumbus.fi/nya.argus/Historik/Argus%20historik%20-%20Nygard.pdf> (дата обращения 31.08.2016)

Warburton Thomas. Åttio år finlandssvensk litteratur. Jakobstad: Jakobstads Tryckeri och Tidnings AB, 1984. 428 p.

Ольга Алексеевна Колоколова

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

Т. О. ГУТТАРИ (ЛЕА ХЕЛО) КАК ФИЛОЛОГ-МЕТОДИСТ (НА МАТЕРИАЛЕ ХРЕСТОМАТИЙ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ 1940–1952 ГГ.)

Тобиас Осипович Гуттари, известный поэт и писатель Карелии, вошел в историю края как создатель художественных произведений на финском языке, редактор журнала «*Punakantele*», секретарь правления Карельской ассоциации пролетарских писателей, член Союза писателей СССР, талантливый переводчик. Тем не менее, не достаточно освещена одна из страниц его биографии, связанная с преподавательской деятельностью, а также работой над хрестоматиями по литературе для неполной средней и средней школы на финском языке, которые были изданы в 1940–1952 годах.

Поскольку задача данной статьи – дать краткий обзор деятельности Т. О. Гуттари как филолога-методиста, не будем подробно останавливаться на биографии писателя, но в нескольких чертах представим основные вехи его жизненного пути.

Т. О. Гуттари (литературный псевдоним – Леа Хело) (1907–1953), финн-ингерманландец по национальности, родился в деревне Муя Санкт-Петербургской губернии. Окончив школу, он поступил в Гатчинский педагогический техникум, где готовили учителей для школ с преподаванием всех предметов на финском языке. Будучи студентом четвертого курса, Т. О. Гуттари отправился работать учителем в деревню Угмойла Пряжинского района АК ССР. Через год, получив диплом, он продолжил преподавать в сельских школах Карелии: в деревне Чалкасельге Медвежьегорского района и Видлице Олонецкого района. В эти годы Т. О. Гуттари начал писать статьи, очерки о сельской жизни, которые публиковались в газете «*Punainen Karjala*» под псевдонимом Леа Хело. Появляются в печати его стихотворения. Т. О. Гуттари избирают секретарем Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), он становится также ответственным редактором литературно-художественного журнала «*Punakantele*», а в 1930–1931 годах выходят поэтические сборники, которые стали одними из первых в молодой литературе карельского края.

Значение творчества Леа Хело для развития молодой, только зарождающейся литературы Карелии трудно переоценить. Свою жизнь он посвятил литературе, писательству, критике, работе с молодыми поэтами. При жизни Леа Хело были изданы его поэтические сборники «*Nuoret mielet*» («Молодые сердца») (1930), «*Astun yli*» («Перешагиваю») (1931), «*Runoja*» («Стихи») (1936), «*Laulu kevääälle*» («Песнь весне») (1940). После войны был издан единственный сборник «*Minun maani*» («Моя страна») (1947). Посмертно вышла книга стихов «*Valittuja runoja*» («Избранные стихи») (1956). Поэтические сборники «*Miten kirja syntyi*» («Как родилась книга») (1933) и «*Punainen Armeija – vartija valpas*» («Красная армия – бдительный страж») (1933) посвящены детям.

Леа Хело выступал и как прозаик, мастер короткого рассказа. После смерти писателя некоторые произведения малой прозы были изданы на финском языке в сборниках «*Kertomuksia ja kuvauksia*» («Рассказы и очерки») (1962) и «*Jumalat remontissa: Kertomuksia ja kuvauksia*» («Боги в ремонте: рассказы и очерки») (1992). В 1964 году вышел сборник на русском языке «Когда озеро цветет: рассказы и очерки».

Прекрасный переводчик, он работал над такими произведениями, как «Поднятая целина» М. Шолохова, «Дни и ночи» и «Русские люди» К. Симонова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Гроза» А. Островского, рассказами М. Горького, А. Чехова и многими другими произведениями. Художественные переводы, выполненные Леа Хело, демонстрируют

огромный лексический запас писателя, его знание русской культуры, исторических реалий, тонкое понимание особенностей стиля и языка русских писателей.

Творчество Леа Хело изучено сравнительно мало, хотя его вклад в литературу Карелии значителен, ибо он стоял у ее истоков, входил в число основоположников. Поэт и критик А. И. Мишин, рассуждая о псевдониме писателя, отмечал, что «само слово *helo* весьма красноречиво. В переводе на русский язык оно означает ‘сияние, блеск’. В финноязычной поэзии Карелии имя Леа Хело сияло многие годы. Для новых поколений финноязычных поэтов он всегда оставался лучшим поэтом-лириком» [Мишин: 192]. Произведения Леа Хело выделяются среди современной пролетарской поэзии, воспевавшей рабочий класс, революционные идеи. Основные черты революционной лирики – лозунговость, декларативность, однообразные, четкие, маршевые ритмы, в то время как стихотворения Леа Хело полны лиризма, тонкого понимания души, внутреннего мира человека, порой на грани интуитивного ощущения; в них звучат «вечные» темы малой родины, отцов и детей, судьбы родного народа, предназначения человека.

Карелия со временем стала для писателя родным краем, ей он посвятил свой литературный и педагогический талант. Работа в сельских и городских школах позволила Т. О. Гуттари яснее понять особенности языковой, культурной ситуации в республике. Задача преподавания в Карелии усложнялась тем, что учебники на финском языке были, но стояла острая потребность в составлении новых, которые отражали бы реалии нового мира и соответствовали образовательным программам. Т. О. Гуттари в середине 1930-х годов начинает работу над составлением хрестоматий по литературе на финском языке для средней школы. С 1940 по 1952 выходят книги для V, VI и VII классов для неполной средней и средней школы¹: хрестоматия для V класса – в 1940 году (в 1941 году – переиздание, в 1944 – 3-е издание, в 1949 – 4-е издание в соавторстве с Х. Лехмус), для VI класса – в 1941 году (в 1948 – 2-е издание, в 1950 – 3-е издание), для VII класса – в 1946 (книга переиздана в 1952 году совместно с Ю. Каллио и М. Пирхонен).

Хрестоматии составлены в соответствии с «Программой по литературному чтению для неполной средней и средней школ» 1940 года [Kaunokirjallisuuden lukeminen 1940]. Курс литературного чтения разработан для V–VII классов и включает рекомендации по тематическому планированию уроков, количеству учебных часов, отведенных на изучение произведений, а также предлагает методы работы и примеры заданий, применимых при работе в классе или дома. В пятом и шестом классах на изучение курса литературы отводилось по 66 учебных часов, а в седьмом – 45, что, по словам авторов программы, не позволяло обращаться к непосредственному чтению в классе и обязывало учеников предварительно ознакомиться с текстами художественных произведений дома. Уроки литературного чтения посвящались анализу произведений с точки зрения поэтики текста и общих сведений по теории литературы [Kaunokirjallisuuden lukeminen 1940: 21]. Отметим, что в современных программах и рекомендациях по планированию уроков литературы в пятых-шестых классах, наоборот, встречаются указания на ценность так называемого «комментированного чтения» в классе учителем и учащимися, а также прослушивания и просмотра записей, где художественные произведения читаются профессиональными актерами, чтецами, поэтами. Такая работа со «звучащим» словом дает возможность более глубокого понимания особенностей произведения, а также интонации, голосовых акцентов, пауз, выразительного чтения в целом.

Хрестоматии, составленные Т. О. Гуттари, полностью соответствуют заявленным в «Программе...» требованиям и предлагают полные или сокращенные тексты произведений, вошедших в перечень как основного курса, так и дополнительного, внеклассного чтения. Хрестоматии включают в себя произведения фольклора, русской литературы, а также стихи и прозу писателей Финляндии и Карелии.

Напомним, что слово «хрестоматия» образовано от древнегреческого слова *χρηστομάθεια*, которое, в свою очередь, произошло от существительного *χρήση, χρήστης* ‘ис-

¹ В списке литературы приведем полные данные первых изданий хрестоматий для V, VI и VII классов.

пользование, пользователь' и глагола *μαθῆναι* 'учиться'. В соответствии с определением, предложенным В. М. Полонским, хрестоматия – «это учебное пособие, представляющее собой сборник систематически подобранных художественных, мемуарных, научных, учебных материалов или отрывков из них, а также других документов. В сочетании с учебниками и учебными пособиями позволяют добиваться более глубокого восприятия и осмысления научных и исторических текстов, произведений художественной литературы. Формируют научное мировоззрение учащихся, способствуют развитию их устной и письменной речи, самостоятельности мысли» [Полонский 2004: 83].

Хрестоматии по литературному чтению, составленные Т. О. Гуттари, выделяются среди изданных ранее в Карелии пособий для чтения, содержание которых составляли большей частью тексты нехудожественной литературы. Книги Т. О. Гуттари можно сопоставить лишь с изданными ранее пособиями У. Н. Руханена, которые являлись именно литературными хрестоматиями и, несмотря на ряд недостатков в организации материала, могут быть, на наш взгляд, названы учебниками-хрестоматиями.

Хрестоматия для пятого класса, составленная Т. О. Гуттари, не имеет четкой структуры, отсутствует тематическая организация разделов: фольклорные произведения перемежаются с поэзией и прозой русских и финских писателей и поэтов. Таким образом, к примеру, переложения древнегреческих мифов соседствуют с речью И. В. Сталина и стихотворениями А. С. Пушкина. В целом построение книги сумбурно, что, несомненно, вызывало проблемы в развитии представления о литературном процессе у школьников. Но, думается, что вина в этом не столько составителя хрестоматии, сколько авторов «Программы...», в которой также отсутствует логика тематической и хронологической организации материала.

Тем не менее, при соотнесении предложенных в хрестоматии произведений с хронологическими рамками учебного года, можно заметить, что начало каждого времени года сопровождается произведением на соответствующую тему, а именно осени, зимы, весны и лета. При этом то или иное время года может быть представлено в произведениях как русских авторов, так и писателей Финляндии и Карелии, к примеру, тема осени раскрывается на примере стихотворений А. С. Пушкина, Ю. Ахо, Л. Хело. Кроме того, эти условно выделенные нами разделы завершаются пословицами и поговорками русского и финского народов, посвященными временам года.

Тексты произведений снабжены иллюстрациями и заданиями, в которых предлагаются различные виды работы с художественными текстами. Ученики также получают знания по теории литературы, знакомятся с основными понятиями тропики, законов построения художественного произведения, литературными направлениями, а также изучают литературный род и жанр.

Хрестоматии для пятого и шестого классов, изданные, соответственно, в 1941 и 1946 годах¹, отличаются более строгой организацией и расположением художественных текстов, а также справочного аппарата и системы заданий. Материал построен по проблемно-тематическому и хронологическому принципам. Весь справочный материал, сведения по теории литературы выделены в отдельный раздел, оформлены по типу словарных статей, расположенных по алфавиту. В основных разделах хрестоматий представлены задания по тому или иному разделу теории литературы, основанные на конкретных примерах из художественных произведений. Структура разделов продумана более тщательно: каждой теме предшествует небольшая вступительная статья, при этом, если творчество писателя изучалось в этом или предыдущих учебных годах, учащимся предложено ответить на вопросы повторительно-обобщающего характера. Разнообразные материалы (воспоминания, письма, высказывания писателей, отрывки из статей, книг) призваны заинтересовать учащихся, разносторонне представить личность писателя, углубить знания школьников о жизненной и творческой биографии автора. На основе вступительной статьи хрестоматии или другого

¹ Отметим, что последующие переиздания книг включают в себя редакторскую правку и небольшие изменения в перечне изучаемых произведений.

указанного источника, с которым учащиеся должны познакомиться самостоятельно, предлагается подготовить устное сообщение или выполнить небольшую письменную работу. Автор хрестоматий призывает не только передать основные факты биографии писателя и особенностей его творчества в качестве пересказа прочитанных источников, но и раскрыть собственное видение проблемы, рассказать, чем заинтересовала жизнь и личность писателя самого выступающего.

Далее следует текст художественного произведения, полный или в сокращенном варианте, и задания, которые призваны помочь учителю построить работу с текстом произведения. Отметим, что составителем разработана система заданий для обучения выразительно-му чтению. Корпус основных заданий и вопросов также направлен на осмысление изучаемого произведения, помогает применить знания по теории литературы при анализе конкретного текста, ощутить настроение произведения, выделить главную идею, тему, определить проблематику, «прочувствовать» текст и прочитать его выразительно. Особенно интересны задания, содержащие советы поэтов по выразительному чтению вслух, а также воспоминания о чтении произведений писателями-классиками, их первом представлении на суд слушателей.

Вопросы и задания дифференцированы в зависимости от их трудности, в более сложных случаях даются советы по выполнению, варианты ответов, предложены возможные направления рассуждений, общий ход мысли при написании письменных ответов на вопросы и сочинений. Автор пособий соблюдает традиционный принцип построения заданий от содержания к форме, от темы, идеи и проблематики к художественным особенностям языка и стиля писателей. На наш взгляд, такие формулировки заданий, как «проследим по тексту», «найдите примеры в тексте произведения», «обдумаем прочитанное» ориентируют учащихся на более внимательное отношение к тексту произведения, помогают проанализировать прочитанное, настраивают на работу со словом. Составитель не только помогает изучить сюжет произведения и получить сведения по теории литературы, поэтике текста, но учит основам анализа художественного текста, помогает читателю оказаться в творческой мастерской писателя. С этой точки зрения, к примеру, интересны разделы, где изучаются произведения самого Леа Хело. Принципы построения заданий к стихотворениям, отбор произведений, представленных в хрестоматиях, акценты, расставленные самим автором, могут стать одним из аспектов при изучении творчества самого поэта. Особую ценность представляют собой переводы художественных произведений с русского языка на финский, часть из которых выполнил сам Т. О. Гуттари.

Таким образом, хрестоматии, составленные Т. О. Гуттари, несмотря на некоторые присущие им недостатки, представляют собой особую ценность в истории преподавания литературы в Карелии, поскольку являются не только сборниками художественных текстов на финском языке, но могут быть охарактеризованы как учебники-хрестоматии. В заключение отметим, что хрестоматии Т. О. Гуттари во многом отвечают даже требованиям современного государственного стандарта образования по литературе, в том числе и для школ с родным (нерусским) языком обучения [Стандарт], и способствуют приобретению общекультурной, литературной, ценностно-мировоззренческой и читательской компетенций, что раскрывает талант Т. О. Гуттари не только как поэта и писателя, но и филолога-методиста.

Литература

- Мишин А. И. Поэт-лирик Леа Хело. Север. № 1–2. Петрозаводск, 2012. С. 192–194.
- Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. М.: Высшая школа, 2004. 512 с.
- Стандарт – Стандарт среднего (полного) общего образования по литературе. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования: Среднее (полное) общее образование Российская Федерация. Министерство образования (Москва) // Вестник образования России. 2004. № 14. С. 17–45.
- Kirjallisuuskemisto vajaan keskkoulun ja keskikoulun 5 luokkaa varten / Toim. T. Huttari. Petroskoi: Karjalais-suomalaisen SNT:n Valtion Kustannusliike, 1940. 239 s.

Kirjallisuuslukemisto: vajaakeskikoulun ja keskikoulun 6 luokka varten / T. Huttari. Petroskoi: Valtion kustannusliike, 1941. 316 s.

Kirjallisuuslukemisto: 7-vuotisen ja keskikoulun 7 luokalle / toim. T. Huttari. Petroskoi: Karjalais-Suomalaisen SNT:n Valtion kustannusliike, 1946. 473 s.

Kaunokirjallisuuden lukeminen: vajaakeskikoulun ja keskikoulun 5–7 luokka. Petroskoi: Karjalais-Suomalaisen SNT:n Valtion Kustannusliike, 1940. 31 s.

Ирья Тойвовна Иганус

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ

Известное стихотворение русского поэта А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» знаменито тем, что в нем нет ни одного глагола. Все три строфы стихотворения образуют синтаксически одно предложение без сказуемого и, вместе с тем, каждая строфа представляет собой завершенное действие. В финском языке предложение не может существовать без глагола, без сказуемого. Глагол в финском языке – основная часть речи, а сказуемое – главный член предложения.

Глаголы финского языка выражают действие или состояние. Глаголы движения или глаголы, обозначающие перемещение в пространстве, одна из разновидностей акциональных глаголов, образующая особую лексико-семантическую группу [СЛТ].

Русским глаголам движения присущи оппозиции по семам однонаправленности – неоднаправленности, кратности – не кратности, способа передвижения и т. п. Финские глаголы движения слабо маркированы в отношении направления. Только некоторые из них выражают движение, имеющее определенное направление. Глагольную пару *mennä – tulla*, к примеру, можно отнести к однонаправленным глаголам [Мякиля 1988: 88–89].

Автор наиболее полной современной классификации глаголов финского языка Аннели Паюнен подразделяет глаголы движения на следующие подгруппы: глаголы действия (*kävellä, juosta, kiertää*), динамичные (*valua, pudota, kaatua*), каузативные (*kuljettaa, ohjata, etsiä*) и рефлексивные (*kääntyä, taivuttaa, kohottaa*) [Pajunen 1999: 53]. Количество глаголов движения в финском языке значительно превышает количество глаголов такой же лексико-семантической группы русского языка. Только глагол *juosta* насчитывает более 16 синонимов. Однако, на начальном этапе обучения необходимо представить механизм употребления основных, универсальных глаголов движения, опираясь на большое количество ситуативных речевых примеров. Наиболее универсальными и стилистически нейтральными, с нашей точки зрения, являются глаголы *tulla, mennä* и *käydä*, каждый из которых имеет несколько вариантов перевода на русский язык.

Наблюдения свидетельствуют, что, знакомясь с глаголами данной лексико-семантической группы, обучающиеся активизируют их в своей речи без соотнесения с нужной падежной формой именных частей речи, нередко подражая структурной организации родного языка.

Особую сложность для понимания и перевода представляют приставочные глаголы русского языка, поскольку в финском эквиваленте однокоренным глаголам русского языка будут соответствовать разные глаголы. [Куусинен, Суханова 1981: 27]

Глагол *mennä* (= *poistua, lähteä, siirtyä*) используется с падежами, отвечающими на вопрос *mihin?* (куда?), традиционно переводится на русский язык приставочными глаголами 'пойти, отправиться, уйти, выйти' и т. п. [Куусинен, Суханова 1996: 146–148]. В семантике глагола четко просматривается движение к определенной цели, движение 'от себя' [PS]. При переводе на русский язык, приставка **вы-** придает глаголу чаще всего значение движения 'изнутри наружу'; приставка **по-** с однонаправленным глаголом передает значение начала действия.

Mennään elokuviin! 'Пойдём(-те) в кино!'

Menen(=olen menossa) nyt kotiin. 'Я иду домой.'

Mene pois täältä! 'Уйди отсюда!'

Menkää nyt heti pois huoneesta! 'Выйдите сейчас же из комнаты!'

En halua mennä parvekkeelle. 'Я не хочу выходить на балкон.'

Juna menee Tampereelle. 'Поезд идет в Тампере.'

Глагол *tulla* (=saapua, lähestyä, ilmaantua) управляет падежами с вопросами *mistä?* 'откуда?' и *mihin?* 'куда?' и переводится глаголами 'приехать, прибыть, появиться, вернуться, прийти, выйти' и т.п. [Куусинен, Суханова 1996: 146–148]. Этот глагол практически всегда обозначает – 'движение к себе'[PS]. В переводе приставка *при-* придает глаголу движения значение предельности, доведения действия до 'конечной цели'

Tulin kotiin kello 9. 'Я пришел домой в 9 часов.'

Juna tulee Helsinkiin aamulla. 'Поезд прибывает в Хельсинки утром.'

Tulen teille kohta. 'Я скоро к вам приеду.'

Tulkaa nyt illalla meille! 'Приходите (приезжайте) вечером к нам.'

Типичная для русских глаголов категория кратности – не кратности действия отсутствует у финских глаголов движения, хотя некоторые из них иногда употребляются для выяснения идеи кратности. Глагол *käydä* обозначает движение 'туда и обратно', типично управляет инессивом с вопросом *missä?* 'где?', переводится глаголами 'сходить, побывать, посетить, съездить' и т.п. [Куусинен, Суханова 1996: 532].

Meiltä puuttuu saippua, käytkö kaupassa ostamassa? 'У нас нет мыла, сходишь в магазин, купишь?'

Minun pitäisi käydä lääkärissä? 'Мне нужно сходить к врачу.'

Näyttely jäi minulta käymättä. 'Я не посетил выставку.'

En ole koskaan käynyt Moskovassa. 'Я никогда не бывал в Москве.'

Семантику глаголов движения целесообразно изучать в тесной связи с семантикой внутренне- и внешнеместных падежей [Мякиля 1988: 86–98], поскольку глаголы движения активно используются для выражения пространственных отношений. Рассмотрим несколько характерных примеров.

Подруги рассматривают сумки в витрине магазина. – 'Ты эту сумку хочешь? **Иди** возьми!' (говорящий и слушающий смотрят на предмет, как «один человек», находятся непосредственно рядом друг с другом) – *Haluatko tuon laukun? Mene hakemaan!*

Если же предмет, о котором идет речь, находится ближе к говорящему, то будет использован глагол *tulla*. – *Haluatko tämän laukun? Tule hakemaan!*

В первом примере и глагол *mennä* и демонстратив *tuon* указывают на движение 'от себя'. Во втором примере демонстратив *tämä* и глагол *tulla* указывают на движение 'к себе' с позиции говорящего.

Предложение 'Иди к маме!' будет переведено *Mene nyt äitisi luokse!*, если ребенок находится рядом с говорящим, и говорящий отправляет ребенка 'от себя', и *Tule nyt äitisi luokse!*, если говорящий сама мама, которая зовет ребенка подойти к ней, движение 'к себе'. В предложении 'Нужно навестить маму' (букв. 'сходить к маме') – *Pitää käydä äidin luona* – глагол *käydä* выражает идею кратности и указывает на движение 'туда и обратно'.

Предложение – 'Он (X) вышел из комнаты' – может быть переведено на финский язык двумя способами:

– *Hän meni pois huoneesta(=poistui, lähti pois)*, если говорящий находится в комнате, из которой вышел X (в этом случае имеется в виду движение 'от себя, изнутри').

– *Hän tuli huoneesta*, если говорящий находится за пределами комнаты, и субъект X вышел к говорящему, движение 'изнутри к себе'.

Глагол *käydä* используется для выражения идеи кратности, повторяющегося действия. Для выражения повторяющегося действия глагол *käydä* управляет партитивным определением – *Tyttö käy koulua* 'Девочка ходит в школу'. *Poika käy toista luokkaa* 'Мальчик ходит во второй класс'.

В следующих предложениях представлена пара приставочных глаголов, образованных от некротного (*exatъ*) и кратного (*ездитъ*): 'Брат приехал к нам' – 'Брат приезжал к нам'. Для перевода первого предложения будет использован однонаправленный глагол *tulla* – *Veli tuli meille* (приехал и находится у нас), во втором же предложении будет использован глагол *käydä* – *Veli kävi meillä* (приехал и уехал обратно, движение 'туда и обратно').

Ситуативные и контекстуальные примеры употребления базовых глаголов движения облегчают процесс активизации в речи и более сложных глаголов этой группы. На более позднем этапе обучения необходимо также знакомить слушателей с синонимичными рядами глаголов, образованных с помощью суффиксов, что, однозначно, упрощает понимание механизма функционирования глаголов движения.

Литература

Куусинен М. Э., Суханова В. С. Глаголы идти-ходить и их эквиваленты в финском языке // Прибалтийско-финское языкознание, Л, Наука, 1981.

Куусинен М. Э., Суханова В. С. Русско-финский словарь глагольного управления. Петрозаводск, Карелия, 1996.

Мякиля К. Способы выражения однонаправленности и неоднаправленности движения в русском и финском языках. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 30. Helsinki, 198

СЛТ – Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим». Т. В. Жеребило. 2010.

PS – Perussanakirja (CD). Helsinki: Oy Edita Ab, 1996.

Rajunen Anneli. Suomen verbirektiosta. Turku: Turun yliopiston Yliopistopaino, 1999. S. 52–57, 154–161.

Елена Александровна Калинина
Институт российской истории РАН,
г. Москва

ШКОЛЬНЫЙ КУРС «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Учебный предмет «История» был введен в курс образовательных учреждений России в конце XVIII в. и по учебной программе Главных народных училищ 1786 г. разделялся на Всеобщую историю (преподавалась в III и IV классах) и Отечественную историю (преподавалась в IV классе). В школьных Уставах 1804 и 1828 гг. курсы всеобщей и отечественной истории изучались только в уездных училищах и гимназиях, минуя приходские школы. Между курсами отсутствовала какая-либо связь, а всеобщая история рассматривалась, как основная, отечественная же преподавалась в старших классах, и служила завершением программы по истории.

Законодательные документы первой половины XIX в. лишь учреждали школьный курс истории в учебных заведениях России, как обязательный, но вопросы содержания исторического образования: концепция, периодизация, методология истории, а также формы и методы обучения не были конкретизированы и поэтому стали предметом обсуждения, разработки ученых-историков, профессоров российских университетов, преподавателей школ и общественных деятелей.

Одним из обсуждаемых вопросов была проблема определения целей и задач школьного исторического образования. В этом вопросе историки и педагоги были едины: история – это описание истории человеческого рода, деятельность людей и их судьбы, и изложение прошлого должно быть организовано в виде непрерывного ряда существенно связанных между собою событий, последовательно сменяющих друг друга.

Об особой роли истории в системе народного просвещения России в ноябре 1813 г. С. С. Уваров, в то время попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, изложил Алек-

сандру I в своем докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства народного просвещения». В нем автор сформулировал концепцию народного образования в духе «официальной народности», считая преподавание истории в учебных заведениях страны «делом государственным». Суть его состояла в признании «почтительного, нравственно-назидательного назначения истории, просвещения и воспитания историей дворянских детей, в необходимости пробуждения в них духа патриотизма, дворянской гордости и чести, национального чувства» [Уваров 1813: 24].

В целом, целью изучения истории в школе стало формирование у учащихся «исторического отношения» к жизни, понимание процесса всего мирового исторического процесса и России, в частности.

Несомненно, значительное место в исторической науке занимал религиозный компонент. Как отметил профессор императорского Царскосельского лицея И. К. Кайданов: «История учит нас трудному, но необходимому искусству – уметь терпеливо сносить все на свете и примириться со своей судьбой, ибо во все времена и везде страдания и бедствия был уделом рода человеческого. Судьбы царств и народов содержатся в деснице Божьей» [Кайданов: 1826: 5]. Исторические примеры развития государств и народов давали учащимся представления об их возвышении и падении «в океане времени» по причине Святой Воли Провидения.

Некоторые авторы разделяли историческую науку на различные направления. Например, И. К. Кайданов предлагал деление истории на церковную, политическую (гражданскую) и естественную историю науки, художеств, торговли, изобретений, открытий, а Г. Т. Степанов – на политическую, дипломатическую и философскую [Степанов 1834: 57].

При рассуждении по поводу предмета риторики в то время встал вопрос, с какого класса начинать изучать историю в школе. Многие сходились во мнении: изучать курс истории надо в старших классах, в зрелом возрасте, не ранее 14–15-летнего возраста, «когда голова не будет трещать от множества набиваемых в нее сведений» [Бессомыкин 1836: 250–251]. В российских гимназиях с 1804 г. историю преподавали: в уездных училищах в I и II классах (с девятилетнего возраста), где в I классе изучали древнюю историю, а во II – отечественную историю по 2 часа в неделю. В гимназиях – в III и IV классах (с двенадцати лет).

В 1819 г. в связи с увеличением длительности школьного обучения (в уездном училище – 2 до 4 лет, в гимназии – с 4 до 7 лет) и изменением всех учебных программ, последовала значительная корректировка исторического курса. Так, в губернских гимназиях в течение четырех лет, начиная с III класса и заканчивая в VI классе. Воспитанники VII класса историю не изучали.

С введением «Устава гимназий, уездных и приходских училищ» в 1828 г. в гимназиях длительность обучения этому предмету увеличилась до 5 лет. Гимназисты изучали историю в III–IV классах по 2 часа в неделю, в V–VII – по 3 часа в неделю, а с 1849 г. исторический курс снова сократили до 4-х лет: историю начинали изучать с IV класса – 2 часа в неделю и далее V–VII – по 3 часа в неделю.

Важно отметить, что преподавание исторического курса шло концентрическим способом, при котором вся история изучалась, по меньшей мере, два раза, но различным образом. Первоначальное обучение проводилось в уездном училище, где элементарный курс истории с древности до наших дней ограничивался чтением и рассказами о главных событиях. В первых трех классах учитель сообщал учащимся интересные сведения об исторических деятелях и событиях по всеобщей и отечественной истории, преимущественно останавливаясь на биографиях знаменитостей, являющихся примером для юношества.

Вторая часть концентрического преподавания шло в гимназиях. Тот же самый курс становился более сложным, подробным, с привлечением исторических терминов, представления причин и следствий событий, изложения главнейших событий всеобщей и отечественной истории и жизнеописания великих монархов. Так, у учащихся формировались патриотические чувства и убеждения о могуществе государства.

Преимущества концентрической системы были очевидны: выпускники уездных училищ получали целостное, хотя и элементарное, представление об историческом процессе,

при отборе материала учитывались возрастные особенности детей, все разделы истории имели почти одинаковое количество времени для усвоения. Такой способ изучения истории был особенно важен. Учащиеся гимназий, не окончившие полного гимназического курса, также имели определенные сведения по отечественной истории.

В это время шел активный процесс формирования форм и методов преподавания истории в учебных заведениях страны. Вопросы методики изложения и выбора исторического материала на уроках, приемы работы с учебником, применение наглядности – исторических карт, хронологических таблиц, деятельность учителя и учащихся в процессе обучения предмету – вот основные проблемы развития методического обеспечения исторического образования в первой половине XIX в.

Важное место в преподавании истории занимал выбор материала. В частности, предполагалось при первоначальном обучении значительную часть исторического материала заменять живыми и образными характеристиками исторических деятелей, жизнеописания которых были бы доступны и привлекательны для ребенка, обращая внимание на характер, талант знаменитых людей. Каждое историческое событие рекомендовалось основательно разобрать, обсудить. Многие считали, что при определении курса истории нужно избегать обильного материала и выделять то, что должен знать ученик и что может принести ему «истинную пользу из массы излишнего, непонятного и непереваримого» [Бендерман: 1862: 147–148]. Для решения этой проблемы авторы учебных пособий ограничивались составлением текстов учебников только главными «происшествиями», кратко представляя ход исторических событий стран.

Что касается методики преподавания школьного курса истории, то авторы учебных руководств в предисловии к ним предлагали практические советы по ведению уроков, конкретные указания на применение форм и методов работы с детьми. Например, книга Ф. И. Янковича де Мириево «Всемирная история», помимо исторического материала, содержала рекомендации о том, как вести урок: краткое повторение пройденного материала на прошлом уроке, чтение и объяснение новой темы по статье в учебнике, показ на настенных картах (ланд-карты) мест событий, походов, переселений народов. Кроме того, предлагались примерные вопросы для учащихся и акцентировалось внимание учителя на ответы учащихся «своими словами», а не зазубренными фразами без понимания текста: «лучше, если они отвечают исправно своими словами, нежели теми словами, какие находятся в книге» [Янкович де Мириево 1808: 4–5].

В курсе преподавания истории постепенно приобретали значимость наглядные пособия, которые изображали исторические предметы, портреты исторических деятелей, исторические сцены событий, рисунки одежды, жилищ, памятников и зданий. Применение наглядности, особенно на уроках в начальной школе, в юном возрасте воспитанников, «когда их ум еще мало способен к высшим отправлениям», являлся одним из достоинств уроков истории. Наглядность знакомила детей с окружающими предметами природы и культуры. Необходимыми пособиями при преподавании истории становились географические атласы и настенные карты. Одним из компонентов наглядности считались хронологические таблицы. Учителям рекомендовалось составлять их прямо на уроках и затем использовать для заучивания исторических дат, имен, событий.

Тем не менее, наглядность на уроках истории практически не применялось. Школьные учебники издавались без иллюстраций, а иногда и без карт, настенными картами (ланд-картами) в то время школы не были обеспечены. В такой ситуации учителя использовали рукописные карты или руководствовались географическими пособиями: картами или глобусом. В связи с этим высказывались мнения о создании для гимназий учебников истории в картинах, где бы каждое значительное событие, каждый особенный период времени имел свое изображение, где бы каждый век имел свою краску, как государства на географических картах, и где под каждым изображением нарисованы бы были современные ему изобретения в науках, искусствах, общезитии, ремеслах и т. п. [Киреевский 2007: 136–137].

Несомненно, главным действующим лицом на уроках являлся учитель. Как заметил Н. А. Полевой: «Историк – живописец, ваятель прошедшего бытия: от него только требуется верного и точного изображения прошедшего... Историк обязан только показать нам прошедшее, как оно было, оживить представителей его, заставить их действовать, думать, говорить, как они действовали, думали, говорили» [Полевой 1829: 20–21].

Особое место уделялось рассказу педагога. Живое, красноречивое слово преподавателя не могло заменить учебник. Наставник оживлял историю своими искусными рассказами, не обременяя изложение материала мелочными подробностями и критическими исследованиями. Интересный и поучительный рассказ учителя влиял на ученика, заставлял работать воображение учащихся, развивал его память. Важно было во время передачи учебного материала излагать предметы ясно, наглядно, связно, красноречиво, обращать внимание на правильность и простоту выражения, всячески избегая многословия, расплывчатости, общих фраз.

Наиболее распространенным приемом обучения на уроках истории в этих учебных заведениях было краткое комментирование текста учебника. Как правило, учитель подробно и не спеша излагал содержание каждого параграфа в руководстве, затем заставлял учащихся по несколько раз пересказывать услышанное на уроке. Учение заключалось в буквальном заучивании исторических уроков по книгам. Бывшие гимназисты вспоминали: «История шла у нас в долбежку, не более и как все насильственно заученное, наши знания скоро улетучились [Мартынов 1861: 7–8]. «Когда ученик говорил слово по книге педагог одобрительно качал головой, в случае неудовлетворительного ответа скажет: болван, стань на колени, нередко большая часть учеников была на коленях, зубрили сколько хватало сил ибо без обеда оставаться было очень неприятно» [Назимов 1876: 105].

Таким образом, уроки истории в школах России в первой половине XIX в. должны были воспитывать юношество в духе гражданственности и патриотизма, формировать у них представление об исторических событиях прошлого. Образы царствующих особ, высших чинов дворян и духовенства, представленные в школьных учебниках в ярких, эмоциональных красках, пробуждали в них чувства сопереживания, благодарности к вождям, главным защитникам народа, страны и православной веры. В это время в школьных учебниках по отечественной истории главной темой становится известная формула – «самодержавие, православие, народность», которая была основой создания учебной литературы, методических руководств, учебников, школьных программ по учебным предметам.

Литература

Бендерман К. Преподавание истории в училищах, его недостатках и план его реформ // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. Ч. 115. С. 146–169.

Бессомыкин И. Очерк педагогических начал // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 1. С. 236–257.

Кайданов И. Г. Руководство к познанию всеобщей и политической истории. СПб., 1826.

Киреевский И. В. Записка о направлении и методах первоначального образования в России // Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 130–157.

Мартынов А. Школьные воспоминания // Русский педагогический вестник. 1861. № 6. С. 3–14.

Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 г. // Русский вестник. 1876. № 7. С. 74–110.

Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. М., 1829.

Степанов Г. Т. Об истории всеобщей, предмете, цели и практическом изложении оной // Сын Отечества и Северный Архив. 1834. № 41. С. 49–60.

Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства народного просвещения. СПб., 1813.

Янкович де Мириево Ф. И. Всемирная история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1808.